

ЛЕОНИД РЕЗНИКОВ

АЛА АД-ДИН
И ПОВЕЛИТЕЛЬ
ДЖИННОВ

16+

Леонид Резников Ала ад-Дин и повелитель джиннов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55319983

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь у Максима потихоньку наладилась, и он даже начал забывать про свои скитания на сказочном Востоке. Но дадут ли ему это сделать окончательно? Разумеется, нет! Ведь на Востоке нарисовалась новая проблема в лице старого желчного колдуна, желающего заполучить лампу с Владыкой джиннов. И к кому еще обратиться несчастным джиннам, как не к Максиму, блистающему удачливостью и изворотливостью. Вот только молодого человека в очередной раз почему-то забыли поставить об этом в известность...

Содержание

Глава 1. Кошмар Ала ад-Дина	4
Глава 2. Принцесса Бадр Аль-Будур	24
Глава 3. Джинн Каззан Одын Бздын	47
Глава 4. Сплошные неудачи	73
Глава 5. Дядя Абаназар	99
Глава 6. Черный и белый	128
Глава 7. О принцесса Будур, явись!	164
Глава 8. Страдания Ала ад-Дина	189
Глава 9. Залог	212
Глава 10. Хочу – не хочу	235
Глава 11. Несчастья Абаназара и новый жених Будур	264
Глава 12. На все воля Аллаха!	287
Глава 13. Эм-Эн-Вэ-Вэ	305
Глава 14. Трах-тебедох	330
Глава 15. Как два пальца!	349
Глава 16. Пожа-алуйста!	373
Глава 17. Зачем ты залез в горшок?	394
Глава 18. А кому лампы?	426
Послесловие	440

Леонид Резников

Ала ад-Дин и повелитель джиннов

Глава 1. Кошмар Ала ад-Дина

Огромная железная птица с полым нутром и широко распахнутыми крыльями, гудя, свистя и постукивая, неспешно прокатилась по узкой дорожке, помеченной по краям веселыми яркими фонариками. Ворчливо проверещав металлическим голосом, она замерла в ожидании неизвестно чего.

Ала ад-Дин, прикованный прочным ремнем к невиданному им доселе мягкому креслу, сидел ни жив ни мертв, ожидая смертной участи, когда птица начнет переваривать своих жертв. Помимо Ала ад-Дина в чреве птицы находились и еще люди, странно одетые и совершенно апатичные ко всему происходящему. Одни полулежали, откинувшись на узкие спинки кресел, другие глазели в расцветченную разноцветными фонариками ночь сквозь круглые, затянутые прочным теплым льдом отверстия в боках птицы. Похоже, все они уже смирились со своей участью.

Внезапно погас свет, а птица словно взбесилась. Издав противный, все нарастающий вопль то ли боли, то ли торже-

ства, она ринулась вперед. Замелькали фонарики, все быстрее и быстрее уносясь назад. Несчастливого Ала ад-Дина неведомая сила вжала в кресло. Птицу затрясло, словно в припадке безумия, ее негнущиеся крылья забила мелкая дрожь, и вдруг земля провалилась. Что-то грохнуло, потом еще раз. Птицу повело влево, а ее крылья начали уменьшаться. Казалось, птица вбирает в них широкие стальные «перья». Птицу потряхнуло – раз, другой, качнуло из стороны в сторону. Уши у донельзя перепуганного Ала ад-Дина заложило, в груди возник предательский холод, а тело молодого человека сковал липкий страх, хотя, казалось, больше, чем он уже напуган, испугаться просто невозможно. Ала ад-Дин закричал, забился в прочных путах...

– Сынок, что с тобой? – разорвал жуткий кошмар знакомый голос. Он, добрый и полный нежности, всегда нес душе молодого человека ощущение покоя.

Ала ад-Дин подскочил на постели и огляделся. Тело его, покрытое холодным потом, била мелкая дрожь. Но брюха страшной птицы уже не было, и фонариков не было, и столбов, озаренных яркими светильниками – тоже. Не было ничего, был лишь его родной дом, комната, наполненная плотной тьмой и ласкающей слух тишиной.

– О-о, какой кошмар! – пробормотал Ала ад-Дин, отерев непослушной ладонью лицо. – Присниться же такое.

– Что на этот раз? – вздохнула старая женщина, удрученно качая головой. – Расскажи мне.

– Вы не поверите, мама: огромная железная птица проглотила много-много людей и собралась куда-то лететь! А еще там была белая девушка.

– Белая? – нахмурилась мать.

– Именно, – подтвердил Ала ад-Дин.

– Хм-м... Красивая? – заинтересовалась любопытная от природы женщина.

– Не знаю, разве только ноги... – честно признался Ала ад-Дин, порядком запунцовев, что в темноте осталось незамеченным, и скромно потупил глаза. – Я смотрел на ее голые ноги.

– О Аллах! Она что, голая была? – Старушка отшатнулась от сына.

– Не то чтобы... На ней была надета жилетка. И еще синий поясной платок. Даже не платок, а платочек. У-узенький такой, – показал руками Ала ад-Дин.

– Уй-юй! Не показывай на себе, остолоп ты эдакий, еще привяжется! – возопила старушка-мать и воздала молитву всевышнему.

– Ну вот, – как ни в чем не бывало продолжал свой рассказ Ала ад-Дин, – и эта девушка размахивала руками, будто пораженная джинном безумия и что-то все время говорила, говорила. Но я не понял ни слова. Мне кажется, она предлагала купить рыжую штуку, похожую на слюнявчик, но никому она была не нужна. А ноги у нее – прости Аллах! – будто из воска, но блестят, словно начищенная таньга.

– Это нечистая сила, точно тебе говорю! – встрепенулась старушка. – Жениться тебе надо, сынок, потому и распутные девки с восковыми ногами мнутся, к греху тебя подводят.

– Ну уж нет! – повел носом Ала ад-Дин. – Я еще слишком молод, мама. Не торопите меня.

– Непутевый ты, – обреченно вздохнула старушка. – Ох, гляди, помутится скоро твой разум. А все из-за проклятых книг, чтоб они провалились! Позавчера тебе снилось, будто ты сидел в темной зале, а с белой стены лупились, разговаривали и скалились злобные ифриты. Вчера на шайтан-арбе мчался куда-то, а сегодня вот в чрево железной птицы угодил. Ох, недоброе чует мое сердце, сынок! Бросил бы ты эти книги, а? Занялся сапожным ремеслом, как твой отец, и жил подобно всем честным людям.

– Вы хотите, чтобы я всю жизнь за медяки чинил всяким оборванцам вонючие чуваки и умер в нищете, как мой несчастный отец, да смилостивится над ним Аллах! – поморщился Ала ад-Дин, почесывая бок.

– Зато ему не снились никакие железные птицы и распутные девки с восковыми ногами! – парировала старушка. – У него были дом, работа, еда. И еще сын бездельник. О-хо-хо, – удрученно покачала она головой. – О Ала ад-Дин, прошу тебя, – взмолилась мать, воздевая ладони к небу, – возьми за ум.

– Ох, мама! – устало выдохнул Ала ад-Дин. Подобные разговоры уже порядком наскучили ему. – Не начинайте все

сызнова. Возьмусь я, возьмусь.

– Когда?

– Скоро!

Мать только рукой махнула от безысходности. Спорить с сыном было пустым делом, и кому об этом знать, как не ей.

Ала ад-Дин тем временем, уже порядком придя в себя от ночного кошмара, потянулся, нащупал рубаху и, нацепив ее, поднялся с постели. За окном начинало светать, и пора было собираться в город. Там на сегодня назначены петушинные бои, а прозевать такое событие было выше сил молодого человека...

День у Максима не задался. Вроде и встал с той ноги, и шеф похвалил на работе. И даже предложил зарубежную командировку – невероятно, но факт! И настроение отменное, в смысле, было...

Максима Короткова, бывшего вора, а ныне сотрудника серьезной конторы, торгующей техникой для безопасности, наконец заметили и сочли толковым работником, достойным проявить себя, свои способности, что изрядно польстило самолюбию Максима. Ведь теперь он на хорошем счету у шефа, и возможно, Максиму даже повысит зарплату, что пришлось бы очень кстати. Все-таки в честной жизни есть своя выгода, как ни крути. О том, как он жил раньше, Максиму и вспоминать не хотелось – тошно становилось на душе. А уж о жизни на сказочном Востоке и говорить нечего было –

просто жуть брала от кошмарных воспоминаний. Да и было ли все это на самом деле? Хотя доказательством тому служила одежда Черного Кади, которую Максим все порывался выбросить, но так и не собрался с духом, ведь она оставалась единственным доказательством реальности событий двухгодичной давности, последней ниточкой, так сказать. Да и в выражениях Максим стал более сдержанным, старался контролировать каждое свое слово, хорошо помня, как обычная, казалось бы, фраза «Чтоб мне провалиться!» возымела реальное воплощение, отправив Максима далеко и надолго в неведомый мир, за тридевять земель, за тысячу лет. Тут уж поневоле призадумаетесь!

Но почему Максиму вдруг вспомнилось все это? Не командировка ли тому причиной? Ведь отправляли его не куда-нибудь, а в Арабские Эмираты! Что это: чистейшей воды совпадение или мироздание вновь решило сыграть с Максимом злую шутку? Но чем он заслужил?

Перебирая в голове события последних двух лет, Максим никак не мог найти причин у мироздания быть недовольным им. Не воровал, не хамил, не ругался, пил не больше, чем остальные, по большим праздникам и торжествам, не сквернословил (не особо, по крайней мере). Вроде и не за что, а все же с Максимом происходило нечто странное, вселяющее как минимум здоровое непонимание: третий раз за день ему на глаза попадался какой-то оборванный араб.

Нет, сначала Максим, конечно, не обратил на него особого

внимания. Мало ли какой чудик поднял в кинотеатре шум, так что пришлось прервать сеанс. Максим заглянул в кинотеатр по делам фирмы: монтировала систему пожарной безопасности, – а этот оборванец внезапно вскочил с кресла и, подвывая от ужаса, заметался меж кресел. Да еще сработала противопожарная система, включенная в тестовом режиме, к которой ушлый монтер уже успел прикрутить динамики, не сказав об этом никому. Так в кинотеатре такое началось!..

Максим, разумеется, получил нагоняй от шефа, несильный, но все равно обидно. Ведь ни за что же по большому счету!

После тот же араб встретился Максиму по дороге в аэропорт. Надо же такому случиться, что Максим подсел в автобусе именно к нему. Нервный загорелый молодой человек сидел, сжавшись, и круглыми, словно плоски, глазами наблюдал за проносящимся мимо него пейзажем среднерусской равнины. А потом Максим задремал, и араб куда-то незаметно слинял. Может, где на остановке по дороге сошел? Главное, что ничего у Максима не пропало, все вещи оказались на месте, и деньги в кармане, и документы с билетом – тоже. Но поволновался Максим изрядно, хлопая себя по карманам ветровки и перебирая содержимое сумки.

А тут еще оказалось, что и в самолете их места рядом. Бледный, донельзя напуганный житель Востока в рваной, заношенной одежонке и засаленной тубетейке на лысой голове, оглядывал салон самолета, словно диво какое, ковырял

обшивку грязным обкусанным ногтем, скребся в стекло и все дергал и дергал привязной ремень. А когда начали взлетать, так араб и вовсе сошел с лица и устроил истерику, а потом – хлоп! – и нет его. Вот только что сидел рядом с Максимом, распространяя вокруг себя удушающие ароматы потного тела и старой кожаной обуви, а стоило Максиму отвернуться на секунду – пропал, будто его и не было.

Максим, пребывая в ступоре, ощущал пустое кресло рядом с собой, даже все еще застегнутый ремень зачем-то подергал. А после вызвал стюардессу и путано рассказал о пропаже человека, при этом виновато и очень смущенно улыбаясь, только бы его не сочли умалишенным. Все оказалось гораздо хуже, чем полагал Максим: лучше бы бортпроводница решила, будто он и вправду не в своем уме, мило и понимающе улыбнулась, предложила воды и удалилась к себе. Так ведь нет! Она доложила обо всем командиру, и поднялась тихая паника. Ведь и проводница хорошо запомнила странного типа арабской наружности, особенно его запах.

Но обнаружить беглого пассажира в самолете не удалось. Не было его ни под креслом, ни в туалетах, ни на полках, забитых ручной кладью (интересно, как бы он туда забрался?), ни в подполе, где переплетаются километры проводов и ютятся различные тяги, трубопроводы и диковинные механизмы! В общем, поиски не увенчались успехом, и командир принял решение вернуться на аэродром, где пассажиров высадили, тщательно проверили и загнали в накопитель, а

самолет уже более основательно обыскали вдоль и поперек. Говорят, даже собаку вызывали, но и та оказалась бессильна разгадать арабскую загадку: неизвестный словно сквозь фюзеляж провалился.

Несчастный Максим промучился в накопителе целых пять часов, томимый недобрыми предчувствиями, а после забылся беспокойным сном.

– Чтоб тебя скорпион ужалил в голую пятку! – проворчал злой донельзя Ахмед, закидывая на спину давно опостылевшую, неудобную подставку под масляные лампы, связанную из бамбуковых палок. Он нервно одернул кожаные ремешки, впившиеся в его худые плечи, отчего медные лампы тихонько звякнули. – Кривоногий тушканчик, отрыжка верблюда, ханурик магрибский! У-у, ненавижу!

Кто такой ханурик, Ахмед не знал – мало ли он нахватался диковинных словечек от своего бывшего предводителя, исчезнувшего неизвестно куда прямо с площади во время суда. Но слово это, как казалось бывшему разбойнику, полностью отражало суть ненавистного колдуна, к которому Ахмед случайно прибился после удачно совершенного побега. Ахмеду тогда казалось, что в его жизни наступит просвет, и она забьет ключом. Еще бы, такой крупный и известный колдун, сколько зла можно с ним на пару сотворить! Но прошло уже два года, а все застопорилось на торговле проклятыми лампами с несуществующими джиннами. Торговать прихо-

дилось, разумеется, Ахмеду. Колдун же всецело был поглощен поиском настоящей лампы с джином и ни о чем другом не помышлял.

– Что ты там ворчишь, бездельник? – донеслось до ушей Ахмеда, которому никуда не хотелось идти, и потому он нарочито долго натягивал поношенные, местами дырявые чулки.

– Ничего, господин, – отозвался Ахмед, скрипнув зубами. – Вам показалось.

– Тогда почему ты еще здесь?

– Не беспокойтесь, я уже ушел, – буркнул Ахмед, распахнул дверь и, оглянувшись через плечо, вышел на двор.

Колдун проводил слугу недобрый взглядом и отвернулся, продолжив заниматься своим проклятым Аллахом занятием.

– Чтоб глаза твои повылезали, а самого скрутило в три дуги, – еле слышно проворчал Ахмед, закрывая за собой скрипучую дверь. – Нет! Лучше в пять! Хотя ему вряд ли уже хуже будет...

Тощий и косолапый престарелый колдун Абаназар действительно напоминал скрюченное дерево, его длинные суставчатые пальцы – кривые обрубленные ветви или крабы лапки, а лицо по форме и цвету походило на сморщенный сушеный финик. Был колдун лыс, почти безбров и вечно недовольно тряс жидкими остатками козлиной бородки, придерживая пальцами огромную чалму, чтобы та ненароком не

свалилась с его несоразмерно маленькой головы. Ахмед терпеть не мог скупого, вечно всем недовольного старикашку, но не без причины побаивался – колдун как-никак. Вдруг возьмет, да и обратит во что-нибудь эдакое. Колдун из Абаназара, по правде сказать, никакой, но в змею там или в жабу – так это запросто, подвернись ему кто под горячую руку. Неудачи последних лет сделали из Абаназара желчного, ворчливого старика, ведь лампа с джином никак не давалась ему в руки, будто специально играла с колдуном в прятки. И не помогали Абаназару ни страшные опыты над животными, ни витиеватые заклинания, ни слышимый одному колдуну глас хитрых молчаливых звезд.

Загребая чувяками дорожную пыль, Ахмед понуро брел по дороге к городу вдоль полноводного арыка, мимо клочков земли, гордо именуемых чиновниками полями, на которых, не разгибая спин, трудились бедняки, чтобы накормить не столько себя, сколько бесконечное количество ненасытных чиновничьих ртов. На базар идти вовсе не хотелось – опять без толку проторчишь на душной и пыльной площади целый день, и никто ничего не купит. Ведь какой дурень возьмет лампу за тысячу динаров, чтобы исполнить всего одно желание, да и исполнится ли оно еще, неизвестно.

Но все же лампы, пусть и очень редко, но покупали. Каждый раз, продав лампу очередному богатому остолопу, Ахмед трясся от страха, торопясь как можно быстрее покинуть город, потому как глупый богач мог и не получить того, за

что заплатил. То были обычные лампы, коих в любой лавке жестянщика пруд пруди, а фокус заключался вовсе не в лампе, а в волшебном кольце Абаназара, которое колдун где-то раздобыл еще на заре своих времен и вот уже многие десятилетия бессовестно пользовал джинна кольца. И стоило колдуну вовремя не среагировать на желание вновь купившего лампу, тогда Ахмеду уж точно пришлось бы несладко. А уж если богатый дуралей пожелает чего-нибудь из ряда вон выходящего...

Ахмеду даже и думать об этом не хотелось. Джинн кольца был довольно слабым магом, но с желаниями каждого очередного остолопа пока справлялся, ведь заказывали всегда одно и то же: золото, драгоценности, новый дом в престижном районе или сундук, а то и два-три, барахла для сварливой жены – на большее фантазии, видимо, не хватало.

Одного Ахмед не мог уразуметь: зачем вообще Абаназару понадобилось так рисковать, пусть и не своей шкурой, а Ахмедовой, получая за лампу какие-то презренные тысячу динар, когда джинн кольца безо всяких проблем мог наполнить ветхое жилище мага до краев, да еще с горкой, золотом и драгоценными камнями. Однажды Ахмед спросил у колдуна напрямую, но тот только невнятно огрызнулся. Больше Ахмед к Абаназару с этим вопросом не приставал.

У ворот города, как всегда, толпились нищие, облепляя, словно пчелы мед, каждого приближающегося к воротам. Другие из них сидели вдоль дороги у стены, протягивая то-

щие, грязные ладони и непрестанно качая головами, – эти были несколько сдержаннее, но Ахмед всегда обходил и тех, и других стороной. Нищие вызывали у него омерзение, к тому же могли походя обобрать почище шустрого карманника. Поэтому, завидев нищих, Ахмед всегда старался принять как можно более забитый и изможденный вид, и оборванцы его всегда принципиально игнорировали. Но сегодня один из них, сидящий в сторонке у стены, не сводил с Ахмеда пристального взгляда, прямо-таки пожирал глазами. Было в нищем, к тому же очень странно одетом, нечто до боли знакомое. Ахмед остановился и присмотрелся повнимательнее, наморщив лоб, затем морщины его разгладились, а брови поползли вверх.

– Шеф? – хрипло выдавил Ахмед, облизнув враз пересохшие губы.

Лямки бамбуковой подставки соскользнули с его покатым плеч, и медные лампы загремели, рассыпавшись у ног Ахмеда. Позабыв обо всем, бывший разбойник взмахнул руками и бросился к тяжело поднимающемуся с земли молодому человеку, у которого на лице застыла неловкая улыбка.

– Шеф!!!

– ...Вот так Ахмед все и было, – грустно закончил Максим, рассеянно вертя в пальцах пиалу с жидким зеленым чаем.

В маленькой чайхане, где Ахмед с Максимом сидели уже довольно долго, было немногочисленно и тихо, и ничто не ме-

шало им спокойно вести задушевную беседу.

– Но как же тебе удалось спастись от палача? – спросил Максим, поднимая глаза.

– Повезло. – Ахмед отхлебнул из пиалы и почмокал губами. – Вы помните Стального Когтя?

– Ну?

– Так вот он засветил в глаз вертухаю...

– Ахмед, я тебя умоляю, завязывай ты уже с феней, – поморщился Максим.

– А чего? Очень даже круто!

– Ничего крутого. Культурные люди так не разговаривают. Понты – не более.

– Вы так думаете?

Ахмед подозрительно скосил глаза на своего бывшего предводителя. С ним что-то было не так. Ахмед никак не мог взять в толк, куда подевался его неугомонный, напористый шеф, которого он знал.

– Уверен!

– Ну ладно, – вздохнул Ахмед, безразлично пожав плечами. – В общем, Саид э-э... дал в глаз стражнику и раскидал еще двоих. Остальные стражники бросились на подмогу, а я смазал ласты под шумок. То есть сбежал, – поправился Ахмед.

– И перебрался в другой город, – понимающе покачал головой Максим. – Умно. Кстати, а что это за город?

– Гульканд. Разве вы не знаете?

– Ахмед, кончай тупить, – набычился Максим. – Я же тебе арабским языком объясняю: уснул там, у себя, а проснулся здесь, у городской стены.

– Да-да, я забыл, шеф.

– И не называй меня шефом.

– Как?! – подскочил на курпаче пораженный Ахмед. – Вы что же такое говорите?!

– То и говорю, – буркнул в сторону Максим. – Какой я тебе шеф? Я Махсум, просто Махсум, без всяких там титулов и прилагательных. Были да выветрились все.

– Чего? – почесал затылок Ахмед.

– Забудь, долго объяснять, – только отмахнулся Махсум, поднес к губам пиалу и сделал небольшой глоток.

– Нет! – грохнул пиалой об топчан Ахмед, расплескав остатки чая. Несколько человек, сидящих поблизости, повернули к нему головы. – Такое не забывается! Вы мой шеф навсегда, мы с вами вместе столько тягот и невзгод вынесли.

– Ты, главное, громче кричи. – Максим качнул пиалой, указав на других посетителей чайханы. – И не забудь рассказать всем и каждому про эти самые тяготы. Мне почему-то кажется, в Гульканде палачи не менее искусны, чем... сам знаешь где.

– Ох! – Ахмед поспешно прикрыл ладонью рот и понизил голос до шепота. – Знаете, мне без вас было так тяжело, так тяжело. О, как долго мне пришлось скитаться по городам и кишлакам. Я, правая рука самого шефа, вымаливал мило-

стыню, словно последний нищий! Представляете? А пещера больше не открывается... – Ахмед всхлипнул, пустил слезу и утер пальцем нос.

– Ахмед, кончай нюни распускать, смотреть противно. Главное, жив-здоров, за ум вот взялся, лампами торгуешь.

– Да чтоб их шайтан пожрал, эти проклятые лампы! – Ахмед в сердцах пихнул локтем подставку с лампами, прислоненную к топчану. Лампы тихонько звякнули. – Ненавижу! Во где уже все сидит! – Бывший разбойник полоснул пальцами по горлу. – И лампы, и магрибинец – старый плешивый верблюд!

– Постой, постой, – остановил Максим, чувствуя, как некое воспоминание шевельнулось у него в голове, породив недоброе предчувствие. – Какой еще магрибинец?

– Да колдун, чтоб его верблюд последний расцеловал вон куда с его лампами и джиннами, – взмахнул рукавами Ахмед и сник, сложив руки на коленях, что выглядывали в прорехи заношенных штанов. – Ох, боюсь я его.

– Чего так?

– Страшный он человек. Не так зубом цыкнет – и все, откукарекался куренок.

– В чем проблема? Возьми да и уйди от него, – пожал плечами Максим.

– Уйди... – Ахмед нервно стряхнул хлебные крошки со штанины и задумчиво разгладил ее. – Он так уйдет, если узнает. Везде отыщет и руки с ногами местами поменяет.

– Сдался ты ему по большому-то счету, – хмыкнул Максим, жуя кусочек свежей, пахнувшей углем лепешки, каких в его времени днем с огнем не сыщешь.

– Я пробовал. Он настиг меня и пригрозил. О-хо-хо...

– Ладно, не отчаивайся. Что-нибудь придумаем, – попытался приободрить Ахмеда Максим, но тот только рукой махнул.

– А-а-а. Ничего из этого не выйдет. Я...

– Вот ты где! А я тебя по всему городу ищу.

Ахмед вздрогнул и медленно обернулся. В узких дверях чайханы стоял высокий молодой человек, вертя на пальце лампу. Он сделал несколько шагов к топчану и навис над присмирившим торговцем «волшебными» лампами.

– Я это... – сглотнул Ахмед, вжимаясь спиной в перильца топчана. – Того... Вот!

Ахмед никак не мог припомнить, продавал ли лампу этому плечистому человеку или нет – мало ли их было. Неужели один из недовольных клиентов?

– Делать мне больше нечего, как бегать за тобой, – растягивая слова, произнес молодой человек и сунул под нос Ахмеду лампу. – Твоя?

– Да, то есть... нет... я не знаю, – пролепетал, бледнея на глазах, Ахмед и еще дальше отодвинулся от молодого человека.

– Твоя, твоя. Забирай! – Юноша бросил лампу на колени Ахмеду, но тот отпихнул ее, словно она была раскаленной.

– Она не моя! Ты ошибся, конечно же, не моя.

– Вот ненормальный, – хмыкнул молодой человек, упирая руки в бока. – Сам обронил, и говорит, что не его. Растяпа бестолковый. В первый раз такое вижу, клянусь всевышним!

– Обронил? – Лицо у Ахмеда вытянулось, и он шустро полез через перильца пересчитывать лампы. – Одна, две, три, пять. Моя! Ох, спасибо тебе. – Ахмед выдавил вымученную улыбку.

– Не за что. Слушай, а почему твои лампы? Я бы купил одну.

– Тысяча динар! – заученно, по привычке ляпнул Ахмед.

– Да ты в своем уме?

Молодой человек покрутил у виска пальцем.

– В своем, в своем. Она...

Ахмед спохватился: в чайхане нести вздор про лампы с джиннами не хотелось. Он и так порядком здесь «засветился».

– Э-э, забирай так. – Ахмед махнул рукой, и народ мгновенно утерять интерес к происходящему, продолжив прерванные трапезы.

– Ты точно не в своем уме, – хмыкнул молодой человек. – Вещь-то хорошая, денег стоит.

– А ты уже отработал. Когда вернул ее, – нашелся Ахмед.

– Да?

– Точно тебе говорю. Она твоя!

Ахмед подхватил с дастархана лампу и кинул ее молодому

человеку, Тот ловко поймал лампу и повертел, разглядывая.

«Этот босяк все равно ничего не знает о свойствах лампы, так что и бояться нечего», – решил Ахмед. Ведь чтобы явился джинн, нужно было трижды потереть чеканку на внутренней стороне ручки, но откуда наивному юноше додуматься до подобного.

– Вот, спасибо! – поблагодарил молодой человек, развернулся и затопал к двери.

– Иди, иди, добрый человек. Да пребудет с тобой милость Аллаха!.. Фу-у! – Ахмед утер воображаемый пот со лба. – Чуть не погорел на фуфле. Не поверите, шеф, мне еще так страшно никогда не было!

– Ничего не понял, – честно признался Махсум. – У тебя что, товар не сертифицированный или лицензия просроченная?

– Серти... что? – похлопал глазами Ахмед.

– Ну, лампы там китайские, ширпотреб, некондиция. Вот шайтан, как же тебе объяснить-то?

– Нет, лампы нормальные, наши, – дотумкал наконец Ахмед, о чем толкует Максим. – Только вот содержимое не того... – неопределенно повертел он пальцами.

– Чего – не того?

– В том-то и дело, что ничего, – загадочно вздохнул Ахмед, не решаясь посвятить Максима в аферу с джиннами. А ну как Абаназар пронюхает. – Совсем ничего.

– Ой, Ахмед, – прищурив один глаз, Максим погрозил Ах-

меду пальцем, – опять в какую-то аферу влез.

– Это не я! Это все он, он! – затараторил Ахмед, не выдержав нервного напряжения, рванул рубаху на груди и быстро зашептал, наклонившись вперед. – Проклятый магрибинец придумал глупость с кольцом и с лампами, чтоб ему, заразе такой, на сковородке в аду джигу отплясывать!

– Кольцо? Джинн? – вскинул брови Максим. – Ничего не понимаю. Да расскажи ты толком!

– Ну, слушайте.

Ахмед затравленно огляделся по сторонам и быстро зашептал Максиму почти в самое ухо.

Глава 2. Принцесса Бадр Аль-Будур

Не ведаю, кому вздумалось опорочить честное имя Ала ад-Дина, но скажу, что юноша никогда не был вором – это также верно, как то, что солнце по милости Аллаха восходит на востоке и заходит на западе. Да, Ала ад-Дин был несколько ленив и простоват, но при том являл собою честнейшего человека, не укравшего за всю свою жизнь и медной монеты. Да и мыслей подобных в голове юноши не возникало. Ну как можно, скажите на милость, украсть чужое, заработанное тяжким трудом? Хотя Ала ад-Дин всей душой и завидовал богачам, швыряющим золотые монеты направо и налево, и никак не мог взять в толк, откуда у них столько денег, когда остальной люд чахнет от нищеты и голода, трудясь, не разгибая спины, день-деньской. Но широкая душа юноши была светла и мечтательна, а потому, если он и завидовал кому, то разве что белой завистью.

Нужно сказать, его престарелая мать выбивалась из сил, чтобы прокормить себя и непутевого сына, не желавшего жить честным ремеслом и питавшего глупые надежды внезапно разбогатеть, не ударив палец о палец. Все, чем занимался Ала ад-Дин, так это игра на петушиных боях или в кости, где ему редко, но все же везло, хотя чаще он все-таки проигрывал. Еще привлекали юношу книги. Они таили в себе удивительные, прекрасные миры. В книгах Ала ад-

Дин открывал для себя далекие дивные страны и невероятные приключения героев древности, сказочных и неведомых существ, которых никто никогда в глаза не видывал, постигал любовь и добро. Все в книгах было не так, как в жизни, и мечтательный Ала ад-Дин желал всей душой попасть хотя бы в одну из сказочных историй, прочитанных им. Но миры эти оставались для него столь же недосыгаемы, сколь и надежда несказанно разбогатеть в один прекрасный день. Увы, все это были лишь мечты.

Но сегодня Ала ад-Дину повезло. На петушиных боях он выиграл целых четыре медных монеты, да еще и новенькую лампу подарили. Старая совсем уж пришла в негодность – вот мама-то обрадуется! Да, но не мешало бы прикупить масла для лампы. Дома, насколько помнил Ала ад-Дин, масло давно закончилось. И мука подходила к концу, а уж о мясе Ала ад-Дин и не помышлял вовсе.

Бредя меж базарных лотков, Ала ад-Дин старательно зажимал нос, чтобы не слышать чудных запахов свежеепеченного хлеба, наваристого лагмана или румяного шашлыка. От них у у молодого человека начинало урчать в животе и неудержимо текли слюньки. Можно было, разумеется, купить одну палочку шашлыка – стоила он всего две монеты, – но тогда не хватит ни на масло, ни на муку, и завтра просто не из чего будет печь лепешки. В этом случае Ала ад-Дину волей-неволей придется пойти работать носильщиком или зазывалой. Плохо было и то и другое. От таскания тяже-

ленных тюков с товарами к концу дня разламывалась спина, а от надрывного крика Ала ад-Дин к вечеру только сипел и не мог толком произнести ни единого слова. А платили за все это жалкие три-пять монет.

– Шашлык, отличный шашлык! – нахваливал свою стряпню шашлычник на углу одной из лавчонок. – Уважаемый, не проходите мимо. Покушайте, прошу вас, не пожалеете!.. О Аллах, пошел прочь! Будет еще всякий оборванец нюхать мой прекрасный шашлык своим противным носом!

– Фрукты, овощи, зелень! Спелые помидоры, ароматные огурцы, инжир – нежный как поцелуй красавицы! Все свежее, только с огорода. Вот, попробуйте, уважаемый! Куда вы, эй? Попробуй, кому говорю!..

– Плов, отменный жирный плов! С бараниной, айвой и нутом! Пальчики оближешь! Эй, убери свои лапы – сначала заплати, а потом облизывай!..

– Халаты, штаны! Эй, парень, штаны не нужны? Сам ты «женский» – это мода такая!.. Узко ему, видишь ли, и с розочками!..

– Чувяки, крепкие чувяки! Сносу нет... Где дырочка? Какая дырочка? А ну, иди отсюда, презренный привереда! Дырочка... Фасон такой, летний!..

Ала ад-Дин только крепче сжимал челюсти, отворачивался и шел дальше вдоль торговых рядов, выискивая глазами нужное ему. Купить хотелось все, но он стойко противился искусам, с трудом отводя глаза от прилавков. И вдруг, слу-

чайно, скосив глаза на очередной прилавок со сладостями, он зацепил кого-то из прохожих плечом.

– Ох! – быстро развернулся Ала ад-Дин. – Простите. С вами все в порядке? – Ала ад-Дин подбежал и помог подняться с колена молодой девушке, чье лицо наполовину скрывал никаб.

– Идиот! Куда летишь как угорелый? Глаза, что ли, дома оставил? – выпалила девушка, сверкнув прекрасными очами и нахмутив насурьмленные брови.

– Зачем так сердиться, уважаемая? Я же извинился, – надулся Ала ад-Дин. – И я вовсе не нарочно толкнул вас.

– Не нарочно! Вот отрубить бы тебе голову, знал бы тогда, – проворчала девушка, отряхивая подол платья.

– Тогда я уж наверняка бы запомнил, – усмехнулся Ала ад-Дин.

Девушка недобро стрельнула глазками, но ничего не сказала, лишь гордо выпрямила спину и вскинула подбородок.

– Но кто ты, лунолика?

– Ты знаешь мое имя? – Длинные ресницы девушки взлетели вверх. – Ты... узнал меня?

– Я впервые тебя вижу, о несравненная, – честно признался Ала ад-Дин. – Но все-таки, как тебя зовут, красавица?

– Странно. – Девушка оглядела нахального юношу с ног до головы.

– Почему ты так смотришь на меня? – несколько смешался Ала ад-Дин.

– Кто ты, что так развязно позволяешь вести себя со мной? Принц? Хотя, нет, на принца вовсе непохож. – Девушка наморщила носик, остановив взгляд на драных штанах Ала ад-Дина.

– Неправда. Ничего подобного я себе не позволял, – не согласился с заносчивой девицей молодой человек. – Меня зовут Ала ад-Дин, сын Али аль-Маруфа.

– Никогда не слышала о таком, – еще сильнее нахмурила бровки красавица. – Кто он?

– Он был башмачником, лучшим башмачником в городе, – гордо произнес Ала ад-Дин и утер нос рукавом.

– Башма-а-ачником, – с неясной интонацией протянула девушка. – Тогда все понятно.

Она развернулась и собралась уйти, но Ала ад-Дин вновь окликнул ее:

– Постой! Ты ведь так и не сказала, как тебя зовут.

Девушка порывисто обернулась и озадаченно похлопала ресницами.

– Меня зовут Бадр аль-Будур! – с вызовом произнесла она отчетливо.

– Кто?! – вытаращил глаза Ала ад-Дин и, упав на колени, припал к земле. – Прости, о луноликая¹! Не узнал!

– Встань сейчас же! – Девушка кинулась к нему и потянула за локоть.

– Не встану, – пробормотал Ала ад-Дин, стучась лбом в

---

¹ Арабское имя, в переводе означающее «полная луна»

хорошо утоптанную землю. – Не смею, о прекрасная принцесса Будур!

– Встань, кому сказала! Ну же! – Девушка продолжала тянуть Ала ад-Дина за локоть, но сил у нее не хватало. – Народ же смотрит, а я здесь тайно.

Базарный люд и вправду начинал оглядываться на странную парочку, застывая на месте и создавая давку. Ведь где это видано, чтобы молодой парень гнул спину перед девицей.

– Ах, тайно! – Ала ад-Дин вскочил на ноги и огляделся. – Ну, чего вылупились? Оступился, упал – с кем не бывает?

Народ, досадливо качая головами, начал неспешно расходиться. Представление закончилось, так и не начавшись.

– Пойдем, о принцесса Будур, я провожу тебя... вас. А то мало ли чего.

Ала ад-Дин пошел вперед, не оглядываясь. Девушка долго смотрела ему вслед, потом догнала юношу и пошла рядом.

– Ну-ка, посторонись, – руками раздвигал Ала ад-Дин народ. – Посторонись, кому говорю! Прут, будто стадо баранов. Да дайте же пройти! Нет, ну что за люди!..

– Прости, – почему-то шепотом спросила Будур, семеня рядом со своим проводником, – но что такое «баран»?

– Баран?

Ала ад-Дин так внезапно остановился, что принцесса налетела на него и отшатнулась, пихнув локтем носильщика с тяжелым тюком на плечах. Тот огрызнулся, недобро зыркнув на девушку, и скрылся в толпе.

– Ты не знаешь, что такое баран? – обернулся к девушке Ала ад-Дин. Глаза его выражали крайнюю степень недоумения и удивления. Будур только плечиками повела и томно вздохнула, опустив глазки.

– Баран – это такое лохматое, кудрявое животное с рогами и выпученными глазами. И еще с вот такой, – показал Ала ад-Дин, чуть разведя в стороны руки, – зад... о, простите, Ваше Высочество! С таким вот курдюком.

– А что такое курдюк? – заинтересовалась красавица.

– Как же вам объяснить? Из него делают жир. Еще когда готовят шашлык, между кусочками мяса насаживают его.

– Так бы и сказал, что баран – это шашлык! – фыркнула Будур. – Пошли дальше.

– И вовсе баран не шашлык, – заупрямился Ала ад-Дин. – Какой же он шашлык, если бегает и говорит вот так: «бе-е-е»?

– Бе-э-э, – отозвался баран, привязанный к деревянному столбу мясной лавки.

– Во! Вот это и есть баран, – указал на него пальцем Ала ад-Дин.

– Бе-э-э! – недовольно потряс рогами баран.

– Вот он? – Глаза принцессы вновь расширились. – Это баран?

– Разумеется, а что тут такого?

– А-а... как же его жарят на палочках? – не поверила Будур, а Ала ад-Дин только хлопнул себя ладонью по лбу.

– Вы и вправду ничего не знаете?

– Можешь говорить мне «ты». Мне нравится, когда ко мне обращаются на «ты». А тебе?

– Не знаю, – честно признался Ала ад-Дин. – Да и какая разница, о принцесса Будур!

– Огромная! И прекрати уже окать, – топнула принцесса ножкой, обутой в изящную туфельку, обшитую жемчугом. – Во дворце окают, на улице окают. Ты вот еще... Но ты так и не сказал, как же его жарят.

– Кого?

– Да барана! Кого же еще? – вспыхнула Будур.

– Ах, барана, – понимающе протянул Ала ад-Дин. – Ну, значит, его режут, затем освежевывают...

У девушки закатились глаза, она покачнулась и с тихим стоном растянулась на земле.

– О всевышний! Что с вами, о принцесса?! – бросился к ней Ала ад-Дин.

– Бе-э! – рванулся баран на привязи так, что дрогнул столб.

– Ай! – мгновенно пришла в себя принцесса и, поспешно сев, прижалась к ногам Ала ад-Дина. – Не хочу про баранов! И шашлык тоже больше есть не буду.

– А я бы сейчас съел палочку, а может, и две, – мечтательно облизнулся Ала ад-Дин и потянул носом воздух.

– Да? – Будур посмотрела на него снизу вверх, затем поднялась с земли и отряхнула платье. – Так пошел бы и съел.

– Интересно, на что? – хмыкнул Ала ад-Дин.

– О чем ты?

– О деньгах, разумеется. Деньги нужны. – Ала ад-Дин потер средний и большой пальцы руки один о другой.

– Деньги? Разве шашлык дают за деньги?

– Ты где вообще выросла, принцесса? – подозрительно покосился Ала ад-Дин.

– Во дворце! – бросила красавица, поправляя никаб. – И нечего на меня так смотреть!

– Оно и видно, что во дворце. А у нас за все платить надо. Пошли уже, а то до вечера до твоего дворца не доберемся. – Ала ад-Дин развернулся и быстро зашагал прочь с базара.

– Постой! А разве у тебя нет денег? – поспешно нагнала молодого человека Будур. – Наш главный визирь Юсуф только и говорит, что народ счастлив и живет в достатке.

– Врет он все, ваш визирь, – поморщившись, сплюнул в сторону Ала ад-Дин.

– Как врет?

– Откуда же я знаю, как! Врет, и все тут, – буркнул Ала ад-Дин. Эта детская наивность уже порядком ему надоела. – Если хочешь, то сама спроси у людей, как они живут.

– А меня замуж хотят выдать, – немного помолчав, неожиданно заявила Будур и опустила голову.

– Так ты из-за этого сбежала из дворца?

– Не сбежала, а ушла развеяться. А жених некрасивый, даже страшный. И старый.

– Ты его видела?

– Конечно! Он же часто к моему отцу приезжает в гости.

Постой, не туда.

Принцесса потянула Ала ад-Дина за рукав, уводя его в сторону, лишь они немного отделились от шумного базара и углубились в довольно грязный район города, застроенный ветхими домишками.

– Куда ты? Дворец там, – указал юноша общее направление рукой.

– Ты думаешь, я через ворота вышла?

– Я ничего не думаю. А разве нет?

– Нет!

– Но как же ты в таком случае собираешься попасть обратно?

– Через забор, разумеется, как же еще?

– Ты что, через забор перелезла? – не поверил Ала ад-Дин. Картина перелезающей через высокий, трехметровый забор принцессы так и застыла у него перед глазами.

– А что, нельзя?

– Нет, почему же. Только, мне кажется, через ворота проще.

– А кто меня выпустил бы через ворота?

– Почему я знаю, – дернул плечами Ала ад-Дин, едва поспевая за девушкой. – Ты же все-таки принцесса.

– Постой. – Будур вдруг остановилась на распутье трех дорог и завертела головой. – Кажется, вот сюда.

– Да тут везде забор, куда ни пойдешь, – сказал Ала ад-Дин, засунув руки в дырявые карманы.

– Сама знаю! – огрызнулась принцесса и не совсем уверенно указала пальчиком вправо. – Сюда.

– А может, прямо или налево?

– Нет, именно вправо! – топнула принцесса. – Я метку запомнила на стене.

– Ах, метку, – понимающе покивал Ала ад-Дин. – Тогда другое дело.

Но принцесса уже не слушала, устремившись к только ей одной известной цели. Ала ад-Дин поковылял за девушкой, посмеиваясь про себя.

Вскоре они вышли к высокой каменной стене, тянувшейся насколько хватало глаз вдоль широкой безлюдной улицы. Из-за забора торчали ветви старых платанов и пальм с широкими листьями и гроздьями свисавших зеленовато-желтых неспелых бананов. Из листьев одной из пальм на Ала ад-Дина таранилась наглая обезьяна. Она кривлялась, противно визжала и корчила рожи, но юноша решил не связываться с ней. Мало ли, вдруг окажется какая-нибудь царственнородная мартышка – дворец султана, как-никак!

Игнорируя нахальное животное, Ала ад-Дин придирчиво оглядел стену, что-то прикидывая в уме. Принцесса тем временем подошла к самой стене, приложила к ней руку и задрала голову.

– И как же ты здесь перелезла, о принцесса? – насмешливо

спросил Ала ад-Дин.

– Ничего смешного, – нахмурилась Будур, обернувшись через плечо. – У меня с той стороны лесенка была, а тут я спрыгнула.

– Да, но ведь здесь нет лесенки.

– Нет. – Принцесса растерянно уставилась на своего провожатого. – Ой, мамочки, – тихо проговорила она, прижимая пальцы к скрытым за плотной материей губам. – Как я же попаду во дворец?

– А если все-таки через ворота? – предложил Ала ад-Дин.

– Да что ты привязался ко мне с этими воротами! – вспылила на ровном месте Будур. – Ворота, ворота! Знаешь, что будет, если отец узнает о моей прогулке?

– Нет, а что? – наивно спросил Ала ад-Дин. Ему-то уж точно этого было не понять.

– У-у! – многозначительно протянула принцесса, воздев глаза к безоблачному небу.

– По по... то есть по курдюку отшлепает?

– Хам! – вспыхнула, покрывшись румянцем, девушка, но на всякий случай пригляделась к себе.

Нет, на бараний курдюк совсем не походило, все вполне аккуратно и в меру. Убедившись в этом, принцесса с явным облегчением вновь переключилась на решение главной проблемы. Она рассеянно провела пальцами по горячим камням и задрала голову.

– Как же туда забраться?

– Становись мне на плечи, – предложил Ала ад-Дин, оглядевшись по сторонам. – Только побыстрее!

– С ума сошел?

– Ну, как знаешь.

– А, погоди, погоди! Я передумала. – Будур пребольно вцепилась в его плечо длинными ухоженными ноготками. – А ты меня не уронишь?

– Лучше молись, чтобы нас никто не заметил, – проворчал Ала ад-Дин и присел.

– А что такого? Это мой дворец!

– Да, только никто, кроме нас двоих, о том не знает.

Принцесса поспешно взобралась на плечи Ала ад-Дина, и тот начал медленно выпрямляться. Принцесса с трудом удерживала равновесие, перебирая ладонями по стене. Держаться было не за что, и она с трудом балансировала на плечах юноши. Но вскоре Будур все же удалось уцепиться за верхний край широкой стены, и только. Взобраться на него у принцессы все равно никак не получалось.

– Еще подними немножко! – попросила Будур.

– Ты лучше ноги выпрями, – посоветовал Ала ад-Дин, пыхтя от натуги. – Стоишь на полусогнутых.

– Я боюсь!

– А я нет, по-твоему?

Принцесса немного выпрямила ноги и закинула локти на срез стены.

– Еще бы чуть-чуть, – пожаловалась она.

Сил взобраться на стену не хватало, ноги дрожали, а руки предательски соскальзывали с гладких, отполированных временем и непогодой камней.

– И-и-эх! – выдохнул Ала ад-Дин, толчком подкинув принцессу и ухватил ее за лодыжку, поскольку принцесса опасно перегнулась через забор. Ноги ее находились с одной стороны, а голова и руки, которыми она бестолково сучила, – с другой.

– Ай, ты чего! Руки убери, нахал!

Нога задергалась, и Ала ад-Дин едва не выпустил нежную, тонкую лодыжку из рук.

– Если я убегу, – прошипел он сквозь зубы, – то ты свалишься головой вниз.

– А, нет, нет! Лучше держи. И понежней, я все-таки принцесса!

– Кончай говорить и лезь обратно! – прорычал Ала ад-Дин, упираясь ногой в стену и не оставляя попыток вытянуть принцессу назад. – Я долго тебя не удержу.

– Хочешь сказать, что я такая... тяжелая? – засопела девушка от обиды.

– Да ничего я не хочу сказать! – всерьез разозлился Ала ад-Дин. – А только сейчас возьму и отпущу. Нашла тоже время для всяких глупостей.

Будур что-то невнятно буркнула и задним ходом начала вползать обратно на стену.

– Уф-ф, наконец-то! – пробормотал Ала ад-Дин, когда

принцесса без сил растянулась на стене, переводя дух.

Юноша опустился на землю, обмахиваясь ладонью.

– Ты как там?

– Хорошо, – едва слышно отозвалась Будур.

– Ты больше не лазай через стену, ладно? Ходи через ворота, как все люди.

– Я не все, – донеслось вялое сверху.

– Оно и видно, – проворчал Ала ад-Дин, снимая тибетейку и приглаживая волосы. – А спускаться вниз как будешь?

– У меня здесь лесенка. Забыл, что ли?

– Ах, ну да, совсем из головы вылетело. – Ала ад-Дин нахлобучил тибетейку обратно на голову и поднялся с земли. – Тогда я пошел?

– Ага. Иди. Спасибо.

– Да не за что, о принцесса. Послушай!

– Да?

– Ты про барана серьезно не знала или просто так, пошутила?

– Конечно, пошутила. Знаешь, какая я умная!

– Я уже понял.

– Ты лучше скажи, что это у тебя такое на голове?

– Тибетейка!..

– И нечего так кричать, я не глухая. К тому же у нас во дворце такое... такие не носят. Все, иди!

– Ладно, прощайте, о принцесса, – поклонился Ала ад-Дин, но Будур уже скрылась на той стороне стены. И вдруг

раздался треск, а затем что-то гулко шмякнулось на землю. Зашуршали потревоженные кусты.

– О лунолика, что случилось? – не на шутку забеспокоился Ала ад-Дин.

– Ничего. Это я немножко упала. Ох!

– Э-э... Все нормально?

– Да. Кажется.

– Тогда я пошел?

– Да-да, иди, – донеслось из-за стены. – Шайтан бы побрал гнилые лестницы.

Ала ад-Дин пожал плечами и направился обратно на базар. Нужно было успеть купить масло и муку.

Поздно вечером, когда чайханщик уже недовольно начал греметь посудой в своем закутке, давая понять, что посетителям пора бы и закругляться, Максим изрядно распух от чая. Сползая с топчана, он морщился от боли в ногах, по которым бегали мурашки, и поглаживал живот с булькающей в нем жидкостью. Максим еще с прошлого посещения Востока никак не мог взять в толк, как можно потреблять столько чая, а от жирного, плавающего в масле плова молодого человека до сих пор немного мутило.

Солнце уже подкатилось к горизонту, сбавив неистовые потоки золотого сияния, словно кто-то прикрутил его жар. Зной несколько спал, и на улице было вполне терпимо. Спустившись по скрипучей лесенке чайханы, друзья останови-

лись, вдыхая вечернюю прохладу, напоенную ласкающими обоняние ароматами цветов и трав.

– Шеф, мне бы того, за угол, – переступил с ноги на ногу Ахмед.

– Странно, с чего бы это? – хмыкнул Максим, хотя ему, непривычному к затяжным чаепитиям, по нужде было, разумеется, гораздо надобнее.

Ахмед шмыгнул за чайхану, скрывшись в укромном уголке. Максим, оглядевшись по сторонам, нет ли кого поблизости, последовал за бывшим разбойником. Впрочем, здесь никому до этого не было ровным счетом никакого дела. До платных туалетов здесь еще, слава богу, не додумались, равно как и до штрафов за «мелкое хулиганство».

Дело затягивалось. Максим все удивлялся, как в него могло поместиться столько жидкости. Пиво, разумеется, – дело другое, но чай!..

– Ахмедка. – Наконец все закончилось, и Максим, застегнув джинсы, вышел из-за угла.

– Да, шеф? – с готовностью отозвался Ахмед, который, судя по всему, никуда не торопился.

– У тебя нет, случайно, пары монеток?

– А разве... Ох, простите, шеф! – Ахмед появился из-за чайханы, подвязывая сползающие штаны бечевой. – Я же совсем забыл, что у вас нет ни денег, ни крова.

– Увы! – Максим развел руками и состряпал унылую физиономию. – Я кошелек дома забыл.

– Ха! Ха-ха! Смешная шутка, мой шеф, – развеселился Ахмед, поднимая с земли бамбуковую подставку с лампами и водружая ее на спину. – Но денег и у меня нет. Я ведь сегодня ничего не продал. А остальное, что было, отдал чайханщику. Вы не представляете, шеф, какой жмот этот старый колдун!

– Плохо. – Максим, вздохнув, повесил голову. – Что ж, придется бомжевать.

– Чего?

– Спать, говорю, придется под забором, как распоследний нищий. Впрочем, почему «как»? Я и вправду самый что ни на есть натуральный нищий.

Максим скривил губы в кислой улыбке и печально посмотрел Ахмеду в глаза.

– Нет, не бывать этому! – подпрыгнул Ахмед, отчего лампы за его спиной звякнули. – Чтобы мой дорогой шеф спал под забором? Ни-ког-да! Возьмите лампу, продадите и...

– Ахмед, ты в своем уме? – Максим постучал костяшками пальцев по лбу. – Ну кому я продам лампу посреди ночи?

– Да-да, вы, как всегда, правы. – Кожа на лбу Ахмеда собралась складками. – Что это я... Решено: вы идете со мной!

– Куда?

– Ко мне, вернее, в дом проклятого колдуна.

– Больше ничего не придумал? – нервно дернул подбородком Максим. – Сам же говорил: цыкнет зубом – и от твоего шефа одни боты останутся.

– Не цыкнет, – отмахнулся Ахмед. – Чего ему цыкать-то?

К тому же я вас потихоньку проведу, через задний...

– Проход? – пошутил Максим, у которого настроение давно упало ниже плинтуса.

– Двор!

– А ты уверен? В смысле, насчет «не цыкнет»?

– Сто пудов!

– Ох, не нравится мне все это, – покачал головой Максим. – Ну да ладно. Пошли, чего здесь торчать без толку.

До дома, где последние полгода ютился Ахмед, добрались довольно долго и прибыли на место лишь затемно. Колдун жил на отшибе, далеко за городом. Его кособокий, с облезлыми стенами домишко, укрывшийся за глинобитной стеной, сразу бросался в глаза – других домов поблизости не было. Над забором возвышалось кривое, иссушенное зноем, почерневшее дерево, под стать хозяину дома, а рядом с калиткой виднелся круглый каменный обод колодца. Из короткой узкой печной трубы валил красноватый дым – не иначе Абаназар опять смешивал свои непотребные колдовские снадобья.

Чем ближе подходили к дому, тем больше покидало Максима врожденное хладнокровие. А ну как действительно колдуну не понравится, что в его дом заявился незванный гость? Словам простоватого Ахмеда Максим доверял не особо, и то, что колдун, по заверениям того же Ахмеда, не шибко силен в магии, нисколько не способствовало поднятию

духа, ведь бывший удалой разбойник разбирался в черной магии, как свинья в апельсинах.

– Ахмед, послушай. – Максим потянул Ахмеда за рукав, едва не оборвав его. – Может я лучше где-нибудь здесь, во двореке, переночую? Не нравится мне твоя затея.

– Еще чего! – возмутился Ахмед, придирчиво изучая разошедшийся шов на правом плече. – Вы будете ночевать в доме. И пусть только старый прохвост, не заплативший мне за работу ни единой монеты, попробует что-нибудь вякнуть! Ух, я его! – раздухарился Ахмед, погрозив кулаком калитке, и от души пнул ее.

– Вот это самое «ух» меня больше всего и беспокоит, – тихонько проворчал под нос Максим, вступая во двор дома следом за своим провожатым.

– Что вы сказали? – обернулся Ахмед.

– Да нет, ничего. Только давай все-таки попробуем войти незаметно, и я пристроюсь где-нибудь в уголочке. Лучше в темном.

– Вы будете спать наверху на мягком сене! – заявил Ахмед, приближаясь к двери дома.

– А вдруг он вышвырнет нас обоих, причем оч-чень далеко?

– Пусть только решится на подобное!

Ахмед выпятил грудь и потянул дверь за ручку. Дверь распахнулась без скрипа, и Ахмед вошел первым.

– Хозяин, я вернулся! – крикнул он, сняв с плеч подставку

с лампами и прислонив ее к стене узкого прохода.

– Где тебя носило, нерадивый слуга? – донеслось из комнаты, в которую распахивался темный проход. – Я устал ждать и готов тебя примерно наказать, если ты сейчас же не объяснишь причину своей задержки!

– Понимаете, почтеннейший Абаназар, – Ахмед как-то в один миг сдулся, повесив плечи и втянув тощую шею в плечи, – я сегодня встретил старого знакомого, которого не видел несколько лет и...

– Что ты там бормочешь, негодный? Сколько ламп ты продал сегодня?

– Ни одной, – пискнул Ахмед, еще больше сжимаясь и отодвигаясь назад.

Максиму из-за Ахмеда ничего не было видно, сколько он не тянул шею. Колдуна скрывала стена справа, и в небольшой, хорошо освещенной яркими свечами комнате был виден лишь стол, стоявший посередине. Стол был уставлен колбами, ретортами и прочей химической утварью, в которой булькало и пузырилось нечто разных цветов и плотности.

– Врешь, гнусный мошенник! Отвечай, кому ты продал лампу? – взревел Абаназар, и Максим решил, что колдун не так уж хил и немощен для древнего старика – так орать мог только очень здоровый человек.

Ахмед сглотнул. Во рту у него пересохло, и он облизнул шершавым языком губы. Откуда ему было знать, что пару ча-

сов назад, когда они с Максимом только-только собирались покинуть уютную чайхану, у Абаназара на пальце засветилось кольцо. Это могло означать только одно: кто-то потерял лампу. Ведь старый колдун приказал джинну кольца извещать его каждый раз, когда это случится.

Абаназар, разумеется, несказанно обрадовался и отправил джинна «обслужить» очередного клиента, после чего тот должен был вернуться и доложить, как все прошло. Минуты плелись за минутами, слагаясь в часы ожидания, однако джинн все не появлялся. Крайне обеспокоенный происходящим, Абаназар повернул кольцо нужным образом, но... ничего не произошло! Джинн словно сквозь землю провалился. И что только колдун ни вытворял с кольцом, все было без толку. К тому же куда-то запропастился Ахмед...

– Грязный шакал, паршивый верблюд, безмозглый евнух!

– Я не евнух! – вскричал оскорбленный до глубины души Ахмед. – Я...

– Где лампа? Отвечай!

– Я... у меня ее украли, – смешался перепуганный донельзя Ахмед. – Я не виноват, хозяин!

– Ну все, – терпение Абаназара иссякло. – Войди и встань сюда, – приказал он.

Колдун наконец выдвинулся из-за стены, указав тощим и длинным пальцем на место возле стола, и у Максима по спине пробежал холодок. Такой страшной образины с горящими глазами он еще в жизни не видывал. А если еще учесть,

что это колдун...

– Зачем, хозяин? – промямлил Ахмед, окончательно перетрусив. Ноги едва держали его, и он оперся рукой о стену.

– Буду превращать тебя в жабу! В мерзкую, противную и зеленую, нет, в бурую пупырчатую жабу! – смаковал колдун каждое брошенное им слово.

– А может, не надо, а? – Ахмед, сглотнув, покорно двинулся на указанное ему место.

– Надо!

– Но за что?

– За то! – топнул ножкой колдун. – За все сразу, грязная тупая скотина! Ну же, я долго еще буду ждать? – Абаназар сплюнул влево, и у стены полыхнуло пламя, словно кто-то поджег кучку черного пороха.

Ахмед икнул, закатил глаза и рухнул на пол.

Глава 3. Джинн Каззан Одын Бздын

– Мама, где вы? – Ала ад-Дин, словно несомый ураганом, ворвался в калитку дома и заметался по двору, выискивая глазами мать. – Мама!

– Что, что у тебя стряслось, сынок? – выбежала из дверей дома старая женщина, держа в руках здоровенную скалку. – На тебя напали, ограбили, избили? Где они, эти разбойники?!

– Ну что вы, мама, никто на меня не нападал! – поспешил успокоить мать Ала ад-Дин. – С чего вы взяли?

– Уф-ф. – Женщина опустила на крыльцо, обмахиваясь концом платка. – Ты меня когда-нибудь своими шутками направишь напрямиком к Аллаху. Признавайся, негодный, что у тебя стряслось на сей раз?

– Я встретил луноликую! – порывисто воздел руки Ала ад-Дин.

– Кого?

– Девушку!

– Эка невидаль! – отмахнулась старушка, разглаживая на коленях подол платья. – Стоило так кричать из-за подобного пустяка.

– Но мама, она прекрасна!

– А это не та самая, случайно? – настороженно покосилась мать на сына. – Которую ты видел во сне?

– Нет-нет, совсем другая. – Ала ад-Дин вновь забегал по двору, ища выхода своим чувствам. – Она... она такая... такая!

– А ноги? Ноги у нее не восковые и не блестят? – на всякий случай уточнила старушка.

– Ну откуда же я знаю, мама! Она была в платье и шаль-варах.

– Слава всевышнему! – с непередаваемым облегчением выдохнула мать. – А я-то уж испугалась. И кто же она?

– Принцесса Бадр аль-Будур! – выпалил Ала ад-Дин, и замер, услышав звук падающего тела. – Мама, что с вами? – Юноша подбежал к лежащей на ступеньках в глубоком обмороке матери и опустился возле нее на колени. – Мама, очнитесь же!

Ала ад-Дин вскочил на ноги, понесся к колодцу, зачерпнул деревянным ковшиком воды и поспешно вернулся. Женщина, почувствовав льющуюся ей на лицо струйку воды, облизнулась, почмокала губами и чуть приоткрыла глаза.

– Э-э-э, – невнятно, слабым голосом протянула она, поводя перед собой рукой, словно ей нечто привиделось, затем медленно, с трудом поднялась и прислонилась спиной к стене дома. – Уф-ф! Мне, кажется, приснился кошмар. Будто ты, сынок, встретил нашу принцессу.

– Но мама! Все так и было, – горячо заверил Ала ад-Дин. –

Сначала я толкнул ее на базаре плечом – это вышло случайно. А после мы с ней разговаривали, я проводил ее до дворца и помог перелезть через забор!

– Через... забор? – Несчастливая женщина прикрыла глаза и схватилась за сердце. – Скажи, может ты перегрелся на солнце? Или заглянул по пути домой в курительную?

– Как вы могли такое подумать, мама! – возмутился Ала ад-Дин, хмурия брови.

– Я уже двадцать пять лет как мама. Отвечай, о несчастный, зачем ты перекидывал ее через забор?

– Я не перекидывал. Она хотела залезть, а ее лесенка осталась с другой стороны стены.

– Лесенка?

– Ну да.

– А почему она не прошла через ворота, как это делают все люди?

– Мама, она же принцесса! – раздраженно потряс руками Ала ад-Дин. – Неужели непонятно?

– Конечно, сынок. Чего ж тут непонятного? Все принцессы ходят только через забор.

– Вы смеетесь надо мной?

– С чего ты взял? Я очень даже серьезно говорю.

– О Аллах! – Ала ад-Дин воздел глаза к небу. – Вы не понимаете: она боялась, что у нее будут неприятности.

– Потому что пройдет через ворота? – уточнила мать.

– Ну конечно! Она ведь без спроса убежала в город.

– Э-э, а ты уверен, что это была именно принцесса? – усомнилась мать, протягивая руку, чтобы потрогать лоб сына, не горячий ли тот.

– Да точно, точно, – отстранился Ала ад-Дин от протянутой ладони. – И не надо меня щупать, я не болен и пока еще в своем уме!

– Знаешь, с трудом верится, – проворчала старая женщина, силясь подняться со ступеньки. – Такого простака, как ты, любой облапошит.

– Мама!

– А-а, – лишь отмахнулась та, отвернувшись. – Опять, наверное, своих пустых сказок начитался, вот и мерещится невесть что.

– Но она не знала самых простых вещей, которые знают все! Например, ей было неизвестно, кто такой баран. А еще она спросила, что у меня надето на голове.

Ала ад-Дин лихо заломил тюбетейку.

– Она что, слаба умом, эта твоя луноликая? – удивленно распахнула глаза старушка.

– Мама, как нехорошо сразу оскорблять человека ни за что ни про что! Сами посудите: откуда ей знать про барана, если их нет во дворце. А тюбетейки у них не носят.

– Хорошо хоть шальвары у них носят, – буркнула женщина, скрываясь в дверях дома. – Некогда мне всякие глупости слушать. Мне готовить надо. Непутевый!

– Я путевый! Я лампу новую принес, и еще купил масло

и муку. – Ала ад-Дин сбегал к калитке, у которой оставил свою суму, и быстро вернулся, держа поклажу в вытянутой руке. – Вот, поглядите сами!

– Лампу? – заинтересовалась мать, заглянув в раскрытую суму, затем вытащила лампу и придирчиво оглядела. – Новенькая, даже блестит, – сказала женщина, прицокнув от удовольствия языком. – Хорошая лампа! Только скажи мне, не украл ли ты ее? Вещь-то дорогая.

– Мама, как вы могли такое подумать! – в который раз за вечер возмущенно надулся Ала ад-Дин. – Лампу мне дал торговец лампами за то, что я вернул ее.

– Ага, значит, ты все-таки сначала спер лампу, негодный, а потом в тебе проснулась совесть, и ты решил вернуть украденную вещь хозяину!

– Все было совсем не так, – запротестовал Ала ад-Дин, выхватив лампу из рук матери и любовно прижав ее к груди. – Он ее потерял, а я подобрал и вернул ему. А торговец обрадовался и подарил лампу мне.

– В таком случае давай же быстрее нальем в нее масло и опробуем! Ох, как я устала готовить при лучинах. Уже глаза болят.

– Так пойдемте скорее в дом, – обрадовался Ала ад-Дин, что хоть чем-то сумел угодить ворчливой матери. – Мне самому не терпится опробовать нашу новую лампу.

– Ты только аккуратнее, – напутствовала сына старушка, – не сломай. Вещь как-никак дорогая.

– Да знаю я, знаю! – огрызнулся Ала ад-Дин, давно привыкший к незаслуженным упрекам матери. – Лучше бы масло принесли, а я пока фитиль скручу.

– Да-да, – спохватилась старая женщина и, кряхтя, поспешила обратно на двор, где Ала ад-Дин оставил суму.

Тем временем юноша, побродив по комнате, отыскал кусок ветхой рванины, оторвал от него полоску и начал скручивать фитиль, катая ткань между ладоней, но взгляд Ала ад-Дина не отрывался от лампы, так маняще она поблескивала отполированными боками в неярком свете догорающей лучины. И тут он разглядел несколько комочков грязи, приставших к поверхности лампы. Это было совсем нехорошо – новенькая лампа, а на ней уже грязь.

Ала ад-Дин отложил фитиль в сторонку, оторвал еще один лоскуток и взял лампу в руки. Придирчиво оглядев ее, юноша взялся оттирать грязь. Пятен было немного, всего три – два на боку лампы и еще одно под узкой изогнутой ручкой. Ала ад-дин сначала оттер бок лампы, а потом, плюнув на ручку, потер и ее.

И в тот же миг из лампы повалил дым, сизый, плотный и совсем не пахнувший, больше похожий на туман. Клубящееся облако быстро собралось под потолком, еще сильнее уплотнилось, из него выпростались две здоровенные ручищи и голова, на которой распахнулись огромные горящие глаза.

Ала ад-Дин от неожиданности выронил лампу.

– Ай! Что ты опять натворил? – донеслось от двери.

Только что вошедшая в комнату мать с сумой в руках, прижалась спиной к стене и выронила из разом ослабевших рук свою ношу.

– Это не я мама! Он... оно само, честное слово!

– Не ври матери! – гневно топнула бледная старушка. – Такое само не появляется. Уж я-то знаю, я пожила на свете!

– Но это правда! Я только оттер с лампы грязь, а он... оно вылезло из нее.

Облако молчаливо клубилось под потолком, а круглые огненные глаза с интересом наблюдали за перепалкой сына с матерью. Толстый закрученный хвост сгустка дыма или тумана, утончающийся книзу, сильно смахивал на пыльный смерч. Но у смерча, разумеется, не было глаз и рук, а, тем более, головы.

– Прекрати лгать, о боль моего сердца! Я двадцать лет чистила старую лампу, и никогда из нее не валил дым.

– Но ведь это новая лампа, – не сдавался Ала ад-Дин. – Может быть, теперь их такими делают.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь в ваш разговор, о достойнейшие, – не вытерпел облачный явленец, спускаясь из-под потолка и выплывая на середину комнаты, – но если вы меня вызвали, то я хотел бы...

– А ты не вмешивайся, дымное чучело, когда я разговариваю с сыном! – погрозила кулаком старушка. – Кто тебя вообще вызывал?

– Он. – Облако указало пальцем на Ала ад-Дина. – Он по-

тер лампу, и я явился. Приказывай, о мой господин! – покорно склонилось облако перед Ала ад-Дином.

– Кто ты, о неведомый дым? – Юноша уже несколько пришел в себя и, поднявшись с пыльного пола, наскоро отряхнул штаны.

– Кто я? – Глаза на облачной голове еще больше увеличились. – Я джинн! Неужели ты никогда не слыхал про джинов, о необразованнейший из юношей?

– Джи-ин? – недоверчиво протянул Ала ад-Дин, скосив бок подбородок.

– Джинн, – подтвердило облако кивком головы. – Каззан Одын Бздын.

– Чего? – недоуменно переспросил Ала ад-Дин.

– Ну, зовут меня так, понимаешь?

– Понимаю, чего ж тут не понять. Зовут тебя казан. Странное имя, конечно, но вполне достойное.

– О пророк Сулейман, почему всегда одно и то же? – горько вздохнул джинн. – Каззан, а не казан. Две «з», понимаешь? И еще с большой буквы. Таково мое имя!

– Так бы и сказал. А что означает Одын Бздын?

– Это означает, что у тебя есть одно желание. Вроде как один щелчок.

Джинн щелкнул пальцами, и от произведенного им звука дрогнули стены дома, а с потолка посыпалась побелка.

– Ты того, поосторожнее бздынькай, – опасливо пригнул голову Ала ад-Дин. – Дом старый, может развалиться.

– Так может тебе новый дом построить? – Каззан с готовностью потер дымные ладошки. – А может, целый дворец? Так я мигом!

– Чтобы все говорили: вот бедный Ала ад-Дин, неизвестно на какие деньги построивший себе новый дом, а тем более, дворец? Да и зачем он мне?

– Соглашайся, о мой недалекий сын! – Старушка подбежала к Ала ад-Дину и потрясла за рукав, с некоторым испугом косясь на ожидавшего приказания джинна.

– Э, мама! Жили мы в нашем ветхом доме столько лет и еще столько же проживем. Вы ведь сами сколько раз говорили, что дом построил своими руками отец, и переезжать в другое место вы не желаете.

– Говорила, но это ведь совсем другое!

– То же самое, – отрезал Ала ад-Дин. – Джинн?

– Да, мой господин!

– Повтори еще раз, пожалуйста: твои слова ласкают мне слух, – разулыбался Ала ад-Дин.

– Это твое желание? – на всякий случай уточнил джинн.

– С ума сошел? Всего лишь просьба.

– Понимаю, мой господин, – раболепно склонил голову Каззан.

– Так бы и слушал вечно! А можешь ли ты?..

– Я все могу! – приосанился дымный дух. – Позволь, я угадаю: ты хотел бы разбогатеть, о мудрый юноша.

Каззан подплыл вплотную к Ала ад-Дину, и его блюдце-

видные глаза пристально уставились в лицо молодому человеку.

– Ты ошибся, о джинн, – отрицательно покачал головой Ала ад-Дин. – Конечно, деньги мне не помешали бы, но что я скажу соседям?

– Да плевать на них, – опять встряла в разговор мать и зашептала сыну в самое ухо. – Проси деньги. Деньги проси, слышишь?

– Отстаньте, мама! Только и слышу от вас: деньги, деньги! А мне хочется...

– Дом тебе не нужен, деньги не нужны, – проворчала старушка, с унылым видом опускаясь на курпачу. – Непутевый ты! Совсем не думаешь о будущем.

– О вашем?

– О нашем общем.

– Ну нет! Если я женюсь на принцессе Будур, у меня и так будет много денег и дворец.

– Что ты говоришь? – отшатнулась мать от Ала ад-Дина, словно от прокаженного. – Да в тебя, верно, вселился джинн! Прости, о Каззан.

– Ничего, – кивнул тот. – Любовь не по моей части. Но, вообще-то, диагноз кажется мне верным.

– Вот видишь! – ухватилась старушка за сказанное джином. – Он тоже так думает, он очень умный.

– А я, по-вашему, выходит, круглый дурак? – набычился Ала ад-Дин.

– Я такого не говорила. Но сам подумай, разве человек в здравом рассудке откажется от денег?

– Я откажусь. И не мешайте мне загадывать. Значит, так. – Ала ад-Дин потер переносицу и задумчиво покусал нижнюю губу. – Хочу жениться на принцессе Будур!

– Ничего не выйдет, – развел руками Каззан. – Сердечные дела, как я уже говорил, не по моей части.

– Но разве не ты утверждал, что можешь все?

– Конечно, все. Но есть еще то небольшое, чего я не могу. Любовь мне неподвластна.

– А говорил, что джинн, – разочарованно вздохнул Ала ад-Дин, повесив голову.

– Я джинн! Самый настоящий. А может, все-таки денег возьмешь, а?

– Да отвяжись ты со своими деньгами! – вскипел Ала ад-Дин. – Деньги, деньги – только о них и слышу целыми днями! Чтоб они все провалились!

– Это твое желание? – уточнил Каззан.

– Нет! – выкрикнули одновременно мать с Ала ад-Дином. – Побойся Аллаха, о несчастный! Как же мы без денег-то жить будем?

– Ну, живете же вы столько лет без них, – пожал дымными плечами джинн. – Давайте побыстрее, у меня дел много.

– Подождут твои дела.

– Не подождут. Я подневольный джинн. Вот если бы мне кто-нибудь дал свободу... – Каззан мечтательно погасил пла-

мя в глазах, и они стали небесно-голубыми. – Ты добрый юноша, я вижу это по твоим глазам.

– Ты так считаешь? – засомневался Ала ад-Дин.

– Уверен! А я такой старый джинн, такой старый. – Джинн пустил огромную слезу и утер ее кулаком. – Я так устал исполнять глупые человеческие желания. Ты думаешь, легко таскать горы золота на своих плечах, строить замки и шить кучи всякого барахла в моем-то возрасте? И никто даже спасибо не сказал. Каззан дай то, Каззан принеси это... Ах, я несчастны-ый! О, как мне хотелось бы вкусить свободы, кто бы знал! А-а-а!

– Постой, постой, – прервал джинна Ала ад-Дин.

– Да? – с готовностью замолк Каззан и наивно похлопал глазами.

– Разве тебе не нравится быть могущественным джинном?

– Ты хотел сказать: могущественным рабом, – поправил Каззан. – А тебе самому хотелось бы, чтобы тобой понукали?

– Нет уж, спасибо. – Ала ад-Дин припомнил, как его постоянно тыркает мать, и жалость к джинну закралась в его доброе сердце.

– Эй, ты что задумал? – насторожилась мать. – Не вздумай сделать глупость! Слышишь?

Зря она так сказала. Ала ад-Дин, будучи на взводе из-за любовных терзаний, только состряпал на лице злорадную ухмылку – вот сейчас он за все отомстит, разом!

– Ты свободен, джинн!

– Что?! – отпрянул Каззан, не веря острым ушам. – Ты не шутишь, о человек?

– Нет! – не раздумывая, махнул рукой Ала ад-Дин как отрубил.

– Шутит он, шутит, – мать вцепилась в руку сына. – Опомнись, ты совершаешь глупость! Ведь это!..

– Не вмешивайся, о женщина! – сверкнул глазами Каззан. – Твой сын мудр не по годам. Так это твоё желание?

– Да!

– Нет! – в сердцах воскликнула старушка. – Не слушай его, он повредился головой.

– Э-э, помолчи, женщина, – поморщился джинн. – Он мой господин!

– Да, я господин! – выпятил грудь польщенный подобным обращением Ала ад-Дин. – И я говорю тебе: ты свободен!

– Слушаю и повинуюсь, – склонил голову Каззан, едва сдерживая рвущуюся наружу улыбку.

И в ту же секунду страшно загрохотало, отчего стены домика закачались, и по глазам резанул яркий, ослепительный свет. Мать с сыном, упав ниц, сильно зажмурили глаза и прикрыли головы руками. Так они лежали очень долго, пока не убедились, что все успокоилось, и дом не рухнет на их несчастные головы.

Первым открыл глаза Ала ад-Дин. Осторожно оглядевшись по сторонам, он поднялся с колен, стряхнул побелку с

головы и нахлобучил на нее тубетейку.

– Вот и все, – произнес он. Жалел ли он о содеянном, было совершенно неясно.

– Ой-ё-о! – Мать тяжело поднялась с пола вслед за Ала ад-Дином. – Ты не сын! Ты распоследний дурень – проворонил собственное счастье.

– Ох, мама! Поверьте, счастье не в деньгах, – покачал головой юноша, оглядывая царивший в доме разгром. Низкий столик был сдвинут, шкаф опрокинут, курпачи разбросаны, старый сундук перевернут, из него вывалились на пол вещи, а потолок требовал новой побелки.

– А в чем же, по-твоему? – никак не унималась старушка. – В чем, я тебя спрашиваю?

– Миром правит любовь, мама, – назидательно произнес Ала ад-Дин, воздев палец к обшарпанному потолку.

– Я так и знала. Так и знала! А все твои дурацкие книги, чтоб они сгорели!

Старая женщина, не подобрав слов, подходящих к случаю, только зло махнула рукой и вышла из дому в чуть покосившуюся дверь. Ала ад-Дин проводил ее тяжелым взглядом и задумался, не сотворил ли он и вправду непоправимую глупость. Опустившись на смятые курпачи, юноша закачался из стороны в сторону и принялся колотить себя кулаками по голове.

– Ах, я дурень, дурень, – бормотал Ала ад-Дин. – Ну кто меня за язык тянул? Ох, что я натворил!

– Эй, парень! – раздался совсем рядом голос.

Ала ад-Дин прекратил мутузить себя и огляделся. В доме никого не было, лишь на подоконнике раскрытого настежь окна сидела сорока, косящая одним глазом на юношу. Сорока разевала клюв и нервно сжимала когти, скребя ими некрашеное дерево.

– Это ты со мной разговариваешь? – удивился Ала ад-Дин.

Ворона захлопнула клюв и ничего не ответила.

– Не будь дураком, – вновь раздался голос над самым ухом. – Сороки не умеют разговаривать.

– А-а... кто же тогда? – Ала ад-Дин завертел головой.

– Я, Каззан. Не ищи меня, я невидимый.

– Ты вернулся! – обрадованно подпрыгнул Ала ад-Дин и встал на четвереньки. – О джинн, я...

– Молчи и запоминай.

– Да-да, я запоминаю и молчу, – быстро закивал юноша.

– За то, что ты отпустил меня, я подарю тебе...

– Золото! – выкрикнул Ала ад-Дин, вытаращив глаза.

– Нет, о нетерпеливейший из отроков. Я не подарю тебе золота – оно портит и молодых, и старых. Особенно молодых. Я подарю тебе нечто более дорогое – тайну. Внимай же мне!

– Я внимаю, внимаю. – Ала ад-Дин отвалил челюсть и выпучил глаза, как голодный пес на сахарную косточку в лавке мясника. – Говори же!

– К тебе вскоре явится один человек. Он назовется твоим

дядей, но он вовсе не дядя, а злой колдун.

– Зло-ой? – протянул Ала ад-Дин.

– Да-да, очень злой, – нетерпеливо и несколько раздраженно повторил Каззан. – Не сбивай меня, я и сам собьюсь!

– А зачем я ему понадобился?

– Да помолчишь ты или нет хоть пару минут?! – вышел из себя Каззан, и с потолка на голову испуганного Ала ад-Дина вновь посыпались куски штукатурки.

– Молчу, молчу. – Ала ад-Дин затравленно втянул голову в плечи и прикрыл рот ладонью.

– Другое дело, – удовлетворенно произнес голос. – Так вот, тебе не следует его бояться, а нужно будет воспользоваться случаем, и провидение позаботится о тебе, если ты, конечно, сам не наделаешь глупостей.

– Я постараюсь, – горячо заверил освобожденного джинна Ала ад-Дин. – Клянусь!

– Старайся, и тебе воздастся.

– Но что конкретно я должен сделать, о джинн?

– Следовать провидению и думать головой. И будет тебе счастье. А теперь прощай! Может, еще свидимся когда.

– Прощай, о великий Каззан.

Джинн больше ничего не ответил, и Ала ад-Дин разочарованно повесил голову.

– Вот и давай им после этого свободу. Провидение, колдун какой-то, дядя. При чем здесь вообще дядя? Эх, лучше бы золота дал.

– Встань, подлый изменник! – вскричал Абаназар ужасным голосом, воздевая руки над головой и шевеля пальцами. – Чего разлегся? Впрочем, так даже лучше, не придется за тобой бегать. Аркалы барбалы тургалы...

– Стой! – в комнату ввалился Максим и застыл на пороге. – Не смей!

– Эт-то еще кто? – обернулся к Максиму колдун, недовольно опуская руки. – Кого ты притащил в мой дом, негодная пустоголовая свинья?

– Мой друг, я вам говорил о нем, – приоткрыв один глаз, отозвался лежащий на полу Ахмед.

– Друг?! – вскричал Абаназар. – Ах ты, поганый проходимец! Мало того, я кормлю тебя бездельника и даю тебе кров, так ты еще и своих дружков-оборванцев сюда таскаешь.

– Ты, дядя, того, поаккуратней с языком-то, – насупил брови Максим. – Да на мне рубашка от Кардена дороже стоит, чем все твое барахло вместе взятое, включая и тебя.

– Кардан? Какой кардан? Что за кардан? – развел руками колдун. – Не знаю такого заклинания.

– Сейчас узнаешь, если не уймешься. – Максим неспешно начал закатывать рукава рубахи, пока колдун пребывал в полной прострации. – Оставь Ахмеда в покое, и разойдемся по-хорошему, ладушки?

– Ты мне грозишь? – задохнулся Абаназар. – Ты – мне? – ткнул он себя пальцем в грудь. – Мелкая немощная блоха!

Да знаешь ли ты, кто я такой?

– Конечно, знаю: крикливый старикашка, возомнивший себя крутым мачо.

– Ах ты... – задохнулся Абаназар, сжав кулаки. – Я тебя... тебя...

Лицо колдуна налилось кровью, и, казалось, из его ушей вот-вот повалит перегретый пар.

– Успокойтесь, уважаемый, – усмехнулся Максим. – В вашем возрасте вредно так волноваться – еще Кондратий хватит. Ахмед, может его водичкой полить?

– Ага, сейчас. – Услужливый Ахмед вскочил с пола и понесся к дверям, где стояла вместительная бочка с водой.

– Стой. Куда?! – пришел в себя колдун. – Вернись сейчас же! – Сухой длинный палец уперся в пол, туда, где Ахмед только что лежал. – Я с тобой еще не закончил. А ты, языкатая змея, – с тобой я разберусь позже.

– А силенок хватит?

– Что-о?! – глаза Абаназара полезли на лоб. – Да кто ты такой?

– О, вам лучше не знать.

– Да, да, – закивал Ахмед, прячась за бочку, – он такой. Страшный. Это шеф!

– Кто? А впрочем, какая разница! Сейчас здесь будет две мерзкие жабы.

Колдун вновь вскинул руки и забормотал. Меж его пальцев пробежали разряды, и в то место, где еще секунду назад

стоял Максим, ударила бледная молния.

– Мне кажется, у вас немного прицел сбит, – подсказал Максим, с интересом наблюдая, как квадратный половичок, на котором он только что стоял, неприятно зашевелился, выпустил лапки и начал съезживаться.

Через пару секунд на колдуна и Максима смотрело нечто отдаленно напоминающее жабу из лоскутков – неудачное творение начинающей швеи с курсов рукоделия для домохозяйек. Жаба тарасила разноцветные глаза, отвесив растрепанную по краю губу, и честно пыталась квакать, но выходило лишь шипение, будто из нее кто-то, словно из кузнечных мехов, выпускал воздух.

– Так нечестно! Ты должен стоять на месте! – приказал колдун Максиму. – Я не могу сосредоточиться.

– Явно старческое. Ладно, попробуем еще раз.

– Попробуем!

На этот раз Абаназар проделал все гораздо быстрее, но заклинание было длинным, и выговорить его мгновенно не представлялось возможным, особенно если учесть, что у взбешенного колдуна от гнева заплетался язык.

Очередной разряд поразил один из башмаков колдуна, стоявших у входа в комнату. Башмак выпустил короткие лапки, выпучил пуговичные глаза и радостно прыгнул к своему хозяину, шлепая губой-подметкой. Страшилище было еще то! Даже привычное к разным ужасам сердце Абаназара, и то дрогнуло.

– Ай! – Колдун, подобрав бурнус, пнул бывший башмак и резво отпрыгнул. Новосотворенная жаба отлетела к противоположной стене и обиженно заквакала, раздувая потрескавшиеся кожаные щеки и недовольно стуча лапками по полу.

– Давайте еще раз, – подбодрил колдуна Максим, стоявший возле бочки.

– Заноза в заднице, чирь на непотребном месте! – затопал колдун, потрясая кулаками и брызжа слюной. – Вот я сейчас...

– Только, дедуль, метьтесь лучше, берите с упреждением.

– Не учи меня колдовству, сосунок!

– Как знаете, – безразлично пожал плечами Максим и сложил руки на груди.

Колдун пробурчал заклинание, и с его пальцев вновь сорвалась молния, еще более мощная, но Максим в последний момент опять отступил в сторону. Теперь, заворочавшись, ожила бочка с водой.

– Ай-яй-яй! – выскочил из-за нее Ахмед и заметался у стола, словно загнанный зверь.

С одной стороны на него перла деревянная страхолюдина, расплескивая на пол воду, а с другой путь преграждал его хозяин, вошедший в раж.

Абаназар, отпихнув ногой бывшую бочку, принялся без остановки метать молнии, но ни одна из них никак не могла достать юркого Максима. Абаназар зверел все больше, а его

жилище между тем наполнялось ни на что не похожим магическим зверьем. Жабы не походили одна на другую. Среди них были ползающие, бегающие, скачущие, а одна даже порывалась летать. Невиданный зверинец производил ужасный шум от нечленораздельного кваканья до визгов и шипения.

И вдруг Абаназу удалось наконец зацепить Максима молнией. Вернее, не его, а скатанный рукав его рубахи. Та зашевелилась, и Максим, прекрасно понимая, что сейчас произойдет, рванул рубаху на себе и вмиг скинул. Одна из пуговиц, просвистев в воздухе, пребольно засветила Абаназу в глаз, отчего незадачливый колдун завертелся на месте, подывая от боли. Вращаясь, он случайно наступил на рубаху, и та возмущенно забила рукавами и зашипела.

– Вот гад! – возмутился Максим, закипая. – Моя рубашка от Гуччи!

– Но шеф, – влез Ахмед, выглядывая из-за шкафа с химической утварью, – вы ведь говорили, будто она от какого-то Кардана?

– Отвянь! – огрызнулся Максим. Сделав пару шагов, он схватил колдуна за грудки и без видимых усилий приподнял над полом. – Ты чё творишь, гад? Я тя спрашиваю, хореk ты магрибский! Ты знаешь, сколько она стоит, рыло твое бесстыжее? Знаешь, я спрашиваю?!

Максим тряс колдуна так, что у того клацали оставшиеся зубы и болтались худые ноги. Ко всему прочему Абаназар, растеряв все свое напускное величие, верещал свиньей, без-

успешно пытаюсь высвободиться из крепких пальцев молодого человека.

– С-сволочь очалмованая, да я тебя!..

Максим размахнулся и швырнул колдуна на стол. Абаназар с воем пронесся по столешнице, сметая стеклянную посуду со всей своей алхимией, и сполз с другой стороны на пол. Там его по уши засыпало осколками, от которых колдун лишь прикрывался руками, ловя ртом воздух, – ему стало плохо с сердцем.

– Что вы натворили, шеф! – выскочил из-за шкафа Ахмед. – Бежим, быстрее!

– А что такое? – непонимающе спросил Максим.

– Уй-юй! Сейчас здесь так рванет – китайцы с их порохом обзавидуются, – схватился за голову бывший разбойник. – Смотрите, уже дымится!

– Где?

Действительно, волшебные снадобья смешались на столе, и кое-где из луж на столе вился слабый дымок. Добротный деревянный стол начинало коробить, столешница чернела и занималась, показались первые робкие язычки пламени. И вдруг прогремел взрыв.

Максима с Ахмедом отбросило назад – одного в окно, а другого в дверь. Глинобитный дом, словно в замедленной съемке, дрогнул, пересчитав кирпичи, сквозь зазоры которых выплеснулось оранжевое пламя, и взлетел на воздух. Второй ударной волной Максима, сисящегося подняться на

непослушных руках, бросило на стену забора и неслабо приложил о него затылком.

Когда Максим пришел в себя, все уже закончилось. Дома не было, а на его месте зияла глубокая черная воронка. Сухое дерево повалило, ободрав с него кору и обломав ветви и не очень толстые сучья. Забор на удивление устоял, хотя казался сложенным кое-как. Но вот ни колдуна, ни Ахмеда видно не было.

Максим с трудом поднялся на ноги и приблизился к яме, покачиваясь, поглаживая приличную ноющую шишку на затылке и спотыкаясь об остатки кирпичей. В яме совершенно ничего не было видно. Либо яма вышла слишком глубокой, либо сгустившаяся темнота не позволяла ничего толком разглядеть. Максим крикнул:

– Ахмед! Ты где? Слышь, Ахмед!

– Тут я! – донесся откуда-то гулкий, сдобренный эхо голос.

– Кончай в прятки играть. И без тебя башка болит, – пожаловался Максим.

– Я ни во что не играю, шеф, – даже хрюкнул от обиды Ахмед. – Я в колодце.

Максим вышел в сорванную с петель калитку. Приблизившись к черному зеву колодца, он оперся на обод руками и заглянул вниз, но в колодце, как и в яме, тоже ничего толком разглядеть не удалось.

– Где ты, я тебя не вижу? – крикнул Максим в темноту.

– Да тут я, тут. Я вижу вас, шеф! – донеслось из глубины.

– Рад за тебя. Но какого лешего ты залез в колодец?

– Я никуда не залезал. Меня сюда забросило.

– И как же я тебя вытащу?

– А вы веревку в доме возьмите, – подсказал сообразительный Ахмед.

– Нету! – крикнул в ответ Максим.

– Чего, веревки?

– Дома нету. И веревки соответственно.

Ахмед на этот раз ничего не ответил. Возможно, сильно расстроился, поскольку из колодца донеслось натужное сопение.

– Вот же гадство, и лампы никакой нет. Ни шайтана не видеть! Постой, я попробую развести костер, тут угольки тлеют. Только не уходи никуда, слышишь?

– Это вы так пошутили? – грустно спросил Ахмед.

– Ох, извини, Ахмед. У меня голова что-то с трудом варит.

Побродив по двору, Максим насобирал угольков, сгреб их в кучку, укрыл сухими ветками и принялся раздувать. Вскоре вовсю запыхал небольшой костер. Максим взял одну из горящих веток и вернулся к колодцу. Огонь разогнал тьму, и в зыбком отсвете пламени Максим увидел сидящего по пояс в воде, клацающего от холода зубами Ахмеда. До него было каких-то метра три.

– Шеф! – обрадовался тот, прекратив дрожать и стучать зубами. Он вскочил на ноги и заметался по дну узкого ко-

лодца.

– Ахмед, ну неужели ты сам не мог выбраться? – вздохнул Максим, протягивая Ахмеду руку. – Тут и ребенок вылезет.

– Я не подумал, шеф! Я совсем забыл, что колодец неглубокий. – Ахмед подпрыгнул, ухватился за руку Максима, и тот помог ему выбраться наружу. – Уф-ф, спасибо, шеф! Я никогда не забуду, как много вы для меня сделали! – пробормотал Ахмед, без сил перевалившись через обод колодца.

– Да без проблем! И то, как я тебя едва к палачу не отправил, и как богатств лишил, а теперь вот дома и работы, – устало произнес Максим, опускаясь на землю рядом с Ахмедом. Потрескивающую полыхающую ветку он держал перед собой, глядя на пляшущие на ветках огоньки. – Заслуги просто потрясающие.

– Не говорите так, мой шеф! – порывисто вскочил на ноги Ахмед. – Все это происки шайтана. А что до Абаназара, то я даже рад, что все так закончилось. Нет больше вонючего старикашки.

– Ах ты, чирь зудящий! – донеслось из ямы во дворе, а затем послышались недовольное сопение и шорох осыпающейся земли. – Ну погоди, гнусный шакал, вот выберусь отсюда.

– Вот ведь живучий гад! – огрызнулся Ахмед.

– По-моему, самое время линять, – подсказал Максим.

– О! Вы, как всегда, правы, шеф! Делаем ноги, пока проклятый зверь не выбрался из ямы.

– Пойдите! Вытащите меня отсюда, – завизжал Абаназар, услышав осторожные удаляющиеся шаги. – Я вас не трону, клянусь. Только не оставляйте меня здесь! Эй!!!

Две едва заметные в ночи тени спешно удалялись в сторону города, не реагируя на призывы колдуна.

– Клянусь, я отомщу!!! Уй-юй, я так отомщу! Это... Хайло, майло, бирдело-ох, проклятый радикулит! Ой!

Глава 4. Сплошные неудачи

– Дочь наша, Буду-ур!

В покои принцессы сквозь образовавшуюся в приоткрытой двери щель просунулась голова султана. Принцесса в тот момент отдыхала на кровати в окружении рабынь. Рабыни смеялись и рассказывали что-то забавное, но принцесса не смеялась, рассеянно глядя в потолок сквозь занавесь тончайшего индийского шелка.

– Отец! – порывисто вскочила девушка, грозно сведя брови на переносице и сжав кулачки. Рабыни прыснули в стороны, но, опомнившись, упали на колени и склонили головы перед своим повелителем. – Сколько уже можно вам повторять, что нужно стучаться, прежде чем входить?

– Султан мы или не султан?

Дородная фигура султана, облаченная в пышный халат с золотой вышивкой, протиснулась в узкие двери. Султан замер на пороге и сверкнул глазами. Один из слуг, сопровождавших повелителя правоверных, спешно поправил возвышавшуюся на его голове чалму с пером павлина.

– А если бы я была раздетая?

– Гхм-м, – кашлянул в кулак султан. – С чего бы тебе быть раздетой посреди дня?

– А вдруг я решила искупаться?

– Да где же здесь купаться? – искренне удивился сул-

тан, разведя руками с полноватыми пальцами, украшенными перстнями.

– Ну где... – пробормотала Будур, ища поддержки у рабынь, но те продолжали стоять на коленях с отклянченными задами, не смея поднять голов. – Да хоть в фонтане!

– Глупости! В фонтанах не купаются, – авторитетно заявил султан тоном, не терпящим возражений. – Но мы пришли с тобой поговорить о серьезном деле.

– Опять о женитьбе? – наморщила носик девушка и капризно выпятила нижнюю губу.

– Нет! Мы искали тебя сегодня, но ни в саду, ни во дворце тебя не было. Где ты была, признавайся?

– Я играла в прятки, отец.

– Да? И с кем же? Твои рабыни тоже не знали, где ты. Или они врут? Тогда мы велим отрубить им головы!

– Ох, отец, разумеется, они не знали, где я, ведь я спряталась!

– Ты лжешь, дочь наша: они даже не знали, что вы играете в прятки, – не сдавался султан.

– Возможно, я забыла сказать им об этом, – виновато потупила взор красавица.

– Предположим, – гулко топнул сапогом султан, едва сдерживая гнев, – но тебя искали с собаками, а потом ты сама вдруг нашлась!

– Собаки ваши, отец, обленились и отупели от обжорства. А я нашлась потому, что мне надоело прятаться. Ведь меня

никто не мог найти.

– Это все отговорки, дочь наша! Мы знаем, что тебя не было во дворце.

– Получается, отец, вы больше верите собакам, нежели собственной дочери? – Принцесса уперла руки в бока и с вызовом уставилась на султана.

– Не смей на нас так смотреть! И говорить столь неподобающим тоном. – Султан погрозил дочери пальцем. – А то нам придется высечь тебя, как бы нам того не хотелось.

– Ах, высечь? – нахмурила насурмленные бровки Будур. – Я вам кто: рабыня или принцесса?

– Но что же нам делать, если ты совсем отбилась от рук? Не хочешь выходить замуж, прячешься неизвестно где целый день!

– А вы сами, отец, вышли бы замуж за старого, прости Аллах, пердуна?

– Не говори так! – взъярился султан, подпрыгнув и замавав руками. – Он никакой не этот самый, а очень уважаемый и богатый человек!

– И что с того? Он страшный, как... как шайтан, вот! – Принцесса сложила руки на груди и отвернулась. – И старый притом.

– Но тебе же не плов из него готовить!

– А вдруг?

– Как так?

– А вот так!

– Знаешь что, дочь наша! – Султан тяжело дышал от охватившего его гнева. – Или ты выйдешь за старого пер... О Аллахах! За Мансура, или ты вообще не выйдешь из своей комнаты. Ни-ког-да!

– И не выйду! Не больно-то и хотелось. – Принцесса презрительно фыркнула и отвернулась, взмахнув косичками. – Я и так почти никуда не выхожу.

– Ах, так?!

– Да, так! Не пойду я за него. Не пойду, и все тут! Я лучше утоплюсь в фонтане.

– Ну знаешь...

Султан порывисто развернулся, стремительно вышел из комнаты и хлопнул дверью так, что фонтан испуганно втянул струи, а с потолка кое-где отвалилась лепнина. Спорить со строптивой девчонкой у повелителя правоверных не было ни сил, ни желания.

– Перекройте фонтан в покоях моей дочери, – гневно бросил султан главному визирю, ожидавшему его у дверей.

– Слушаюсь, о великий султан, – низко склонился визирь, приложил ладонь к груди и сделал знак черному слуге. Тот кинулся, сверкая пятками, исполнять приказание.

– И позови ко мне старого пускателя ветров!

– Кого, о сиятельный султан? – вытаращился визирь, натянув на лицо маску непонимания.

– О всевышний! Мансура аль-Васика, кого же еще!

Мансур аль-Васик был худ, кривоног, в бедрах шире,

нежели в плечах, плешив и вдобавок косил на один глаз. Любому было ясно, что подобная образина никак не вписывалась в образ мужа луноликой принцессы, но у аль-Васика имелось и одно неоспоримое достоинство, даже два: первое – он был сказочно богат, что перевешивало множество возражений против его кандидатуры жениха; второе – преклонный возраст. Сколько богач еще протянет? Год, два, а может, пять? И после Будур останется единственной наследницей всех несметных богатств, а уж тогда можно будет подобрать ей более достойную партию. Так размышлял султан, восседая на троне в ожидании Мансура аль-Васика. Но все могло пойти прахом из-за строптивости вконец отбившейся от рук девчонки, не понимающей собственной выгоды.

– Вы звали меня, о солнцеподобный?

Султан отвлекся от тяжких дум и обратил взор на стоящего у трона Мансура. И невольно вздрогнул, ибо без содрогания смотреть на подобное кошмарное создание было просто невозможно – а ну как во сне такое привидится!

Султан суеверно скрестил за спиной пальцы правой руки и попытался придать лицу доброжелательное выражение, но выходило из рук вон плохо.

– Да-да, дорогой Мансур! Мы очень рады тебя видеть. Очень! – на всякий случай добавил султан – вдруг гость не поверит в искренность его слов.

– Хорошие вести насчет свадьбы?

– Видите ли, почтенный Мансур, – замялся султан и по-

ерзал на троне, – вышла одна проблема. Совсем небольшая, но, нам кажется, мы устраним ее в ближайшее время.

– Ваша дочь, насколько я понимаю, не желает этой свадьбы, – нахмурился пронизательный аль-Васик.

– Увы! – развел руками султан. – Она своенравна и спесива.

– Но вы обещали, о великий султан! – Кустистые брови на безобразном лице выгнулись дугами.

– Обещали, – сник тот, нервно побарабанив пальцами по мягкому пуфику. – Но она ни в какую не желает выходить замуж!

– Чегоо стоят желания спесивых девиц по сравнению с волей величайшего из султанов, – льстиво заметил Мансур, склонив голову и кося глазами исподлюбья.

– Все так, но мы обещали ее матери перед самой ее кончиной...

– Э-э, – только и отмахнулся аль-Васик. – Все это пустое, мой повелитель! Женщины не вольны решать подобные вопросы. Ведь мы, мужчины...

– Что ты болтаешь, о несчастный! Это не женщина! – выкрикнул султан, подаваясь вперед.

– Я не совсем понял, о сиятельный султан, – осторожно уточнил аль-Васик. – Мне показалось, вы говорили о матери принцессы. А разве она не женщина?

– Нет!

– Да простит мою глупость великий султан, – глаза у

Мансура от удивления начали косить еще больше, – но кто же она в таком случае? Неужели?..

– Что ты мелешь, о презренный! – вышел из себя султан. – Она не женщина, а наша любимая жена!

– А... О!.. Прошу прощения, – низко поклонился Мансур. – Тогда конечно. Но что же мне делать в таком случае?

– Ждать! – отрезал султан.

– Смею ли я уточнить, сколько именно?

– Столько, сколько понадобится. Мы приложим все усилия, дабы устранить препятствия к вашему браку.

– Да простит меня великий султан, но я стар, и пусть я рассчитываю, если на то будет воля Аллаха, прожить еще лет двадцать...

– Ско-олько? – задохнулся султан, привстав с трона. Лицо его исказила гримаса негодования. – Ты сказал, двадцать лет?

– Д-да, – быстро закивал Мансур, не понимая, чем он мог так раздосадовать своего будущего тестя.

– Ты же уверял нас, будто неизлечимо болен? – Султан выпрямился и, заложив руки за спину, спустился на одну ступеньку.

– О, пустяки! – махнул рукой Мансур. – Болезнь моя оказалась всего лишь временным недомоганием.

– Временным недомоганием? – Султан спустился еще на одну ступеньку. Мансур отступил и сгорбился, выдавив на лицо льстивую улыбку.

– Мне так показалось, о мой повелитель. Но, слава всевышнему, все уже прошло.

– Прошло? Да как ты посмел, о негодный, солгать нам?! Нам, султану!

– Я не понимаю... – Аль-Васик сцепил пальцы рук и принялся разминать их. – Нет! Я, кажется, понял!

– Что ты понял, о презренный лгун?

Султан ступил на пол и начал надвигаться на перепуганного Мансура, хотя тот и старался выглядеть неустрашимым пред гневом великого султана.

– Я все понял! – Дрожащий палец Мансура указал на повелителя правоверных. – Вы хотели выдать за меня свою дочь, а потом присвоить мои богатства, когда я предстану пред Аллахом!

– Что ты несешь, дурак?! – Лицо султана налилось кровью от негодования, охватившего его. – Да как у тебя только поганый язык повернулся сказать нам такое! – Султан ткнул себя кулаками в грудь.

– Но это правда! – Аль-Васик рванулся вперед, выпятив грудь, но стража вцепилась в богача и оттащила за халат на середину залы. – Верните мои дары! Я отказываюсь от свадьбы!

– Ах ты, прохвост! – негодуя затапал султан. – Сначала ты оскорбляешь нас, возводишь хулу на нашу несравненную дочь и обожаемую жену – да смилостивится над ней Аллах! – а после еще требуешь, чтобы я вернул твои вшивые два сун-

дука с золотом и драгоценными камнями, которыми ты по собственной воле одарил нас?

– Но ведь свадьбы не будет! – никак не сдавался Мансур, вырываясь из цепких рук стражников. – И я требую вернуть залог.

– Что?! Залог? – Султан начал хватать ртом воздух, прижав ладонь к сердцу.

– Ой-ёй, – разом скукожился аль-Васик. Шутка ли, сказать подобное султану.

– Так ты, страшная твоя морда, утверждаешь, будто купил нашу дочь и наше благословение какой-то там нищенской подачкой? Да мы тебя за такое!..

– О великий султан! – Аль-Васик бухнулся на колени, протягивая руки к султану. – Мне ничего не надо! Оставьте залог себе!

– Ты опять?!

– Нет-нет, я оговорился, о солнцеподобный: подарок, конечно, подарок! Я дарю вам эти два сундука.

– Вон!!! Пошел вон, плешиный осел! Выкиньте его из дворца, и чтоб глаза наши его больше не видели!

Стражники подхватили побелевшего от страха аль-Васика подмышки и потащили к выходу.

– О султаны, как вы несправедливы!

– Что-о?! Ты никак не угомонишься, проклятый старикашка?! – вскричал, размахивая кулаками султан. – Всыпьте старому пердуну двадцать палок!

Медленно остывая и приводя дыхание в порядок, повелитель правоверных вернулся на трон и предался тяжким раздумьям, подперев подбородок ладонью.

– Какая наглость! – тихо изрек он спустя некоторое время. – Надо же – залог! Впрочем, мы неплохо обогатились на этом деле. Оказывается, женитьба – довольно прибыльное дело, но очень уж хлопотное и нервное.

Несчастному, измученному и всеми покинутому колдуну Абаназару удалось выбраться из ямы лишь спустя час безуспешных попыток применить магию. Сотворенная веревка с крюком обрывалась, крюк разгибался или соскальзывал вниз, потому как зацепиться ему было решительно не за что, и при том он все время почему-то норовил попасть незадачливому колдуну именно по голове. Магическая лесенка оказывалась невидимой, с прорехами или, хуже того, скользкой – Абаназар то и дело проваливался вниз, либо соскальзывал и падал, витиевато ругаясь и потирая все новые и новые ушибы. Попытки воспарить над ямой тоже не принесли успеха – несчастного колдуна либо подбрасывало высоко вверх по вертикали, либо швыряло на обгорелые стены ямы, после чего Абаназару приходилось долго отлеживаться, проклиная тот день, когда он связался с жалким прислужником Ахмедом.

Впрочем, Абаназар и сам знал, что сильно кривит душой. Дело было вовсе не в Ахмеде, и даже не в его друге, непохо-

жем на араба. Дело было в кольце. Именно оно расслабило разум колдуна, и Абаназар разленился, мало практикуясь в колдовском искусстве. Заклинания забывались, магические пассы производились не так ловко, снадобья зачастую обладали не совсем нужными, а порой и вовсе иными свойствами, вещи же, словно издеваясь над Абаназаром, переставали его слушаться или поступали наперекор воле черного мага.

Наконец, истощив запас отборных ругательств и плюнув на магию, Абаназар подошел к вопросу более практично. В яме валялось немало обломков саманного кирпича – все, что осталось от жилища колдуна. Стаскав их в одну кучу, Абаназару удалось соорудить из них некое подобие пирамиды и взобраться по ней наверх.

Отлежавшись на почерневшей от копоти земле и несколько придя в себя, Абаназар поднялся на ноги и придиричиво оглядел себя в тусклом свете догорающего костра. Одежды его пришли в полную негодность, и сейчас он походил на чумазое пугало в развевающихся на слабом ветерке лохмотьях. Дорогой чалмы не было вовсе, а тапки – сами знаете, что с ними произошло. Зло скрипнув зубами, Абаназар поплелся к колодцу – хотелось напиться и хоть немного привести себя в порядок, но ведро отсутствовало, и нечем было зачерпнуть воду.

Абаназар, пребывая в самом что ни на есть дурном расположении духа, бессильно опустился на край обода колодца и уныло повесил голову. И тут он вспомнил о кольце, все еще

удобно сидевшем на его пальце. А вдруг в тот раз он просто что-нибудь не то сделал? Знаете же, как бывает: запутался, не там потер, не так дунул-плюнул или перепутал последовательность действий. Абаназар, затаив дыхание, повернул камень кольца на пол-оборота и потер его пальцем.

– Явись мне, раб мой! – воскликнул колдун и застыл, всматриваясь в глухую ночь. – Каззан, ты слышишь? Я приказываю тебе: явись сейчас же!

– Ха-а, ха-ха-ха! Хо-о, хо-хо-хо! – раздалось совсем рядом.

Абаназар в ярости сжал немощные кулачки и завертел головой.

– Где ты, негодный джинн?!

– Хи, хи-хи-хи!

– Покажись и кончай свой глупый смех! У меня от него мурашки по коже бегают.

– Хе-хе! Кхе! Кха! – закашлялся Каззан, но так и не показался. – Не смей меня, о наихудший из колдунов и наивнейший из старых ослов, а то я лопну от смеха.

– Да как ты смеешь так со мной говорить, презренный раб! – вышел из себя Абаназар, от бессилия заметавшись вдоль забора. – Покажись сейчас же!

– Не покажусь.

– Почему? – мгновенно застыл на месте Абаназар.

– А потому: не хочу, и все тут.

– Да как ты... как ты смеешь возражать мне, отрывка

шайтана! У меня твое кольцо, вот! – продемонстрировал кольцо Абаназар, попутно вертя головой – вдруг да и объявится джинн.

– Знаешь, можешь засунуть его себе... в общем, самобразишь куда, – отозвалась пустота.

– Ах ты!.. Да как у тебя только язык повернулся ляпнуть такое мне – мне, великому Абаназару!

– Ай-яй, какая патетика: «повернулся», «мне», «великому». Намотай себе на свою козлиную бороду: я теперь свободен. Сво-бо-ден! Понял? Достаточно ты понукал мной.

– Как... свободен? – покачнулся Абаназар, разум его на мгновение помутился. – Невозможно! Этого не может быть!

– Может как видишь. Есть добрые люди на свете.

– Ы-ы-ы! – в бессильном бешенстве взвыл Абаназар, колотя себя кулаками по ляжкам. – Скажи мне, о гнусный предатель, кто посмел сотворить с тобой это непотребство?

– А зачем тебе?

– Я хочу расквитаться с ним!

– Не скажу!

– Скажи, или я... или я такое сотворю! Ух, я сам себя боюсь, когда я в гневе. – Колдуна и вправду передернуло.

– Твори, – безразличным тоном отозвался невидимый Казан.

– Значит, не скажешь?

– Нет!

– Смотри же: я, могущественный Абаназар, сейчас сам

узнаю его имя!

– А-ха-ха-ха!

Абаназар обиженно надул впалые щеки, но все же незамедлительно принялся за дело.

– Тыгылды, шыгылды, тум-тум! Кыгылды, берылды, хрум-хрум! – вещал он, вскидывая то одну руку, то другую и производя ими хватательные-вращательные движения. – Сигылды, кырылды, бум-бум...

– Хи, хи-хи! Ох, уморил, хозяин! Заклинаю тебя Сулейманом: прекрати меня смешить, а то я точно пузо надорву.

– Ты меня сбиваешь, о презренный предатель!

– Прости! Хи-хи, – прыснул напоследок Каззан и затих, прячась где-то совсем рядом за пеленой невидимости. Абаназар прямо-таки всем своим естеством ощущал его присутствие.

Колдун оттого нахмурился еще больше, глубокие морщины избородили его покатым узким лобом, но он промолчал. Тяжко вздохнув от накатившей безысходности и жалости к себе, Абаназар закрыл глаза, помолчал, распахнул их вновь и продолжил:

– О звезда Нихал, венчающая Караван Верблюдов, укажи мне человека, так бессовестно обобравшего меня!

Некоторое время на небе ничего не происходило, но, когда Абаназар уж было решил плюнуть на эту затею, звезды внезапно стронулись со своих мест и начали собираться в пока неясный знак.

– Ага! – несказанно обрадовался Абаназар. – Видел, как я их?

Джинн ничего не ответил, и Абаназар обиделся на него – еще бы, оставить без внимания столь сложное колдовство такого талантливому черного мага.

Между тем звезды продолжали двигаться и перестраиваться. Абаназар пригляделся к ним, и веселость разом сбегала с его лица. Фигура из звезд напоминала нечто очень знакомое, но пока точно нельзя было сказать, то ли это, о чем подумал Абаназар, или нечто иное.

– А-ха-ха-ха-ха! – зашелся в новом приступе хохота джинн, как только звезды прекратили свое движение и замерли. – Ох, колдун! Ох, держите меня!

Абаназар долго смотрел в небо, потом сорвал с плеч изодранный бурнус и принялся топтать его ногами. С неба на него бесстрастно взирала огромная звездная дуля.

– Это все ты, ты мне напортил! Ты специально, назло мне испортил мое заклинание!

– Знаешь, колдун, – отозвался Каззан, отсеявшись, – вмешиваться мне не было никакого смысла, ведь напортить больше, чем ты сам, просто невозможно.

– Ы-ы! – Кончив топтать рваный бурнус, Абаназар взялся колотить себя кулаками по лысой голове. – О, я несчастный! Дома у меня нет, лампы нет, посуда разбилась, джинна нет, имя я не знаю! О Аллах, за что ты ниспослал мне такие страдания?

– Ладно, скажу тебе имя, только прекрати терзать мой слух визгливыми причитаниями.

– Скажешь? – Абаназар опустил руки и повел носом.

– Скажу, скажу. Только лучше бы тебе не знать его имени.

– Это я как-нибудь без тебя решу.

– Дело твое. Запоминай же! Или нет, лучше запиши, а то забудешь.

– Э-э, я запомню!

– Уверен?

– Да говори ты уже, сил моих больше нет!

– Его зовут Ала ад-Дин, сын ныне покойного башмачника Али аль-Маруфа. Живет с матерью. Адрес... сам найдешь – я тебе не справочная.

– Ала ад-Дин, – шептал Абаназар, сиюсья запомнить, – сын Али аль-Маруфа. Ала ад-Дин... Постой!

– Ну что еще? – недовольно отозвался Каззан из темноты.

– Как случилось, что какой-то оборванец отпустил тебя на волю, не потребовав ни гроша?

– Станный вопрос: наверное, он просто добрый и сострадательный юноша.

– Тьфу! Ну, Ала ад-Дин... Каззан, дай мне напиться!

– Угу, а еще построй мне новый дом, завали по самые уши деньгами.

– Нет-нет, что ты! – замахал руками Абаназар. – Только пиалу воды, а лучше две, – показал он три пальца.

– На тебе целый кувшин и оставь наконец меня в покое!

– Да-да, как скажешь.

Абаназар живо сграбастал кувшин с водой, возникший прямо перед его носом, и припал к узкому горлышку губами. Пил он долго, словно верблюд после длительного перехода, дергая острым кадыком на тощей, морщинистой шее. Вода струйками сбегала по щекам колдуна, оставляя грязные потеки, но это было даже приятно – кожа еще горела и страшно зудела после взрыва. И как только вообще жив остался!

Вдосталь напившись, колдун довольно отер ладонью лицо, причмокнул губами и произнес:

– Ала ад-Дин, сын А... сын... вот же, шайтан тебя раздери! О Казан, я забыл, как звали отца!

Абаназар долго вслушивался в ночную тишину, но ответа так и не последовало.

– С-свол-лочь! – процедил сквозь зубы Максим, зябко кутаясь в обнаруженный у городской стены драный кусок того, что некогда, очень давно, было плащом. – Т-такую рубашку исп-портил! Ну поч-чему же так х-холодно-то, а?

– Ночи сейчас прохладные, шеф, – отозвался Ахмед, протягивая озябшие руки к пламени небольшого костра, на который с большим трудом удалось насобирать немного хвороста.

Костер почти вовсе не грел, лишь жадно потрескивал сухими сучьями, жадно переваривая их, и освещал небольшой участок стены у самых ворот, где приютились до утра двое

друзей.

Городские ворота были закрыты. И никого вокруг, даже нищие куда-то попрятались – возможно, отсиживались где-нибудь в городе.

– Скоро костер погаснет, – мрачно заметил Ахмед, но Максим ничего не ответил. Да и что тут скажешь.

Вдруг тишину ночи разорвал противный скрип.

– Ворота! – порывисто вскочил на ноги Ахмед. – Шеф, кажется, ворота открывают.

– С чего вдруг? – буркнул Максим, поплотнее кутаясь в рванину.

– Может, нас заметили и хотят впустить? – наивно предположил Ахмед.

– Сдались мы им, – не поверил Максим, но с земли все-таки поднялся. – Пошли, пока опять не закрыли.

Но не успели они приблизиться к медленно открывающейся створке ворот, как за ней раздалась возня, и к ногам Ахмеда вывалился человек.

– Ай! – сказал он, растянувшись на земле, и медленно, кривясь от боли и держась за бока, поднялся на ноги. – Чтоб вас шайтан пожрал вместе с вашим султаном!

– Пр-роваливай, пока цел! – рявкнул здоровенный стражник и скрылся за створкой.

Из ворот неспешной, преисполненной достоинства походкой вышел бедно одетый человек, судя по всему, слуга выкинутого мужчины, ведший в поводу двух коней, на одного из

которых была навьючена поклажа. Дождавшись, когда слуга выйдет наружу, Ахмед, а за ним и Максим шмыгнули в приоткрытую тяжелую створку.

– А вы куда? – Ахмеду, вбежавшему в ворота первым, преградил путь высокий статный страж, выставив перед собой копьё. – Кто такие?

– О, добрый стражник, да осенит тебя Аллах великой милостью! – льстиво скользнул к нему Ахмед и сунул в призывно распахнутую ладонь пару монет. – Мы прибыли к воротам, когда вы уже закрыли их, а на улице так холодно.

– Ну, если Аллах осенит меня еще парой монет... Вас ведь двое?

– Да-да, разумеется, – поспешно согласился Ахмед, вытащил из-за пазухи еще пару монет, и те, подобно двум первым, мгновенно исчезли в кармане нахального стражника.

– Пр-роходите! – разрешил стражник, убирая копьё, и гаркнул своим подчиненным: – Закрыть ворота!

Те уперлись руками в створку ворот, толкая ее изо всех сил. И тут снаружи донесся истошный вопль.

– Деньги... Мои деньги! Меня обокрали, пустите меня! – Выкинутый из города кривоногий мужчина доковылял до ворот и забарабанил в них кулаками, мешая закрывать их. – Отдайте мои деньги, о проклятые вору!

– Как, ты опять шумишь?! Мало тебе всыпали, да?

– Верните мои деньги, меднолобые разбойники! – никак не унимался мужчина.

– Что ты сказал, кривоногий плешивый шакал? – вытянул шею высокий стражник, угрожающе выкатив глаза. Он резко откинул копье и схватился за меч.

– Уй-юй! – Мужчина попятился от ворот, примирительно выставив перед собой ладони. – У меня случайно вырвалось. Я кля!..

В этот момент брошенное копье больно садануло по лодыжке одного из стражников, закрывавших ворота.

– Ай-я-а! – заголосил тот, запрыгав на одной ноге.

Пятившийся от ворот мужчина высоко подпрыгнул, решив, будто это воинственный клич, и бросился бежать к ожидавшему его в сторонке слуге с конями.

– Я не винова-ат! Не надо!!!

– Стоять, сволочь! – Потрясая мечом, за ним по пятам неся разъяренный начальник стражи. За начальником, размахивая батогами, бежали еще двое. – Ах ты, гнусный ишак! Стой, кому говорю!

– Оставьте все себе! Не нужны мне эти деньги! – Мужчина добежал до своего коня, но взобраться на него не успел.

Слуга, не двигаясь с места, продолжал меланхолично взирать на происходящее. Возня господ его не касалась.

– А-а-а, помогите! – вновь заорал мужчина, но стражник схватил его за полы халата и рывком сдернул с коня. Мужчина упал на землю и полез промеж копыт.

– Выходит, мы воры, так, что ли?

– Нет-нет, что вы, господин стражник! Вы не так все по-

няли.

– К тому же меднолобые, да?

– Я хотел сказать золотолобые. Да, именно золотолобые! Осененные благодатной мудростью, – нашелся мужчина. – Я вижу огонь разума в ваших... Ай!

– Так ты еще и издеваться вздумал над благородными стражами? – Стражник выволок из-под коня мужчину и поставил на его спину сапог. – Эй вы, добавьте ему еще десять палок! Он, видно, плохо соображает!

– Не надо! Моя вина! Прощу прощения! – забился мужчина под тяжелым сапогом, визжа и всхлипывая.

– Прощаю, – подумав, снисходительно кивнул стражник. – Десять, нет, пятнадцать монет!

– О господин стражник, но у меня украли все золото! – взмолился мужчина, боясь пошевелиться. Лезвие меча тускло поблескивало у самого его носа, а рядом стояли еще двое стражей, выжидающе похлопывая дубинами по ладоням. – Пощадите!

– Но ведь у тебя должны быть еще деньги. Ты богатый человек, я знаю.

– Все, все украли, – захныкал мужчина.

– Э-э, обыщите его поклажу! – приказал главный стражник, прижимая сапогом к земле даже не помышлявшего о бегстве буяна.

Пухлый стражник подбежал к коню и порылся в сумках. Один из мешочков звякнул, и стражник, растянувшись в

улыбке, бросил кошель своему начальнику.

– Значит, нет денег? – подбрасывая на ладони увесистый кошель, ехидно осведомился тот.

– О, пощадите! Это последние деньги!

– За нанесенное оскорбление доблестной страже нашего всемилостивейшего султана, а также за гнусное вранье я вынужден конфисковать у тебя все деньги.

– Возьмите хотя бы треть! Половину?.. Три четверти?

– Ай-яй, – покачал головой стражник, убирая сапог со спины мужчины. – Жадность – большой грех, очень большой. Но ты прощен. Убирайся, пока по твоей спине не прошли палками!

– А... как же я? На что мне жить?

– Э, еще накопишь, – презрительно бросил стражник, пряча кошель за пазуху и убирая меч. – Свободен!

– О, я несчастный! Я унижен, обесчещен, огра... лишен средств к существованию! За что мне все это? – Мужчина дождался, пока начальник стражи отойдет подальше и повернулся к своему слуге. – Быстро коня. Ну же! – прошипел он, вскочив на ноги, и отвесил пинка нерадивому слуге.

– Жалко мужика, – покачал головой Максим, до того молча наблюдавший за сценой из ворот.

– Вы чего, шеф? – удивленно покосился на него Ахмед. – Да у этого барыги еще три кошеля с золотом припрятано!

– Откуда ты знаешь? – обернулся Максим.

– Ну-у, – застенчиво протянул Ахмед.

– Так это ты спер кошелек?

– Э-э, не обеднеет! – махнул рукой Ахмед. – Нам они нужнее. К тому же в Коране сказано, что следует делиться с ближним.

– Ох, Ахмед! А если бы ты попался?

– Но не попался же! – довольно оскалился Ахмед, отходя от ворот, в которые вошли стражники.

– А вам чего здесь надо? – зло бросил начальник стражи Ахмеду.

– О доблестный страж ворот, – почтительно склонился перед стражником Ахмед, рукой придерживая кошель за пазухой, чтобы тот ненароком не звякнул или, хуже того, не вывалился, – скажи мне, кто тот жадный крикливый человек?

– Жадный? – задумался стражник и кивнул, расплывшись в щербатой улыбке. – Пожалуй. Его зовут Мансур аль-Васик – богатей, сватавшийся к нашей прекрасной принцессе Будур и оскорбивший нашего великого султана, за что получил двадцать палок и был выброшен из города!

– Старый кривоногий шакал сватался к нашей прекрасной принцессе? – не поверил ушам Ахмед.

– Вот именно, что шакал! – загоготал стражник, и его подчиненные тоже тихонько захихикали. – А теперь пр-роваливайте отсюда, оборванцы, пока я вас тоже не вышвырнул обратно за ворота.

– Благодарю вас за доброту, сострадание и щедрость, о славный страж! – Ахмед, непрестанно кланяясь, попятился

задом, потом развернулся и заспешил прочь. Максим нагнал его и пошел рядом.

– За какую щедрость ты его благодарил? – спросил он у спешащего неизвестно куда Ахмеда.

– А вот сейчас узнаете.

– Э, а где мой кошелек? – донеслось недовольное сзади.

Максим обернулся через плечо, не останавливаясь. Начальник стражи хлопал себя по животу и бокам, крутя головой.

– Где деньги, я спрашиваю?

– Господин, может ты обронил их, когда шел назад?

– Быстро откройте ворота и поищите! – приказал начальник.

– А может, их спер тот наглый проходимец, что так непочтительно обошелся с вами? Мансур или как его там, – предположил другой, ковыряя пальцем в носу.

– Догнать! Быстро! То-то я гляжу, он так быстро собрался. Ух, я ему! – погрозил он кулаком вслед двум всадникам, которые давно растворились в ночи. – Впрочем, шайтан с ними! Где их сейчас отыщешь.

– Опять твои фокусы? – спросил Максим у Ахмеда, когда они свернули за угол одного из домов.

– Что? – состряпал невинную физиономию Ахмед.

– Деньги у стражника спер.

– Я. Ведь нам они нужнее.

– Дурак ты, Ахмед, – только и вздохнул Максим. – И не

лечишься.

– А что такого?

– Как ты считаешь, что дороже: кошелек или жизнь?

– Жизнь или кошелек! – Из темной подворотни выскочил мужичонка в дырявых штанах, рваном халате, из прорех которого торчала грязная вата, и мятой, пыльной тубетейке. В руке он сжимал небольшой, но очень острый нож.

Все бы, возможно, у него и вышло как надо, но он допустил один промах: слишком приблизился к Максиму. Порядком поднаторевший в подобных делах Максим, не разбираясь, в чем, собственно, дело, с размаху засветил незадачливому грабителю в правое ухо и пошел дальше. Отвлекаться на него более не было никакого смысла. Мужичонка, растеряв тапки, прилег отдохнуть прямо на мощеной булыжником улочке. Нож подобрал Ахмед, повертел в руке, хмыкнул и засунул за пояс.

– Так я жду ответа на поставленный мной вопрос, – напомнил Максим, засовывая руки в карманы.

– Кошелек, конечно! – недолго думая, ляпнул Ахмед. – Жизнь ничего не стоит.

– Так чего же ты за нее так цепляешься? Бегаешь, словно заяц, из города в город, к колдуну прибился?

– Я... – растерянно похлопал глазами Ахмед.

– Вот именно.

– Знаете, я два года чужого в руки не брал. Но ведь нам сейчас нужны деньги!

– Тогда их нужно заработать.

– Шеф, а это точно вы? – Ахмед настороженно присмотрелся к Максиму.

– Я уже и сам не понимаю, я это или кто другой, – вздохнул Максим. – Ладно, проехали. Пошли поищем, где прийтись, и ты мне расскажешь о султানে, принцессе, лампах и колдуне... напomini, как его там звали?

– Абаназар, – подсказал Ахмед.

– Во-во, о нем самом. А то меня начинают терзать смутные сомнения.

– Правда?

– Истинная.

– Побожитесь!

– Ахмед, я же просил: завязывай с феней.

– Но у вас такое странное лицо, шеф, – поежился Ахмед в предчувствии недоброго. – Не иначе ваш знаменитый третий глаз опять открывается!

– Нет, пятая чakra!

– Пя-атая? – уважительно протянул Ахмед.

– Ох, Ахмед, кончай уже тупить.

Глава 5. Дядя Абаназар

Ночью Максиму снился кошмар: Абаназар, почему-то в облике огромной тряпичной жабы в чалме, уговаривал его пойти за волшебной лампой и грозился хорошенько прожевать Максима, если тот откажется. Максим рад бы идти за колдуном, но ноги его словно налились свинцом или приросли к полу, и он никак не мог сдвинуться с места. А жаба все разевала и разевала пасть, примериваясь, с какой стороны лучше начать есть Максима. И еще она хохотала голосом Ахмеда, словно умалишенная. А рядом крутился тот араб, что взял у Ахмеда лампу и все подзадоривал жабу. Максим узнал его – это был как раз тот парень, что устроил истерику в кинотеатре, сбежал из автобуса и странным образом пропал из самолета. Теперь Максим был уверен почти на все сто: мальчишку зовут Аладдин...

И тут жаба прыгнула, распахнув бездонную пасть, а Аладдин схватил за плечи вырывающегося, что есть мочи кричащего Максима и... Максим проснулся.

За плечи его тряс вовсе не Аладдин, а Ахмед.

– Проснитесь, шеф! – напряженно шептал Ахмед. – Что с вами? Вы стонали и извивались как безголовая змея.

– Спасибо за сравнение, Ахмед. – Максим сел на топчане и помассировал ладонями заспанное, отекавшее лицо. – Между прочим, змеи не стонут, тем более без головы.

– Вы уверены? – почему-то усомнился Ахмед.

– Точно тебе говорю. – Максим спустил ноги с топчана, нащупал пальцами ног туфли и сунул в них ступни.

В чайхане, куда они забрели ночью, еще никого не было. Только кто-то неистово гремел посудой в небольшой комнатушке.

– Хозяин не ругался больше, что мы его ночью разбудили?

– После того, как я втюхал ему золотой? – вскинул брови Ахмед и широко зевнул. – Вы шутите! Да он нас на руках теперь носить будет.

– Вот ваш завтрак, почтеннейшие!

Бесшумно приблизившийся к топчану хозяин, недовольно надувая щеки, бухнул на топчан тарелку с разогретым вчерашним – если не позавчерашним! – пловом без единого кусочка мяса и половинку сухой лепешки.

– Что-нибудь еще? – грубовато осведомился хозяин, вытирая руки о засаленную тряпку. Ни салатика, ни чая, судя по всему, не предвиделось.

– Мда-а, – протянул Ахмед, с сомнением разглядывая предложенную еду, а Максим брезгливо выковырнул пальцем из плова дохлую муху и продемонстрировал ее хозяину чайханы.

– Э-э, такой пустяк! – скривил губы чайханщик и щелчком сбил муху с пальца Максима. – Вот и все.

– Говоришь, на руках носить будет? – Максим демонстративно отер жирный палец о курпачу, на которой сидел.

– Так ведь золотой... – пробормотал Ахмед.

– Дай-ка мне ножичек, – протянул руку Максим, снизу вверх глядя на хозяина. Тот сглотнул и сильно сжал в руках тряпку.

Ахмед вытащил из-за пояса нож и передал Максиму. Не отрывая взгляда от побледневшего лица чайханщика, Максим принялся чистить ногти кончиком ножа.

– Значит, говоришь, завтрак?

– Я... ну...

– Не понял, что ты там бормочешь. Тебе дали целый таньга, а ты что?

– Таньга за беспокойство. Я вам дал кров и постель, о неблагодарный! И это ночью, когда никто вас и на порог бы не пустил. А я добрый! – быстро пришел в себя чайханщик, стряхнув трусливое оцепенение.

– Добрый, говоришь? – прищурил один глаз Максим. – А я вот очень злой, особенно когда хочу есть, а мне вместо еды подсовывают всякие помои!

– Э, зачем так говоришь? Это прекрасный плов!

– О, разумеется. С вялой, сморщенной морковкой, сухим рисом и мухами вместо мяса? Да такое даже собака жрать не станет!

– Станет! Я всегда им ссыпаю, и ни одна еще не жаловалась, между прочим.

– Значит, мы, по-твоему, собаки?

– Какой ты привереда! Еда стоит денег. Плати, и я принесу

тебе все самое лучшее.

– Ахмед, – Максим повернулся к другу, – а не сварганить ли нам шашлык из этого проходимца?

– Что? Что такое? – забеспокоился чайханщик, но Максим проигнорировал его. – Безобразие, я сейчас крикну стражу.

– А и правда, Ахмед, может, лучше вызвать стражу? Они здесь быстро порядок наведут. Ну как, хозяин? Позовем стражу? Или судью?

– Да зови хоть самого султана, оборванец! – подбоченился чайханщик, вскинув подбородок. – Мне плевать. Тьфу!

– Хорошо, так и сделаем, – кивнул Максим. – Ахмед, стоняй-ка быстренько за стражей, скажи, чайханщик взял пять таньга...

– Какие еще пять? Что ты мелешь?! – возмутился чайханщик.

– Взял пять таньга, – как ни в чем не бывало продолжал Максим, – за еду и кров, а кормит собачьими помоями. Да, и еще скажи, мол, возводил хулу на судью и плюнул на султана.

– Ага, я быстро. – Ахмед соскочил с топчана, довольно потирая ладони.

– А-а, постой, постой, о чужестранец! – заюлил чайханщик. – Зачем нам ссориться? Зачем стража, судья? Мы умные, порядочные люди, и вполне можем договориться.

– Что ж, давай договоримся, – согласился Максим. – Если через пять минут на дастархане не будет свежих лепешек и чая, а еще через пять нежнейшего шашлыка, то Ахмед...

– Я понял, понял, – замахал руками чайханщик. – Сейчас все будет, уважаемые. Все будет!

Чайханщика словно ветром сдуло.

– Как вы любите впустую говорить, шеф, – ворчливо заметил Ахмед, вновь опускаясь на топчан. – Я бы просто дал ему в морду.

– Угу. А затем чайханщик вызвал бы стражу, и вместо лепешек и шашлыка ты отведал палок, а заодно лишился бы всех денег.

– Да, об этом я не подумал, – вынужден был согласиться Ахмед. – Но теперь я узнаю в вас того самого шефа, которого я знал когда-то! Вы все также скоры на расправу и остры на язык.

– А, брось, Ахмед. Нет уже того шефа. Был да весь давно выветрился.

– Не скажите. Вы так лихо расправились с Абаназаром.

– Это я могу, это сколько угодно! Морду там набить, взорвать что-нибудь, разрушить дом, языком трепать, – криво усмехнулся Максим, играя ножиком и краем глаза наблюдая за чайханщиком, то и дело настороженно поглядывающим в небольшое оконце. – Ага, вот и наш завтрак!

Чайханщик, раскланиваясь и слащаво, но очень неестественно улыбаясь, сгрузил на стол горячий чайник с зеленым чаем, нарезку из лука и щавеля и благоухающий дивными мясными ароматами шашлык, прикрытый горячей, только что из тандыра, лепешкой.

– Ну вот, другое дело, – похвалил Максим труды чайханщика. – Можешь же!

– Приятного аппетита, дорогие гости, – расточал тот улыбки, попутно скрежеща зубами.

– Благодарю, любезнейший. Можешь быть свободен. Пока. – Максим накинулся на шашлык, словно изголодавшийся лев, утерев интерес к персоне чайханщика.

Тот отвернулся и, чуть горбясь и бубня под нос ругательства, поплелся к себе: и откуда только свалились на его голову вредные проходимцы, особенно бледный языкатый шакал в одних штанах и рванине на широких плечах!

– О славный метельщик – кхе! – улиц, блистающий своим непревзойденным мастерством – кха! – и столь виртуозно орудующий наидостойнейшим – кхо! – инструментом, – донесся до ушей Максима очень знакомый голос. – Не скажешь ли ты... а-апчхи!

Неподалеку от чайханы худой, изможденный мужчина подметал метлой улицу, поднимая клубы пыли, а рядом с ним стоял, умывая руки... Максим подавился куском мяса и зашелся в кашле. Ахмед услужливо похлопал его по спине.

– Что с вами, шеф?

– Ты только посмотри, кого принесло, – кивнул Максим, утирая кулаком с глаз невольными выступившие слезы.

В этот самый момент мужчина огрел метлой по спине вопрошающего его оборванного старика, в котором Ахмед без труда признал своего бывшего хозяина.

– Пошел прочь, старый ишак! Или еще захотел получить достойным инструментом по блистающей пустой тыкве? – выругался мужчина, потрясая метлой. – Ишь, еще издеваться вздумал. В гробу я видал это проклятое мастерство за два медяка! Двадцать пять лет мету улицы, а не скопил даже на похороны.

– Но я только хотел... – закрываясь руками, проблеял Абаназар.

– Что? Тебе мало? Прочь!!!

Абаназар, сгорбившись и непрестанно чихая, отошел в сторонку, оглядел чайхану и начал подниматься по ступенькам.

– Уй-юй! – Палка шашлыка выпала из ослабевших пальцев Ахмеда, и он полез под курпачу. – Опять эта старая обезьяна. И как он только выбрался из ямы!

– Ты куда? – Максим ухватил Ахмеда за штаны. – Садись и ешь.

– Не-е. Если он нас увидит... – донеслось из-под курпачи.

– Вылезай, говорю. Если раньше он ничего не смог сделать, то сейчас и подавно ничего него выйдет. Колдун он, похоже, еще тот.

– Не скажите, шеф. Я таких ужасов у него насмотрелся, до сих пор икаю, как вспомню. Ик! Вот, видите? Только что ночью не мочусь. Да палач с острым топором пред ним, словно безобидный младенец с погремушкой!

– Стыдись, Ахмед! Абаназар – обычный старикашка. –

Максим продолжил уплетать шашлык, искоса поглядывая на вошедшего в чайхану колдуна. – Чего он стоит без своих колбочек? А заклинание – так пока он его выговорит (если вообще вспомнит), мы три раза выпасться успеем.

– Вы так считаете? – не поверил Ахмед, но все-таки выбрался из-под курпачи и сел, прикрыв левую сторону лица тюбетейкой. – Шеф, куда он идет?

– Сюда, тебя увидел, – серьезно сказал Максим. – Ты посмотри, как обрадовался!

– О-ох! – подскочил Ахмед, сильно побледнев и собрался опять лезть под курпачу.

– Да пошутил я, пошутил.

– Ну и шутки у вас! – выдохнул Ахмед, осторожно выглянув из-за тюбетейки.

Абаназар, подслеповато шурясь, прошел мимо топчана, на котором сидели друзья, и осторожно заглянул в комнатку, где неистово гремел посудой и орудовал ножом злой чайханщик.

– О искуснейший из чайханщиков, – начал он, облизываясь и принюхиваясь к запахам, царившим на кухне, – чей несравненный шашлык...

– Что?! – вскричал чайханщик, порывисто обернувшись к двери. В руке его блеснул огромный разделочный нож, которым хозяин нарезал баранину. – Еще один нищий проходимец, желающий поживиться на дармовщинку?

– Что ты, что ты! – замахал на него руками Абаназар. – Я

просто хотел узнать...

– Пошел прочь, оборванец! – вышел из себя чайханщик, затопав ногами.

– Плебей! Да знаешь ли ты, кто я? – приосанился как мог Абаназар, уперев кулак в бок.

– Дрянной старикашка, желающий спереть мой шашлык – вот ты кто!

– Да как ты смеешь разговаривать со мной в подобном тоне! Я Абаназар!

– Кто?! – вылупился на колдуна чайханщик.

– Ну, Абаназар, великий колдун. Разве ты не слышал обо мне?

– Знаешь что, колдун, – усмехнулся в бороду чайханщик, – если ты сейчас же не исчезнешь сам из моей чайханы, то я тебе охотно помогу это сделать.

– Нечестивый проходимец! – топнул босой ножкой Абаназар, зеленея от злости. – Ну, погоди же! Аштарлы, маштарлы... Ох!

Нож впился в дверной косяк рядом с головой Абаназара, и колдун вылетел вон из кухни.

– О проклятый верблюд, торгующий вонючей тухлятиной, – колдун потряс кулаками над головой, – я всего лишь хотел спросить...

– Как, ты еще здесь?! – Чайханщик рывком вырвал нож из деревянной балки и бросился на Абаназара. – Убыю!

– Ай! – подхватился тот и заспешил к выходу из чайханы.

– Эй, почтеннейший! – окликнул чайханщика Максим, молча до того наблюдавший за происходящим. Он облизал жирные пальцы и вновь отер их о курпачу. – Остановись и позови этого человека.

– Да ведь он... – тяжело дыша, пробормотал чайханщик.

– Делай, что тебе велено! И принеси еще пару палок шашлыка и чаю.

Чайханщик что-то недовольно проворчал в бороду и, повесив плечи, поплелся к себе.

Абаназар, замерший в дверях, постоял некоторое время в нерешительности, потом осторожно приблизился к топчану.

– Спасибо вам о добрейшие из... Как?! – отшатнулся колдун в ужасе. – Опять ты, подлая бледнолицая обезьяна, разрушившая мой дом?!

– Ну, положим, его разрушил ты, – заметил Максим, лениво ковыряя ногтем в зубах. – Кто тебя просил изобретать динамит?

– Динамит? Что такое динамит? И что тебе вообще от меня надо, признавайся!

– Во-первых, прекрати орать и сядь поешь-попей.

Абаназар долго мялся, пытаясь понять, в чем подвох, а потом все-таки забрался на топчан, уселся поудобнее и разулыбался. Чайханщик как раз принес еще две палки шашлыка и свежезаваренный чай и грохнул принесенное на топчан. Абаназар схватил палку шашлыка и, рыча, жадно впился зубами в нежное мясо.

– А во-вторых, рассказывай, что ты все ходишь и выспрашиваешь, – произнес, зевая, Максим и откинулся на низкую спинку топчана.

– Яаюуаать йе... – чавкая и плюясь крошками, начал колдун.

– Чего-чего? – переспросил несколько осмелевший Ахмед.

– Ты сначала прожуй, а потом говори, – посоветовал Максим.

– Угу, – согласился колдун, но ждать, пока он прожует, пришлось довольно долго. Колдун не успевал разобраться с одним куском мяса, как тут же запихивал на его место следующий.

Наконец Абаназар насытился, тщательно облизал пальцы, погладил приятно отяжелевшее пузо и взялся за пиалу с чаем.

– Так вот, – начал он, не соизволив даже поблагодарить за еду, – я хотел узнать про одного человека, а эти дикие люди...

– Ты, того, – нахмурился Ахмед. – Базар фильтруй.

– Э-э, что ты сказал? – уставился на него Абаназар.

– За языком следи, – любезно перевел Максим с «ахмедова» на человеческий. – Так ты, значит, решил разузнать про молодого человека, который увел у тебя джинна. Я правильно все понял?

– Откуда ты?.. – Абаназар от удивления едва не выронил

из сухих пальцев пиалу с горячим чаем, но вовремя успел подхватить ее двумя руками.

– Это называется логика, – заговорщицки подмигнул Ахмед Максиму, блеснув познаниями. Тот в ответ только сухо кивнул. – Великая вещь! Я и то не сразу дотумкал.

– Не знаю такого заклинания. Ты что, тоже колдун? – В голосе Абаназара прорезались уважительные нотки.

– О, и еще какой! Особенно за столом.

– Гм-м. – Абаназар не совсем понял, о чем толкует Максим, но решил не уточнять. Его сейчас больше интересовал юноша, о котором ему до сих пор ничего разузнать не удалось. – Так что ты можешь мне сообщить? – важно спросил колдун.

– Смотря что ты хочешь услышать, – с иронией заметил Максим, наливая себе в пиалу свежего чаю.

– Не играй со мной, мальчишка! – сверкнул глазами Абаназар, но мгновенно остыл, взяв себя в руки. С заносчивым юнцом не стоило ссориться – он мог оказаться полезным. А разобраться с ним он всегда успеет. – Прости, я немного на нервах.

– С чего бы? – Максим отхлебнул из пиалы и отер губы ладонью. – Так ты хотел бы узнать, кто тебя обобрал, не так ли?

– Истинно так! – выпятил колдун грудь, уперев свободную руку в колено.

– Его зовут Аладдин.

– Прости, но, мне кажется, его звали Ала ад-Дин – это я помню! – с гордым видом поправил Абаназар.

– Пусть Ала ад-Дин, – не стал спорить с колдуном Максим.

– И еще я знаю, что он сын какого-то башмачника.

– Так чего же ты еще от меня хочешь, если тебе все известно?

– Я забыл, как звали башмачника, – грустно развел руками Абаназар.

– Старость – не радость, – сочувственно покачал головой Максим, а Ахмед тихонько хихикнул.

– А башмачников и Ала ад-Динов в городе пруд пруди, – с горечью в голосе закончил колдун.

– Его звали Али аль-Маруф.

– Точно! – хлопнул себя по лбу колдун. – Но откуда тебе известно его имя?

– О, мне многое известно, – загадочно изрек Максим. – Но остальное тебе придется выяснить самому. Скажу только, что Аладдин...

– Ала ад-Дин, – подсказал Ахмед, выставив указательный палец – он очень любил во всем точность.

– Разве это так важно? – Максим выгнул дугой бровь и вопросительно, с нажимом взглянул на Ахмеда.

– Совсем неважно, шеф! – поспешно ответил тот и уткнулся в свою пиалу.

– В общем, твой Ала ад-Дин живет рядом с базаром, непо-

далеку от чайханы, что на распутье трех дорог.

– А почему ты не скажешь напрямик, где он живет, а все крутишь, будто бестолковый погонщик, забавляющийся с коровьим хвостом, – набычился Абаназар.

– Может, мне еще и к Ала ад-Дину вместо тебя заявиться и прикинуться его дядей? А тебе останется только рыбкой полакомиться?

– Не понимаю, при чем здесь рыбка, но – дядя... – задумался Абаназар. – А ведь неплохая мысль! Дядя! Благодарю тебя, о мудрый отрок. – Колдун сполз с топчана и попятился к выходу, непрерывно кланяясь. – Благодарю.

– Э, эй, постой! – привстал Максим. – Ты куда?

Но Абаназар развернулся и шмыгнул вниз по лестнице. Его босые пятки гулко простучали по деревянным ступенькам, и все стихло.

– Эх, опять мой длинный язык, – посетовал на собственную несдержанность Максим, поднимаясь с топчана.

– Мы уже уходим? – расстроился Ахмед.

– Нужно спасти одного хорошего парня от одного нехорошего колдуна. Да и рубаху бы неплохо прикупить.

Ала ад-Дину этой ночь тоже не удалось толком выспаться. Изобилие событий не давало покоя его разуму, и юноша, томимый любовными переживаниями и пророчеством джинна, полночи крутился в постели без сна, лишь к утру забывшись коротким беспокойным сном. А спустя некоторое вре-

мя юношу разбудила шумная возня матери – так случилось каждое утро.

Ала ад-Дин зло спихнул пристроившегося на его боку урчащего кота, требующего еды, и сел. В окно только-только проник первый робкий лучик солнца, пробившийся сквозь листву яблони, росшей во дворе. Он, словно сговорившись с матерью и котом в желании не дать выспаться Ала ад-Дину, все норовил мазнуть юношу по лицу. Ала ад-Дин поморщился, отстранясь, широко и протяжно зевнул и потянулся за рубахой.

– Ала ад-Дин, сынок! – донеслось со двора. – Разожги тандыр.

Кот опять полез на колени и взялся ластиться. Ала ад-Дин дернул коленом и встал.

– Потерпишь! – сказал он строго коту. – Я сам еще ничего не ел. И вообще, иди лови мышей.

Кот вздернул хвост трубой, презрительно вскинул морду и направился к входной двери. Мышей ему ловить вовсе не хотелось. Может, добрая старая женщина его пожалеет и даст что-нибудь лакомое, соответствующее его сану священного животного? Ведь он как-никак облагораживает жилище своим присутствием! Но здесь был не Египет, и старушка ничего не знала о высоком положении котов, а потому со двора вскоре слышалось:

– Не крутись под ногами, бездельник! Иди лучше мышей ловить, а то вообще ничего не получишь.

Кот обиженно фыркнул и поплелся в небольшой сад наблюдать за резвящимися на ветках воробьями – позже он обязательно испытает судьбу еще раз.

Ала ад-Дин тем временем накинул рубаху, натянул худые чуйки и поднялся с постели, упираясь руками в колени. Глаза слипались на ходу, но ведь мать не оставит его в покое, пока он не сделает всего, о чем та просит.

– Доброе утро, мама, – поздоровался юноша, выйдя на двор.

– Здравствуй! Сколько можно спать? Или опять какой сон досматривал?

– Не было никаких снов, – вяло огрызнулся Ала ад-Дин, проходя к тандыру, у которого кучкой были свалены сухие сучья. Их осталось совсем мало, и скоро придется идти за город, туда, где из каменистой почвы в изобилии торчат высушенные на корню деревья. – Я всю ночь глаз не сомкнул.

– А все твои глупые фантазии.

– Мама!

– Все, не хочу ни о чем слышать. Разжигай быстрее тандыр, а то лепешек с тобой не дождешься.

Ала ад-Дин надулся и полез в тандыр с совком. Нужно было выгрести золу и уложить свежий хворост.

– Хорошенько выгребай!

– Мама, занимайтесь своим делом, – прогудел Ала ад-Дин из тандыра.

– Я-то занимаюсь, а вот ты в прошлый раз плохо почистил,

и все лепешки в саже были!

– Мама!

– Что «мама»? – Старушка бросила кусок теста на доску и изо всех сил принялась мять его.

Спорить с матерью было бесполезно, а потому Ала ад-Дин нашел наилучший выход из положения – замолчал, работая руками.

– Ты скоро?

– Да! – Ала ад-Дин закончил укладывать хворост и выбрался наружу. Затем разжег огонь. – Вот!

– Очень долго возишься!

– Не за что, мама! – ответил Ала ад-Дин и направился к кувшину с водой умыться и ополоснуть руки.

И тут в калитку кто-то постучал.

– Кого еще принесло с утра пораньше? – проворчал юноша, отирая мокрые руки о рубаху, и пошел открывать.

Отодвинув засов, Ала ад-Дин распахнул калитку и выглянул на улицу. Снаружи стояли двое: один худой и невзрачный, а другой плечистый и бледный, с чертами лица, далекими от привычных арабских.

– Что вам, почтеннейшие? – спросил Ала ад-Дин, а про себя подумал: «Неужели «дядя»?»

Тот, что худой, только мялся и глуповато улыбался, разглядывая Ала ад-Дина, и еще все время умывал руки. Другой, с бледной кожей, долго жевал нижнюю губу, не зная, как начать разговор. Ала ад-Дин не торопил их.

– Ты будешь Ала ад-Дин? – наконец спросил бледный.

Странная манера речи несколько смутила юношу.

– Я Ала ад-Дин. Но я ничего не буду.

– А я тебе ничего и не предлагаю. В общем, так: времени мало, а потому сократим беседу до минимума. Вопросов не задаем и отвечаем «да» или «нет». Понял?

– Нет.

– Что – нет?

– Не понял.

– Что именно тебе не понятно? – нахмурился бледный тип.

– Вы кто?

– Доброжелатели.

– Кто-кто?

– Помогаем серым и убогим лопухам не стать законченными лохами, – пояснил второй, тощий.

Ала ад-Дин из всей фразы понял едва ли два-три слова, но общий смысл уловил. Смысл был обидный, однако юноша не подал виду. Но где он видел худого? Где-то ведь встречался с ним совсем недавно, но вот где – Ала ад-Дин никак не мог припомнить.

– Помолчи, Ахмед, – одернул товарища бледный.

– Знаете что, уважаемые, – нахмурился Ала ад-Дин, – шли бы вы, а?

– Видишь, он уже обиделся.

– Ну и шайтан с ним! – почему-то разозлился тот, которо-

го звали Ахмедом. – Вот и делай людям добро. Идемте, шеф. Он отвернулся и побрел прочь.

– Пойдите! – спохватился Ала ад-Дин. Ему наконец удалось вспомнить худого. – Это ведь вы вчера подарили мне лампу?

– Нет, то был не я. – Ахмед остановился посреди улицы, втянув голову в плечи.

– Зачем вы меня обманываете, о недостойный торговец лампами? – удивился Ала ад-Дин. – Вы второй раз не хотите признаваться, что вы – это вы.

– А ты докажи! – вскинулся Ахмед. – Честного человека оскорбляют почему зря!

– И вовсе я вас не оскорбляю. Я вам вчера вернул лампу, а вы мне ее подарили.

– Ах да, кажется, припоминаю. Ну и что? Разве лампа оказалась с изъяном?

– Нет, лампа нормальная, а вот джинн...

– Джинн? Какой еще джинн? – наивно похлопал глазами Ахмед.

– В лампе сидел джинн, – охотно пояснил Ала ад-Дин, принимая вопросы Ахмеда за чистую монету. – Очень хитрый. Он заболтал меня, и я подарил ему свободу, а он в благодарность понес какую-то чушь про дядю и колдуна, – вздохнул Ала ад-Дин.

– А что, дядя еще не приходил? – перехватил инициативу в разговоре бледный плечистый парень.

– Нет еще, – печально развел руками Ала ад-Дин, но вдруг спохватился. – Постойте, кто вы все-таки такие, и откуда знаете про дядю? Или это был ваш джинн?

– Для начала тебе неплохо бы успокоиться, – посоветовал бледнокожий. – Сделай глубокий вдох, потом выдох. И так три раза.

– Да не хочу я дышать! – отмахнулся Ала ад-Дин. – Я жениться хочу.

– Похвальное желание. Я всеми конечностями только «за».

– И если это ваш джинн, и вы честные люди... – продолжал Ала ад-Дин с жаром.

– Джинн, к сожалению, не наш, и на роль свахи я тоже вряд ли гожусь. Кстати, мое имя Махсум.

– Черный Махсум, – внес коррективу Ахмед.

– Обычный, совершенно обычный и бесцветный, уверяю тебя, – отмахнулся Максим.

– А это важно? – спросил Ала ад-Дин.

– Нисколько. Итак, дядя еще не приходил?

– Н-нет, но...

– Странно, – помял подбородок Максим. – Ахмед, как ты думаешь, куда старый пенек мог забуриться? Прошел уже почти час.

– Может, заблудился? Гульканд – город большой.

– Как можно заблудиться, когда ему указали на совершенно верные приметы?

– Он все может, он такой, – покивал Ахмед.

– Впрочем, так даже лучше. Слушай меня внимательно, Аладдин, – обернулся Максим ко все еще ничего не понимающему юноше, подпиравшему плечом калитку.

– Я Ала ад-Дин, вообще-то, – поправил тот.

– Один фиг! Короче: явится к тебе...

– Дядя, – перебил Ала ад-Дин. – Знаю, только у меня нет и никогда не было дяди! Джинн сказал, будто он колдун. И еще он сказал...

– Зачем же я трачу на тебя время, если ты и так все знаешь? Пошли, Ахмед!

Бледнокожий обнял за плечо товарища и повел прочь от дома Ала ад-Дина.

– Эй, постойте! – крикнул Ала ад-Дин.

– Ну? – обернулся Максим.

– Я только не понял, чего ему от меня надо, вашему «дяде».

– Но ты же не хочешь слушать.

– Хочу!

Максим, словно нехотя, вернулся и долго, засунув руки в карманы необычных штанов, смотрел в глаза присмиревшему Ала ад-Дину.

– Тогда закрой свой рот и распахни уши.

Ала ад-Дин честно захлопнул отвисшую челюсть, а уши его действительно дернулись.

– Другое дело, – похвалил Максим, а Ахмед согласно за-

кивал. – Так вот, колдун...

Но договорить Максиму не удалось.

В конце улицы появился бедно одетый мужчина, несший в руке пиалу, накрытую платочком. Мужчина медленно шел по улице, вертя по сторонам головой, словно выискивал кого-то. Заметив троицу, он заулыбался и ускорил шаг.

– Простите, о достойнейшие, – произнес мужчина, приближаясь, – не скажете ли вы, где живет Ала ад-Дин, сын...

– Здесь живет, – ответил Ахмед, не дав незнакомцу договорить.

– О! – обрадовался тот. – Это вы?

– Нет, он, – указал Ахмед на стоящего в калитке Ала ад-Дина.

– Он? – Мужчина повернул к юноше узкое, несколько вытянутое лицо и долго и очень придирчиво разглядывал Ала ад-Дина.

– То правда, меня зову Ала ад-Дин, – поспешно развеял юноша сомнения незнакомца. – Вы дядя?

– Странный ты, – пожал плечами мужчина. Вопрос, похоже, сильно его озадачил. – Разве я похож на тетю?

– Да нет, я хотел спросить, не мой ли вы дядя, в смысле, брат моего отца.

– Аллах миловал! Но меня послал к вам тот, кто назвался именно так.

– Моим дядей? – почему-то обрадовался Ала ад-Дин.

– Да, – подтвердил мужчина. – И сказал, чтобы я передал

вам это. – Он протянул пиалу, сдернул с нее платок и вывалил в ладони Ала ад-Дина крупный изумруд.

– Это... мне?! – задохнулся от восхищения юноша, катая большой камень в ладонях и наблюдая за игрой света на его гранях.

– Тебе, тебе. Ну, я пошел?

Посыльный поправил тюбетейку и заспешил прочь.

– Дай-ка его сюда. – Ахмед проворно выхватил из рук юноши камень и, подняв его над головой, покрутил в пальцах.

– Что вы делаете? – испугался Ала ад-Дин, что нахальных незнакомец отнимет драгоценный камень. – Отдайте сейчас же! Он мой.

– Фальшивый, как и следовало ожидать, – с видом завзяттого эксперта, что, впрочем, так и было, сообщил Ахмед, и кинул камень Ала ад-Дину. – Очень искусная подделка. Абназар мастер клепать такие вещички.

– Подделка? – опечалился юноша, разочарованно вертя в пальцах камень. – Вы не ошиблись?

– Да я в свое время...

– Он был оценщиком камней. – Максим вовремя пнул в лодыжку бывшего разбойника. – Очень хорошим оценщиком.

– Да-да, – подтвердил Ахмед, морщась. – Ух, как я их оценивал!

– Жаль, – еще больше расстроился Ала ад-Дин.

– Во-во, – поддакнул Максим и пробормотал под нос: – Но мне почему-то казалось, что должны были принести целый сундук камней, всяких тряпок и денег.

– Хорошо бы, – мечтательно вздохнул Ала ад-Дин, услышав замечание Максима.

А между тем в конце улицы показался другой мужчина, столь же бедно одетый, подобно первому. Он, как и его предшественник, шел, глядя по сторонам, только вместо пиалы в его руке позвякивал мешочек.

– Эй, – крикнул Максим, – ты не Ала ад-Дина ищешь?

– Его, – обрадовался посыльный.

– Тогда дуй сюда, – махнул рукой Максим. – Вот Ала ад-Дин, – указал он на застывшего в изумлении юношу.

– Это правда вы? – на всякий случай уточнил мужчина, приблизившись.

– От дяди?

– Да, – кивнул посыльный, – он просил...

– Так давай сюда. – Максим выдернул из пальцев растерявшегося посыльного мешочек с монетами, подбросил его на ладони и перекинул Ала ад-Дину. – Ждет же человек, а ты тянешь.

– Но... – Мужчина посмотрел сначала на одного, потом на другого, не зная, как следует поступить.

– Свободен! Нет, стой!

– Что?

– Вас там много еще?

– Кого? – усталился на Максима посыльный.

– Ну, с подарками?

– Не знаю, я один. – Мужчина развернулся и заспешил прочь, постоянно оглядываясь.

Между тем Ала ад-Дин уже заглянул в мешочек, и любопытный Ахмед подлез к нему сбоку.

– Медяки, – поморщился бывший разбойник и тихо проворчал: – Чего и следовало ожидать. Спер, небось, у кого-нибудь и половину себе отсыпал.

В мешочке действительно находилось совсем немного монет, и предположение Ахмеда походило на правду.

– Ну и что? – Ала ад-Дин быстро завязал мешочек и спрятал за пазуху. – Медь тоже деньги!

– Кто бы спорил, – фыркнул Ахмед и отошел в сторонку.

– Стой-таки, гад! Гнусный вор, плешивый верблюд! Ай, гевалт!

По улице, придерживая рукой черную шляпу с небольшими полями и развевающимися на ветру пейсами, несся Абаназар. Колдун был облачен в черные же одежды – длинный балахон и жилетку. За Абаназаром бежал по пятам грузный мужчина, потрясавший внушительной палкой.

– Люди-и, да шо ж это-таки делается, а?

Колдун проскочил мимо стоявшей посреди дороги компании, обернулся, что-то быстро забормотал и взмахнул свободными рукавами. На месте преследовавшего его мужчины за клубилось облако пыли, брякнулась на землю палка, а ко-

гда облако рассеялось, глазам пораженных свидетелей происходящего предстала курица, глуповато вертящая головой.

– Вот так! – гордо изрек Абаназар, заводя руки за спину. – Видели, как я его?

Пока Ала ад-Дин пытался переварить увиденное и приходил в себя, Максим надвинулся на колдуна, сжав кулаки.

– Ты чего с мужиком сотворил, а? Я тебя спрашиваю, еврей ты липовый!

– Тихо, тихо! – попятился колдун. – Ничего ему не сделается. Через часик-другой опять человеком станет.

– Не врешь? – грозно уточнил Максим.

– Да точно, точно! Заклятие совсем слабое.

– Смотри у меня! Послушай, а чего ты в иудея вырядился?

– Какого еще иудея? – нахмурил лысые брови колдун.

– Обычного. Шляпу вон напялил с завитушками, ну вылитый иудей-ортодокс!

– Но-но! – погрозил пальцем Абаназар, но шляпу все же снял, оборвал пейсы и нахлобучил обратно на лысину. Пейсы скомкал в кулаке и засунул в карман – в хозяйстве все пригодится. – А кстати, вам чего здесь понадобилось?

– Да так, мимо шли, хозяин, – осторожно ответил Ахмед.

– Какой я тебе хозяин, шакал бесхвостый! И вообще, шли мимо – вот и идите своей дорогой. А мне с молодым человеком потолковать надо. – Колдун кивнул на Ала ад-Дина.

– Да, забыл представить, – обернулся Максим к Ала ад-Дину, – это и есть твой дорогой дядюшка. Прошу любить и

жаловать, так сказать, – и добавил шепотом, приложив руку к щеке, – главное, уши не растопыривай, а то он тебе такого на них навешает – вилкой задолбаешься работать!

Ала ад-Дин в ответ понятиливо закивал.

– Что ты ему сказал? – насторожился Абаназар, глядя из-под полей низко, по самые брови нахлобученной шляпы.

– Я ему сказал, что вы очень хороший человек, и вас надлежит слушаться.

– Ага, я хороший, очень! Все верно.

– Значит, мы пошли? – спросил Ахмед, обходя стороной Абаназара.

– Да-да, идите. – Колдун нетерпеливо помахал рукой, поскорее спроваживая двух друзей, чтобы не путались под ногами, и распахнул объятия. – Здравствуй, дорогой племянник!

– Дядя? – с сомнением протянул Ала ад-Дин. – Ну, наконец-то! Я уж думал, вы не придете!

Юноша так стиснул колдуна в объятиях, что у того ребра захрустели и глаза едва не повылазили из орбит.

– Ох! Отпусти, задушишь! – забился Абаназар, суча ногами в новеньких чувяках.

– Извините, дядя. – Ала ад-Дин нежно опустил колдуна на землю, выровнял ему шляпу на голове и отступил на шаг. – Значит, вы брат моего покойного отца?

– Да-да, я брат твоего отца... э-э... – Абаназар понял, что опять забыл имя и завертел головой, ища помощи.

– Али аль-Маруфа, – только и покачал головой Максим, который не успел отойти слишком далеко, вернее, не особенно торопился это сделать. – Послушай, не пора ли тебе завести какой-нибудь перекидной папирус с чернильницей и перышком?

– Отстань от меня, сын греха! – огрызнулся Абаназар. – И иди себе, куда шел.

– Вот она, благодарность, – хмыкнул Максим. – Пошли Ахмед. Аладдин, мы потом еще с тобой потолкуем.

– Я Ала ад-Дин!

– Тем более.

Максим с Ахмедом скрылись в ближайшем переулке.

– На чем мы остановились? – обернулся Абаназар к Ала ад-Дину.

– Вы сказали, что вы брат моего отца.

– Ну да! Я брат твоего отца... Али аль... аль-Маруфа! – почти выкрикнул Абаназар, радуясь, что наконец-то ему удалось запомнить имя отца. – Приди же в мои объятия, о дорогой племянник... – Колдуна опять застопорило. – Племянник... – в замешательстве повторил он, силясь припомнить имя юноши.

– Ала ад-Дин, – подсказал тот, когда пауза изрядно затянулась. – Но объятия уже были. Так что давайте пройдем в дом, и вы все расскажете о себе.

– Да-да, – поспешно согласился Абаназар, безостановочно повторяя про себя: «Только бы не забыть: Али аль-Маруф...»

Ала ад-Дин... Только бы не забыть... И не перепутать!»

Глава 6. Черный и белый

– О отец! Не прячьтесь, я знаю, что вы здесь!

Принцесса Будур, распахав узкими плечиками здоровенных стражников, закованных в кожаные, с бронзовыми набивками доспехи, ворвалась в наполненное паром помещение. Но ей преградил путь пузатый потный евнух со слащавым лицом.

– Нижайше прошу простить меня, о принцесса, – прогнулся он в низком поклоне, загораживая узкий проход своим объемистым телом, – но вам нельзя сюда вхо... Ой!

Принцесса, наморщив носик и зажав его двумя пальчиками – от евнуха несло неприятной помесью сладковатых благовоний и пота, – наступила башмачком на голые пальцы левой ноги евнуха и для пушего эффекта с нажимом покрутила каблучком.

– Ай-яй-яй! – взвыл евнух, не решаясь выдернуть ногу из-под тufельки царственной особы, и только морщился и одновременно продолжал натянуто улыбаться.

– Теперь можно пройти? – нахально осведомилась Будур, сверля евнуха неистовым взглядом.

– Н-н... – засомневался евнух, кусая губы.

– Хуже будет! – честно предупредила девушка.

– Если что, скажите вашему отцу, что я не пускал вас! – зашептал он.

– Скажу, скажу, – пообещала принцесса и убрала ногу.

Евнух выдохнул с облегчением, разгладил складки на лбу и посторонился с поклоном.

– Прошу вас, Ваше Высочество.

Будур, презрительно вздернув подбородок, свернула за угол и замахала руками, разгоняя клубящийся вокруг нее пар.

– Отец, где вы?

– Что? Что такое? – донесся слева недовольный голос султана. – Дочь наша, как ты посмела войти в баню? Мы, между прочим, здесь паримся!

Принцесса чуть повернула голову и с трудом разглядела меж клубов пара прикрывающегося тазиком отца в окружении наложниц, чьи тела влажно блестели в неярком свете масляных светильников.

– О дорогой отец, насколько я знаю, вход в баню не запрещен никому! – дерзко ответила Будур.

– Но не в мужское отделение! Тем более когда паримся мы! – праведно возмутился султан.

– А что в таком случае здесь делают эти женщины?

– О несчастная, – султан от смущения крутил в руках тазик, – какие же это женщины? Они наложницы!

– Тогда все понятно, – понимающе кивнула Будур. – Но я ищу вас с самого утра, а вы, отец, все время ускользаете от меня. Вас можно поймать только в бане или в отхожем месте! И если вам неудобно говорить со мной здесь...

– Нет-нет! Лучше говори здесь, – не на шутку перетрусил султан. – Эй вы! – крикнул он банщикам. – Поддайте пару!

– Достаточно пару! – грозно свела брови Будур. – И тумана тоже, – добавила она с намеком, которого султан не понял.

– Мы слушаем тебя, дочь наша! – величественно произнес он, прижимая к животу тазик.

– Я хотела узнать, почему у меня со вчерашнего вечера не работает фонтан. Мои любимые золотые рыбки скоро помрут, и тогда кое-кому не поздоровится.

– Не угрожай нам, дочь наша! – потряс пальцем султан, но опомнился и подхватил сползающий вбок тазик. – Все ради твоей же безопасности.

– Дохлые рыбки?

– Нет, закрытый фонтан!

– Так знайте же, отец: если фонтан сей же час не заработает, я выброшусь с балкона, так и знайте!

– Э-э, тогда я прикажу убрать балкон! – мгновенно нашелся султан.

– Отлично! Будет проще прыгать вниз, – фыркнула Будур, сложив руки на груди.

– Мы хотели сказать, замуруем выход на балкон, – поправился султан.

– Тогда... тогда я выброшусь в окно!

– Окна очень узкие – ты не пролезешь.

– Залезу на потолок и спрыгну вниз!

– Хорошо, что сказала. Слуги обязательно уберут из твоих

покоев все веревки, ленты и простыни.

– Разобью голову об стену!

– Что ж, придется обклеить стены подушками, – горько вздохнул султан, воздевая глаза к потолку.

– Перережу вены, так и знайте!

– Послушай, дочь наша Будур! – застонал султан. – Долго ты еще будешь изводить нас и не давать нам мыться?

– Пока вы не передумаете выдавать меня замуж силой, вот!

– Э, разве мы собирались выдать тебя замуж?

– Как? А старый урод? – Будур широко распахнула глаза.

– Его больше нет! Мы поступили так, как ты хотела, – важно заявил султан, почесав ногу об ногу.

– Неужели вы его казнили?

– Почему казнили? Зачем казнили? – искренне удивился султан. – Мы всыпали ему палок и вышвырнули из города.

– О дорогой отец! – заскакала на месте Будур, хлопая в ладоши. – Значит, теперь мне не надо выходить за него замуж?

– Конечно же, нет!

– Ах, я так счастлива! Дайте я вас расцелую. – Принцесса в порыве счастья бросилась к отцу.

– Нет, не подходи к нам, о безумная! – Султан поспешно нахлобучил на голову тазик, но быстро опомнился и вернул его на место. – Ну, оставь нас, прошу, – захныкал он. – Дай нам уже насладиться негой и покоем хотя бы в бане.

– Хорошо, хорошо, дорогой отец! – Будур вернулась к вы-

ходу. – Значит, мне откроют фонтан?

– Фонтан? – задумался султан, почесав за ухом. – Да-да, скажи там, кому следует, что мы разрешили открыть фонтан.

– О, спасибо любезный отец! Значит, теперь мне можно выйти замуж за другого?

– Конечно, мы не видим к тому препятствий. – Без задней мысли ответил султан, не в силах дожидаться, когда же наконец уберется строптивая девчонка.

– За того, кого люблю?

– О, разумеется!.. Постой, – спохватился султан, – кого ты имеешь в виду?

– Он очень хороший человек, уверяю вас, отец! И я его люблю.

– Да, но кто он?

– Он... как бы вам объяснить... Я его видела... видела во сне, – соврала принцесса. Ведь не рассказывать же отцу, где на самом деле она повстречала юношу.

– Во сне? Дочь наша, ты в своем уме? Кто же выходит замуж за ночной кошмар?

– Он не кошмар! – в сердцах топнула ножкой Будур. – Он хороший. И очень красивый.

– Умоляю тебя, – застонал Султан, прикрыв лицо ладонью, – оставь нас в покое со своими глупыми фантазиями.

– Но он вовсе не фантазия. Я видела его наяву! В смысле, потом, чуть позже.

– Что!!! – вскричал султан, вскакивая со ступеньки и

взмахнув тазиком, но наложницы мгновенно прикрыли своего господина ладошками. – Этот гнусный ишак проник во дворец и наслаждался твоей невинной красотой?

– Он никакой не ишак, а прекрасный юноша! – Принцесса воздела над головой руки. – И никуда он не проникал, между прочим.

– Так где же ты его в таком случае могла видеть? – Султан немного остыл, опустил обратно на ступеньку и вновь водрозил тазик на пузо.

– Я видела его в щелку в заборе, – нашлась Будур. – Вот!

– Щелка? В нашем заборе?

– Да!

– И где же она? Мы прикажем ее замазать, чтобы всякие проходимцы не вертелись перед ней и не заглядывались на нашу дочь!

– Не скажу!

– Ну, хорошо! – зло запыхтел султан. – И кто же этот дерзкий юнец, пленивший нашу наивную дочь сквозь щель в заборе?

– Он живет в городе, и зовут его Ала ад-Дин.

Будур прикрыла глазки, а ее лицо порозовело от нахлынувших приятных воспоминаний, если, разумеется, не считать совершенно не вовремя сломавшейся лесенки.

– И он, верно, богат? – задумчиво пожевал губами султан.

– Ах, отец, разве это так важно? – махнула ручкой Будур.

– Разумеется! А как же иначе?

– Нет, он беден. Но я его люблю!

Тазик, загремев по полу, откатился в сторону, а над грохнувшимся в обморок султаном сгрудились наложницы, ломая руки, лопоча и охая наперебой.

– Отец? – тихонько позвала Будур, приподнимаясь на носочки в попытке разглядеть за спинами женщин отца. – Отец, что с вами?

Но султан не ответил. Тогда принцесса развернулась и незаметно, на цыпочках, покинула баню. Сомкнувшиеся за ее спиной клубы пара скрыли изящную девичью фигурку в шуршащих шелковых одеждах.

Абаназар сидел в доме Ала ад-Дина на тонкой курпаче и уплетал свежую, с пылу с жару, лепешку, дуя на пальцы, клацая остатками зубов и запивая еду жидким чаем. Разумеется, предложенная бедняками еда, как считал Абаназар, во все не соответствовала его высокому положению заслуженного колдуна, но он не ел толком с прошлого вечера (утренняя палка шашлыка, давно растворившаяся в желудке, не в счет). Голод брал свое и, тут уж, понятное дело, не до привередничества. На базаре же ему так и не удалось перекусить куском жареного мяса, на который он сразу положил глаз и даже успешно спер кошелек у какого-то раззявы с помощью магических заклинаний, чтобы оплатить лакомство. Но, перед тем как поесть, колдун решил приодеться.

Деньги на такое простое дело тратить не хотелось, и Аба-

назар, пробормотав заклинание невидимости и выполнив нужные пассы, спокойно приблизился к лавке еврея, торговавшего готовым платьем. Абаназару сразу приглянулись черная длиннополая мантия и необычная шляпа, а жилетку он решил прихватить так, на всякий случай. Но откуда было знать колдуну, что заклинание не сработало – то ли не так пальцами щелкнул, то ли слова не те произнес. Но он-то навивно полагал, будто вовсе невидим!

Сначала, разумеется, торговец не обратил никакого внимания на нищего, приглядывающегося к его товарам – ну что может купить подобный оборванец в его лавке? Однако старик в лохмотьях повел себя очень странно: сначала он взял дорогую мантию, повертел ее в руках так и этак, примерил к себе, потом снял лохмотья и облачился в мантию. Торговец решил, что покупатель все-таки обеспеченный человек и не стал препятствовать примерке, а насчет оборванного – так мало ли что могло с человеком приключиться. Старик, однако, на этом не успокоился. Он выбрал жилетку, нацепил ее, довольно прищелкнул языком и нахлобучил себе на лысину еще и шляпу. А затем, вполне довольный выбором, вдруг развернулся и преспокойно направился прочь, не заплатив ни единой монеты за покупку.

Продавец недолго пребывал в ступоре, и, едва придя в себя от подобной неслыханной наглости, кинулся вслед за вором. Сами понимаете, тут уж Абаназару стало вовсе не до мяса – только бы ноги унести подобра-поздорову!..

Довольно щурясь и хрумкая аппетитной поджаристой корочкой, Абаназар пошевелил грязными босыми ступнями – обувь он тоже не успел приобрести, вернее, спереть, – но, заметив придирчивый, ощупывающий взгляд старой недоверчивой женщины, натянул подол мантии пониже, прикрыв им грязные растрескавшиеся пятки.

– А где же ваша обувь, почтеннейший? – все же спросила въедливая по своей натуре мать Ала ад-Дина.

– Я так спешил, так спешил к моему любимому брату, что стер туфли и не успел купить новые, – всхлипнул Абаназар и смахнул пальцем крупную слезу. – И опоздал...

– Да, вы совсем немного опоздали. Всего на пять лет, – не без ехидства заметила старушка.

– Ай-яй, какое горе! – покачал головой колдун, сосредоточенно выковыривая крупный уголек из лепешки. – Непоправимое горе. О мой несчастный брат... этот, как его? Али аль-Маруф!

– Но я – хоть убейте! – не помню, чтобы у моего мужа был брат.

– Был! – выпучил глаза Абаназар, состряпав обиженную подобным недоверием физиономию. – Но мы так давно с ним расстались. Я уехал постигать таинства колдовства, а он остался здесь. И вот результат!

– И все-таки Али никогда не рассказывал про вас, – никак не сдавалась старушка.

– Конечно! Он был обижен на меня, что я не взял его с

собой.

– И похожи вы больше на его отца или даже деда, чем на брата. – Старушка подозрительно пригляделась к потемневшему, изборожденному морщинами лицу колдуна.

– Мы были сводные братья. К тому же вы не представляете, как старит груз наук. Особенно колдовских.

Абаназар назидательно воздел палец и вновь впился зубами в лепешку, недобро косясь на новенькую лампу, чадающую на сундуке рядом.

– Значит, вы колдун? – поспешно сменил неудобную тему Ала ад-Дин. Он-то знал истину и в ее уточнении не нуждался.

– Колдун. И еще какой!

– Значит, вы можете сотворить, к примеру, плов или новую одежду?

– Одежду и плов? – призадумался Абаназар, судорожно ища выход из сложившегося неприятного положения. Разумеется, можно было попробовать материализовать одежду, но плов... – Конечно, могу! Но зачем тратить могучее колдовство на всякие пустяки, когда все это можно купить?

– А разве колдовство исчерпаемо? – удивился Ала ад-Дин. – Я читал в книгах...

– Он читал! – возмущенно всплеснул руками Абаназар. – Нет, вы видели такое? Где ты вообще нашел подобные сомнительные книжонки, написанные каким-то олухом, далеким от колдовского мастерства, тем более от его вершин?

– Вот-вот, – поддакнула старушка. – И я ему все время твержу о том же. Нет, чтобы заняться делом каким.

– Да погодите вы, мама!

– Вот уже и на мать кричит, – покачала головой старушка. – Видите, до чего чтение доводит?

– Да-да, глупцу наука только во вред, – согласился Абаназар, запихнул в рот последний кусок лепешки и отряхнул ладони от приставших к ним крошек. – Что же до плова, то ведь я передал тебе богатые дары. Или ты их не получил?

– Получил, конечно. Но что вы называете богатыми дарами, дядюшка: фальшивый камень и горстку медяков?

– Ай-яй, как недостойно оскорблять руку дающего столь низкими претензиями, – обиделся колдун, надул щеки и возмущенно завозился на курпаче.

– Ты и правда, сынок, очень несправедлив к своему дяде, – пожурила сына старушка. – Для нас, бедняков, даже горстка медных монет – большие деньги.

– Ох, мама! Хватит вам уже, в самом деле!

– А что я такого сказала?

– В том-то и дело, что ничего. Послушайте, дорогой дядя, а потолок – вы можете починить потолок?

– Потолок? – Абаназар задрал голову и уставился на облезлый, с отвалившейся местами штукатуркой потолок, засиженный мухами и несколько закопченный. – Потолок... – растеряно повторил он, скребя затылок. – Я еще ни разу не чинил потолков.

– А вы попробуйте!

– Ну, если ты так настаиваешь, – смущенно откашлялся в кулак Абаназар и закрыл глаза, пытаясь припомнить заклинания, соответствующие моменту. Ему даже самому стало любопытно, справится ли он с подобным фронтом работ. – Две ерды и три кирды, а затем перды, берды... Нет! Тырды, берды. – Абаназар медленно воздел руки со скрюченными пальцами. – Полутёрок-молоток – стань, как прежде, потолок!

Дом вздрогнул от фундамента до трубы. Потолок пошел трещинами и чуть просел. На головы людей посыпалась штукатурка, спрессованная временем солома и прочий разный мусор. Переполошенные мухи закружили в воздухе с недовольным гудением.

– Уй-юй, что вы натворили, о несчастный?! – Старушка, пригибаясь и прикрывая голову руками, стремглав выскочила в дверь.

Ала ад-Дин заметался по комнате, ища, чем бы подпереть все более проседающий потолок, потом заметил длинную толстую жердь, лежавшую вдоль стены у окна, схватил ее и спешно подпер ей опасно поскрипывающую несущую балку.

Абаназар продолжал сидеть истуканом, разводя руками и оглядывая потолок широко распахнутыми глазами. Его лицо выражало крайнее непонимание происходящего и даже удивление.

– Нет, все-таки «перды, берды», – пробормотал он, раз-

мышляя вслух, и стряхнул с плешивой головы и ушей побелку. – Или неправильный потолок.

– И это вы называете ремонтом, дядюшка? – подлетел к колдуну Ала ад-Дин, схватил за грудки и приподнял над полом. – Да за такую работу!..

– Тихо, тихо! – Абаназар, поджимая худые ноги, постарался успокоить взбешенного молодого человека. – Я же сказал, что ни разу в жизни не чинил потолков! Но если ты желаешь, о мой дорогой племянник, то я попробую еще раз!

– Ну уж дудки! Я не желаю вовсе остаться без дома.

Ала ад-Дин, с трудом преодолевая жгучее желание больно огреть колдуна чем-нибудь тяжелым или выдолбить тщедушной «дядиной» фигурой выемку в стене, все же отпустил его и брезгливо отряхнул ладони. Абаназар грохнулся на костлявый зад и прижался спиной к деревянному боку сундука, закрываясь руками.

– Прости меня, о племянник, я дам тебе еще денег. Сходи на базар, купи новой одежды и еды, а я пока подумаю, как все поправить, хорошо? – Абаназар выхватил из-под мантии кошель и протянул Ала ад-Дину.

– Хорошо! – Юноша порывисто выхватил кошель из пальцев колдуна. – Но не вздумайте еще что-нибудь попробовать починить без меня!

– Ни-ни! – замахал руками Абаназар. – Да, и прошу тебя, купи мне новые чувяки.

Ала ад-Дин сурово поджал нижнюю челюсть и, не говоря

больше ни слова, вышел на двор, где его мать все еще продолжала тихонько причитать, боясь зайти в дом.

– Куда ты, сынок? – вцепилась старушка в Ала ад-Дина.

– На базар, пойду куплю еды. А вы, мама, чем валяться здесь, лучше проследите, чтобы «дядя» не натворил еще чего-нибудь похлеще.

– О всемогущий Аллах! Умоляю тебя, сынок, не оставляй меня наедине с твоим дядей, – вновь взялась причитать старушка, раскачиваясь из стороны в сторону. – Я еще не так стара, я жить хочу-у. Ой-ё!

– Да все будет нормально, мама. Только не позволяйте ему колдовать, поняли?

– Да-да, я поняла, все поняла. И откуда он только свалился на наши несчастные головы!

– Я пошел! Крепитесь, мама.

– Сынок!

Несчастливая старая женщина простерла к сыну руки.

– Я скоро вернусь! – и зло подумал, выходя со двора на улицу: «Ну, Каззан, ну, Бздын! И это, по-твоему, счастье?»

Ахмед с Максимом все это время крутились поблизости. Ахмед не понимал, на что сдался его бывшему предводителю какой-то глупый мальчишка. Главное, отвязались от черной язвы в чалме, так чего же опять к нему клеиться? Однако Максим, похоже, был иного мнения на сей счет. Он каждый раз, едва слышав чьи-нибудь шаги, подходил к углу

дома, за которым скрывались друзья, и осторожно выглядывал из-за него. Время тянулось медленно, ничего не происходило, и Ахмед, порядком измучившись от безделья и ожидания неизвестно чего, не вытерпел.

– Шеф! – дернул он за рукав Максима, когда тот в очередной раз оглядывал улицу и дом Ала ад-Дина. – Чего мы тут ждем?

– Ала ад-Дина или твоего друга. Или обоих вместе.

– Какого еще моего друга?

– Абаназара.

– Этот чирь мне не друг! – взвился Ахмед. – С каким бы удовольствием я его придушил – о, вам не понять!

Ахмед выразительно покрутил кулаками одним над другим и оскалился в злорадной ухмылке. Звериные огоньки промелькнули в его глазах.

– Тихо ты, душитель! – шикнул Максим. – Еще услышит кто.

– А мне плевать. Пусть все слышат!

– А мне вот не плевать, – прорычал Максим.

– И чего вы так в него, вернее, в обоих вцепились, не возьму в толк? С них даже поиметь нечего: один – нищий бездельник, а другой – бестолковый колдунишка. Который, впрочем, может запросто обратить нас в куриц. Вы хотите стать курицей, шеф?

– Не особенно, знаешь ли, но колдунишка, как ты его называл, знает, где раздобыть... – Максим вовремя прикусил

язык. Он еще не решил, стоит ли рассказывать о лампе Ахмеду. К тому же Максим не без причины подозревал, что отправили его на Восток не просто так, а именно из-за этой проклятой лампы, будь она неладна.

– Раздобыть – что? – заинтересовался Ахмед, от любопытства вытянув шею.

– Так, – пространно отозвался Максим. – В свое время ты все узнаешь.

– Скажите, шеф! – взялся гундосить Ахмед. – Что за тайны такие? Мы же кореша, не в падлу будет сказано.

– Потом! – бросил Максим и замолчал.

– Потом, потом... – разочарованно протянул Ахмед. – Шеф, может, ну их обоих, а? У нас куча бабла, то есть звонких динаров, хватит открыть лавку или даже небольшую чайхану. Будем готовить манты... Вы любите манты?

– Нет, не люблю!

– Вы просто не ели настоящих мантов! – мечтательно протянул Ахмед, облизнувшись. – Ведь настоящие манты – это... А шурпа? Шеф, как вы насчет шурпы? Или лагмана? Самбусы? Такие, с горой мяса и курдючным жиром!

Максим почувствовал, как его опять начинает мутить.

– А шашлык? Чего вы молчите, шеф?

– Жду, когда же ты, наконец, закончишь трепаться! – процедил сквозь зубы Максим. – Какой из тебя повар, Ахмед?

– Эх вы, а еще шеф! – обиженно засопел Ахмед. – Да если я захочу... Молчу, молчу. – Он перехватил тяжелый взгляд

Максима и сомкнул губы.

Вздыхнул. От нечего делать поковырял в ухе пальцем, потом взялся выдергивать волоски из носа, каждый раз долго и тщательно разглядывая добычу. Прореживание растительности сопровождалось довольно звонкими «тук».

– Ахмед, вот что ты сейчас делаешь? – не вытерпел Максим спустя некоторое время.

– А что такое? – Ахмед поспешно выбросил очередные выдернутые волоски и невинным взглядом уставился на Максима.

– И так нервы на взводе, а еще ты со своим носом. Если не прекратишь, я тебе его ножичком побрею, – пригрозил Максим, постучав пальцами по рукоятке заткнутого за пояс ножа.

– А я чего? Я ничего, – грустно отозвался Ахмед, но руки все-таки спрятал за спину, предварительно трубно высморкавшись под ноги Максиму.

Тот только челюсти посильнее сжал и отвернулся.

И вдруг что-то сильно бумкнуло, а после раздались треск и грохот, будто кто-то очень большой пытался разгрызть огромный зачерствелый сухарь, одновременно ерзая от удовольствия на скрипучем стуле. Максим поспешно заглянул за угол.

Над домом Ала ад-Дина клубилось облако пыли и кружили потревоженные птицы. И еще громко причитала женщина.

– Чего там? – Ахмед подsunул свой нос под руку Максиму. – Случилось что?

– Похоже, колдун не на шутку разбушевался.

– Да ну? Думаете, решил отомстить мальчишке за свой дом?

– Кто его знает, – пожал плечами Максим, наблюдая, как пыль медленно оседает на землю. – Мне кажется, он просто опять что-нибудь не то ляпнул или не так в носу поковырял.

– Это он может. Он мастер такие дела проворачивать, – подтвердил Ахмед, зевнув, и поскреб ногтями подбородок. – Что делать будем?

– Пока ничего.

– Но он же так весь район разнесет к шайтан-опе! Вместе с нами, между прочим.

– Ахмед, ты угомонишься или нет? Сказал же: стоим и ждем.

– Ждем, ждем, – проворчал отставной разбойник, прислоняясь спиной к стене и засунув руки в рваные карманы штанов. – Только вот чего?

Максим не ответил. Ему давно надоело впустую пререкаться со своим бывшим правой рукой.

– Шеф, правда, чего мы привязались к колдуну? – немного помолчав, спросил Ахмед.

– Ты не понимаешь?

– Нет, – честно признался бывший разбойник, покрутив головой.

– Скажи мне: что ищет Абаназар?

– Волшебную лампу.

– А зачем она ему?

– Чтобы у него был свой джинн.

– Молодец, пятерка с плюсом! А зачем ему джинн?

– Ну, зачем? – Ахмед снял тюбетейку, поскреб лысину, выбил пыльную тюбетейку о ладонь, что, видимо, должно было означать крайнюю растерянность, и водрузил тюбетейку обратно на голову. – Чтобы он исполнял его желания.

– Резонно, – кивнул Максим. – А какие желания могут быть у немощного колдуна?

– Дом себе новый построить, шашлык поесть, – отстраненно пожал плечами Ахмед. – Наложницу завести.

– Чтобы миром править, олух ты этакий! И мстить.

– Кому? – озадаченно выкатил глаза Ахмед.

– Кому? Мне, к примеру. Тебе.

– О Аллах всемогущий! – не на шутку перетрусил Ахмед и быстро перекрестился. Этот жест он подсмотрел в свое время у Максима, решив, будто он являет собой некий ограждающий знак.

– Ахмед, – нахмурил брови Максим, – больше так не делай, ладно?

– Вы про что?

– А про то, что ты сейчас сделал.

– Вы имеете в виду тайный знак? – догадался Ахмед.

– Именно!

– А-а... что с ним не так? – засомневался Ахмед.

– С ним как раз все в порядке. Только не делай так больше.

– Почему? Это ведь знак от лихой беды, дурного глаза и шайтанова наваждения.

– В какой-то мере, да, – откашлялся Максим, пораженный сообразительностью Ахмеда. – Но ты все-таки правоверный мусульманин, а не православный.

– Вы хотите сказать... – Ахмед, потрясенный догадкой до глубины души, вытянул указательный палец и еще больше выкатил глаза.

– Именно это я и хотел сказать.

– О Аллах, прости мне мой косяк! – бухнулся на колени Ахмед, воздев ладони к небу. – Я же не знал! А я понять не мог, почему на меня все бачут как на бацильного, когда я... Постойте, шеф! – Ахмед прекратил стенать и медленно обернулся к Максиму. – А вы, почему вы осеняли им себя?

– Догадайся с трех раз, – буркнул Максим, отвернувшись. Ахмед медленно поднялся с колен.

– Простите, шеф! Я ничего не слышал и ничего не знаю. Это, конечно, большой изъян, но вы все равно мой шеф!

– Прекращай цирк, Ахмед, и слухай сюды.

– Да-да, – наострил правое ухо Ахмед.

– Мы должны помешать Абаназару завладеть лампой, иначе...

– Да понял я, понял, – несколько побледнел Ахмед, хватаясь за горло. – Но что мы можем?

– Много чего. Например, дать ему чем-нибудь тяжелым по маковке, чтобы он забыл и про лампу, и что он колдун.

– Хороший план, коварный. Мне нравится! – обрадовался Ахмед, потирая ладони.

– Но мы не бандиты какие. Да и что мы с того будем иметь?

– Обретем сладостный покой!

– Правильно, мы обретем придурковатого Абаназара, который может при случае и по недоразумению так колдонуть, что от нас мокрого места не останется.

– Тогда его нужно того, «фсить»! – По старой привычке Ахмед потянулся за несуществующей саблей.

– Ахмед, откуда в тебе столько жестокости и непонимания собственной выгоды! – обреченно покачал головой Максим.

Правда, в данном случае он имел в виду собственную выгоду, ведь джинн – добудь лампу не Абаназар, а Максим – мог бы вернуть его в свой мир к нормальной жизни, о чем знать Ахмеду вовсе не стоило.

– Значит, вы хотите сами завладеть лампой? – догадался Ахмед.

– В точку! – Максим снисходительно похлопал по плечу бывшего разбойника. – А потому ждем, смотрим и слушаем.

Ахмед быстро и понятно закивал и замолк. Но вытерпел недолго.

– Шеф!

– Ну что еще?

– Я не понял: если вы хотите узнать, где лампа, то чего мы торчим на солнцепеке?

– А ты предлагаешь постучаться в дом, пройти внутрь и присесть вместе с ними за пиалой чая? Может, еще и накормят чем.

– Я, вообще-то, подумал о крыше. Там есть дымоход, и через него можно подслушать, о чем говорят в доме. – И на всякий случай льстиво добавил: – Но ваша идея пойти в гости тоже ничего.

Нужно признать, план Ахмеда не был лишен здравого смысла и некоего очарования, которое заключалось в простоте его исполнения. Возможно, им вовсе не придется следить за Ала ад-Дином и «дядей», когда те отправятся за лампой, если все удастся разузнать из их беседы. К тому же неизвестно, когда еще они соберутся в путь: может быть, это произойдет прямо сейчас, а может, и через два-три дня. Ведь старый колдун порядком измучился за последнюю ночь, и явно захочет дать отдыха своим старым костям.

– Пошли! – призывно махнул Максим после некоторых колебаний и первым устремился в обход дома Ала ад-Дина, туда, где над крышей дома, с тыльной его стороны, возвышался старый тутовник, вплотную примыкавший к забору.

Ахмед обрадованно потер ладони и припустил следом за Максимом. Он был человеком действия и терпеть не мог терять время впустую, когда можно было сотворить нечто заговорщицкое.

В проулок между высокими глинобитными заборами, сливавшимися с неровными стенами домов, они попали быстро, и по счастью, здесь не было ни души. Проулок оказался узким, разве что два человека пройдут плечом к плечу, и выходил он к вонючей сточной канаве, настолько вонючей, что Максим невольно зажал пальцами нос, мимоходом пожалев людей, живущих рядом с источником миазмов, поросшим камышом и ряской.

Толстый, в три обхвата ствол тутовника, несколько наклоненный в сторону дома Ала ад-Дина, давно врос в забор, став его частью, и еще больше сужал пространство проулка так, что мимо него мог пройти разве что пеший. На пыльной дорожке, кое-где поросшей травяными кочками, почти не было следов и примятой травы. Вероятно, здесь редко кто ходил, что вовсе не плохо для осуществления шпионского плана.

Покрутившись возле ствола огромного старого дерева, Максим долго прикидывал, как лучше на него взобраться, но толстые сучья росли высоко, а зацепиться у самой земли было не за что. Не придумав ничего путного, Максим подвел к дереву стоящего в сторонке и опасно озирающегося по сторонам Ахмеда, взобрался ему на плечи и уцепился руками за самый нижний сук. Потом, сопя от натуги, долго пытался взобраться на него. Ноги никак не удавалось забросить, руки предательски скользили, и ко всему прочему Ахмед давал мудрые советы, как лучше осуществить задуманное.

– Шеф, ну что вы делаете? – размахивал руками Ахмед. – У вас сучок под ногой! Да нет, правее. На него закидывайте. Руки чуть-чуть передвиньте... Сильнее взмахивайте ногой, да не левой, а правой! Ну же!.. Подтягивайтесь, во-от, хорошо... Ай, что вы делаете? Да не тот сучок, а вот этот... Чего вы висите без толку? Тянитесь ногой!

– Ахмед, – пропыхтел Максим, пытаясь выгнуться и забросить правую ногу на толстый сук, – если ты сейчас же не заткнешься, я упаду на тебя, специально, и тебе будет очень больно.

– Молчу, молчу. – Ахмед на всякий случай отодвинулся подальше, продолжая наблюдать за пустыми потугами Максима, но вытерпел он недолго. И все началось сызнова: – Во-от, так. Хорошо. Даже отлично! Еще чуть-чуть, и-и...

– Ахмед! – прорычал Максим сверху. Злость придала ему сил, он рывком вознес себя на сук и без сил растянулся на нем.

– Вы молодец, шеф! Но как же я?

– Следуй своим указаниям и по-быстрому взбирайся сюда.

– Но... я не могу! – развел руками Ахмед.

– Тогда побереги никчемный советы для какого-нибудь болвана, вроде тебя, и хватайся за мою ногу.

Максим свесил левую ногу, и Ахмед, высоко подпрыгнув, мертвой хваткой вцепился в нее, закачавшись на манер маятника.

– Быстрее взбирайся, я так долго не провисю, то есть не провишу.

– У меня не получается, шеф! – Ахмед поджал ноги и лишь сильнее сжал пальцы.

– Тогда отпусти меня, отпусти, говорю, а то мы сейчас оба сверзимся вниз!

– Но как же я тогда заберусь?

– Так забирайся, чего повис, как банан на елке? – окончательно разозлился Максим, дергая ногой.

– Но шеф, бананы растут на пальме, а не на елке. И не трясите меня!

– Это правильные растут на пальме, а такие, как ты, могут расти где угодно. Лезь вверх или падай вниз!

Максима тянуло все ниже и ниже, а толком зацепиться было не за что, и он судорожно соображал, как поступить.

– Но?..

– Ахмед, если ты сейчас же не влезешь наверх, мы упадем, и тогда, клянусь бородой вашего пророка, тебе не поздоровится!

– Я... попробую, шеф!

Максим почувствовал, как Ахмед дернулся и переставил одну руку на голень, еще толчок – и вторая рука ухватилась за ногу чуть выше колена, еще один – и...

– Ай, Ахмед, отпусти! – взвыл Максим дурным голосом. – Отпусти, гад, слышишь! Ох-х...

– Но тогда я упаду! – жалобно прогнусавил Ахмед, лишь

сильнее сжимая пальцы.

– Ахмед, ты идиот!!! Отпусти-ы-о-у! Уф-ф!

Сильные пальцы Ахмеда разжались, и Максим почувствовал такое облегчение, которого не испытывал еще никогда в жизни. Он блаженно растянулся на суку во весь рост, в то время как Ахмед каким-то образом умудрился перебраться на сук и теперь висел на нем, болтая ногами.

– Шеф, вы как там? Живы?

– Почти, – слабым голосом произнес Максим. – Ахмед, еще раз такое вытворишь...

– Я случайно, просто больше не за что было держаться, – попытался оправдаться тот и добавил, стараясь усилить эффект: – Это как спасительная соломинка.

– В следующий раз пользуйся исключительно своей соломинкой, а мою не трожь, понял?

– Да понял я, понял, – буркнул Ахмед, почесав ногу об ногу. – Вы бы помогли мне забраться, а?

Максим вздохнул, уселся на суку и помог Ахмеду взобраться, подтягивая за рубаху и за штаны. Одежда на Ахмеде предательски трещала, но пока держалась.

– Уф-ф, спасибо, шеф! Еще бы немного... – выдохнул Ахмед с наигранным облегчением и неловко улыбнулся.

– Угу, прыгнул бы ты с трех метров вниз и непременно разбился в лепешку. И нечего мне глазки строить, как мадама на Тверской. Мы и так здесь шороху навели, пошли на крышу, – проворчал Максим и первым перебрался с одного

сука на другой, а оттуда – на крышу дома Ала ад-Дина.

Крышу старого дома обильно иссекла паутина трещин, и у Максима возникли здоровые сомнения, стоит ли ступать на нее вообще. Может, потрескался лишь ее верхний слой? Но кто мог поручиться наверняка? А ну как провалится?

– Шеф, чего вы застряли?

– Я думаю.

– Вы не могли бы думать в другом месте, потому как вас видно за парсанг.

– Тут ты прав. – Максим присел на корточки, потом опустился на четвереньки и толкнул крышу руками – вроде бы держит. – Ползи за мной. И аккуратно – крыша совсем гнилая, может не выдержать.

– Наверное, Абаназар постарался, – предположил Ахмед, вытягиваясь во весь рост рядом с Максимом.

Они по-пластунски добрались до закопченного короткого дымохода, из которого вился легкий, едва приметный дымок, и затихли. Из трубы тянуло жаром, запахом зеленого чая и свежих лепешек. И еще затхлостью, какая царит в старых жилищах бедняков. С крыши хорошо просматривался двор дома, вернее, полдвора с садом и калиткой, к которой как раз направлялся Ала ад-Дин, неся в руке мешочек с деньгами.

Калитка отворилась и захлопнулась, наступила тишина.

– Неужели ушли? – вслух подумал Ахмед.

– Тш-ш! – зашипел Максим, приложив палец к губам, и

вновь припал ухом к трубе.

Внизу кто-то возился, чем-то шуршал и тихонько напевал. Голос был мужской.

– Абаназар! – прошептал догадливый Ахмед, но вновь замолк, сжавшись под суровым взглядом Максима.

Максим осторожно заглянул в широкое отверстие дымохода. Труба оказалась совсем короткой, и через нее была видна комната внизу, большая ее часть. В комнате царил невероятный разгром, а у сундука, лицом к нему, сидел колдун. Максиму он был виден вполоборота.

Больше никого в комнате не было.

Абаназар занимался очень странным делом. Тихонько напевая, колдун примеривал оторванные от шляпы пейсы к своему лицу. На сундуке перед ним, прислоненная к стене, стояла начищенная до блеска медная тарелка. Колдун поплевал на пейсы, приклеил их над верхней губой и сразу стал похож на унылого запорожского казака. Вдосталь налюбовавшись в импровизированное зеркало на результат своих стараний, Абаназар отодрал «усы» и приклепнул их на лысые надбровные дуги. Теперь из тарелки на него глядела иссушенная временем мумия шаолиньского монаха. Абаназар довольно заухал и покрутил головой: новые брови пришлись ему по вкусу.

Максим с трудом сдержал рвавшийся наружу смешок, прочистил горло и приблизил к трубе губы.

– О гнусный колдун с дивными бровями, открой мне тай-

ну! – загудел он замогильным голосом.

Абаназар подпрыгнул на курпаче и испуганно закрутил головой в поисках говорящего. Завитые брови захлестали его по лицу.

– Кто, кто здесь?

– Открой тайну! – продолжал гнуть свое Максим. Ахмед злорадно хихикнул рядом, прикрыв ладонью рот.

– Ка... кую тайну? – сглотнул перепуганный Абаназар, вскочив на ноги. – Это ты, гнусный предатель Каззан?

– А при чем здесь я? – раздался в комнате совсем другой голос. – Чуть что – сразу Каззан. Сам разбирайся со своими тайнами и проблемами.

– Тайну, открой тайну! – надрывно гудел в трубу Максим.

– Да какую тайну? – потряс руками Абаназар.

– Та-айну золото-ого клю-учика-а! – не стерпев, пошутил Максим.

– Какого еще ключика? Нет у меня никакого ключика! Кто ты? Покажись сейчас же!

Абаназар, несколько придя в себя, хватил кулаком по крышке сундука. Медная тарелка скатилась на пол и загрохотала. Колдун потряс ушибленный кулак.

– Тайну, открой тайну!

– Ха, ха-ха-ха, – загоготал невидимый Каззан, подливая масла в огонь.

– Заткнись!!! – схватился за голову Абаназар и заметался по комнате. – Оставьте меня в покое! Нет у меня никакой

тайны!

– Хи, хи-хи-хи.

– Есть у тебя тайна – тайна... – но договорить Максим не успел.

Абаназар, наматывавший круги по комнате, случайно зацепился ногой за подпорку, установленную Ала ад-Дином, и растянулся на полу. Подпорка, скрежеща, сместилась, потом еще и еще. Потолок вновь затрещал, проседая. Максим с Ахмедом, почуяв, как под ними дрогнула крыша, распластались на ней и затаили дыхание. Подпорка рывком ушла в сторону и огрела по спине Абаназара. Колдун вскочил, будто ошпаренный, и бросился к двери, которую сильно перекосило и заклинило. Абаназар, вереща и размахивая бровями, без толку дергал на себя ручку, но дверь не поддавалась. Потолок вновь затрещал, прогибаясь, с него большими кусками посыпалась штукатурка. Ахмед не выдержал, вскочил на ноги и бросился к тутовнику, что оказалось последней каплей. Крыша провалилась, ужасающий грохот слился с криком двух людей.

Максим упал на стопку курпачей, и его завалило кусками спрессованной соломы и глины, а вдобавок обильно осыпало штукатуркой. Ахмеду повезло меньше. Бывший разбойник угодил прямиком в очаг с горящими поленьями, из которого давно никто не выгребал золу и угли. Перевернув котелок с кипящей водой, Ахмед приземлился прямо в кострище; вода, выплеснувшись из котелка, обратилась в пар и подняла в

воздух золу. Горящие сучья полетели во все стороны.

– А-а-а, – завизжал Ахмед, почуяв жгучую боль, выскочил из остатков очага и, хлопая себя руками по занявшимся на заду штанам, закружил по комнате.

Зрелище это могло повергнуть в благоговейный ужас самого неустрашимого, и было отчего! Мечущийся по комнате абсолютно черный то ли человек, то ли дэв, хлопал руками, словно крыльями, а пламя на его спине и на том, что пониже ее, напоминало красный, бьющийся на ветру плащ. Абаназар не причислял себя к неустрашимым, и потому сошел с лица, сполз по двери на пол и принялся грызть ногти, стуча зубами. И тогда из-под груды обломков выбрался совершенно белый Максим.

– Уф-ф! – выдохнул он, держась за поясницу, и уставился на Абаназара круглыми, излучающими миролюбие глазами. Рот Максима растянулся в дружелюбной улыбке; в пламени мечущегося по комнате с дикими воплями Ахмеда блеснули безупречно-белые зубы.

– Ай! – вскрикнул Абаназар и обмяк, закрыв глаза. Руки его безвольно обвисли, ноги вытянулись, а подбородок удобно устроился на груди.

Максим только плечами пожал, раскидал ногами глиняное крошево и устремился к обезумевшему от боли и страха Ахмеду. Перехватив его на очередном круге, Максим повалил друга, накинул ему на спину курпачу и принялся хлопать по ней руками.

– О-о-о! – донесся из-под курпачи вздох облегчения. – Спасибо вам, шеф! Если бы не вы...

– А если бы не ты, ничего этого вообще не было! – устало сказал Максим. – За каким дэвом тебе приспичило бегать по крыше?

– Простите, но я испугался. – Ахмед выбрался из-под курпачи и утер черный нос. Рубаха и штаны на нем все еще дымились. – А с ним чего? – кивнул Ахмед на колдуна.

– Шок. Ты вообще себя видел? Тут любой ласты двинет.

– А чего сразу я? Может, он вас испугался, – обиделся Ахмед.

– Ладно, неважно, – отмахнулся Максим. – Делать-то что будем?

Он оглядел комнату, огромную дыру в потолке, сквозь которую виднелось безоблачное синее небо, и перевел взгляд на колдуна, подпиравшего собой заклиненную перекошенную дверь.

– Ноги нужно делать, вот чего! И чем быстрее, тем лучше, – предложил Ахмед, придиричиво оглядывая себя.

– Мысль, конечно, правильная, – призадумался Максим.

В дверь кто-то настойчиво скребся. Похоже, мать Ала ад-Дина никак не решалась заглянуть внутрь, да и вряд ли ей удалось бы попасть в дом.

– Но воспользуемся ситуацией. Ведь мы так и не узнали про тайну.

– Кстати, а про какой ключик вы спрашивали у старого

осла? – спросил Ахмед.

– Неудачная шутка, забудь. – Максим пересек комнату, склонился над колдуном и похлопал его по щекам.

– М-ням, – сказал тот, поморщившись, приоткрыл один глаз и откинул пальцами локон брови. – О Аллах! – увидев перед собой морду белого джинна, Абаназар мгновенно пришел в себя и с силой вжался в дверь. – Кто ты, о дух?!

– Я-то? Белый дух. Можно сказать, добрый. В смысле, временами и если меня не злить, – серьезно сказал Максим. – А вот он, – указал Максим на неуверенно топчущегося за его спиной обгорелого Ахмеда, источающего дым, – черный дух – очень злой и коварный. Если что, враз уши обкорнает и башку оттяпает: «фсить» – и нету!

– Ага, я такой, – с гордостью подтвердил Ахмед, поковыряв пальцем в ухе, и водрузил на закопченную лысину обнаруженную у своих ног оброненную в суматохе тибетейку.

– Так что не зли нас, понял?

Абаназар понятливо покивал и преданно уставился в глаза «белому духу».

– Вот и ладушки. А теперь рассказывай все.

– Что – все?

– Все, что знаешь про лампу.

– Про лампу? – похлопал глазами Абаназар. – Про какую лампу?

– Кончай дурку-то валять, а то у меня уже глаз дергаться начинает. – Максим для пущей убедительности моргнул па-

ру раз правым глазом. – А это очень скверно. Я имею в виду для тебя.

– Да-да, я понял, – Абаназар еще сильнее сжался, подтянув коленки к подбородку и сдув непослушную прядь брови с глаза.

– Так что там с лампой? – подбоченился Максим.

– С лампой? Ах, с лампой! В ней обитает Владыка джиннов.

– Понятно. Дальше.

– Что?

– Не зли меня, колдун!

– И в мы-мыслях не было! – пролепетал Абаназар. – Просто я не понимаю, что вы хотите услышать.

– Где лампа, старый дурак? – рывкнул Ахмед, резко подавшись вперед, и навис над своим бывшим хозяином.

Колдун побледнел и вновь закатил глаза.

– Ахмед, ну кто тебя просил? – всплеснул руками Максим. – Тебе только анестезиологом работать.

– Кем?

– Неважно! – Максим опять склонился над колдуном и легонько похлопал его по щекам. Абаназар потер нос, чихнул и распахнул глаза.

– Что, что вам надо?

– Ты повторяешься, смертный, давай ближе к делу. Где лампа?

– Лампа? Лампа – она там, далеко, – невнятно повел сла-

бой рукой колдун.

– Где конкретно?

– А-а... зачем она вам, о великие духи?

– Не твоего ума дела, презренный червь! Здесь вопросы задаем мы. Итак?

– Но разве духам самим не ведомо, где сокрыта лампа? – Абаназар нашел в себе силы удивиться.

– Это тоже тебя не касается, что нам ведомо, а что нет.

Отвечай на вопрос!

– Но...

– Ты издеваешься над нами? – Максим был уже на грани нервного срыва.

– Ни в коем случае, о почтенные духи!

– Тогда рассказывай, бровастый тупой верблюд! – сжал кулаки Ахмед, надвигаясь на колдуна. – А то я тебе сейчас точно «фсить» сделаю!

– Ай, не надо меня «фсить», – загородился руками Абаназар. – Я все скажу!

– Говори! – Максим придержал Ахмеда за плечо.

– Я... забыл, о чем вы спрашивали, – скулящим голосом отозвался старый колдун и всхлипнул.

– О плешивый осел, пораженный старческим маразмом! Лампа, где находится лампа?! – потряс руками Максим, окончательно выходя из себя.

– Ах, лампа? Она... она далеко. За городом, в горах, – и преданно уставился на Максима, ожидая следующего вопро-

са.

– Где?! – рявкнул Максим так, что стены затряслись, а остатки крыши обвалились.

Один из крупных кусков хватил по голове Абаназара, и колдун в третий раз ушел в отключку, вывалив на грудь язык и расплывшись в блаженной улыбке.

– Шеф, ну зачем же так нервничать? – укорил Максима Ахмед. – Тайна, можно сказать, была у нас в кармане. А теперь...

– Мама, что у вас происходит? – донеслось с той стороны двери, и друзья мгновенно притихли.

– О сынок, случилось страшное! Крыша в доме рухнула, а твоего дядю допрашивали два духа: белый и черный, – всхлипнула старушка. – Я в щелку все видела. О всемило-стивейший Аллах, какой кошмар!

– Пора делать ноги, – прошептал Максим.

Тот понятливо кивнул, и они на цыпочках устремились к противоположной стене, туда, где в пролом крыши свисали ветви тутовника.

Глава 7. О принцесса Будур, явись!

– Дочь наша, Будур! – Султан ворвался в покои дочери, словно ураган, едва не снеся с петель резные двери, и застыл на пороге. – О Аллах всемогущий!!! – Повелитель правоверных поспешно прикрыл глаза ладонью. – Что ты делаешь, о несчастная?! Отвечай нам сейчас же!!!

Будур, сидящая на невысоком бортике фонтана прикрывшись руками, вскинула на отца испуганно-озадаченный взгляд.

– Отец, вы все не так поняли... И вообще, стучаться надо! Сколько уже просить можно?

Наложницы принцессы, охая и ахая, бестолково носились по комнате, взмахивая руками. Казалось, они что-то искали, но никак не могли найти.

– Что, что мы не так поняли, дочь наша? – вскричал разгневанный султан, воротя лицо. – Мы приходим к тебе, а ты, бесстыдница, сидишь – у нас язык не поворачивается сказать в каком виде – голая, вот, прости Аллах!.. Объяснись, что все это значит? – Султан в гневе топнул.

– Ах, отец! Я ни в чем не виновата, – пролепетала Будур, сползая с бортика и прячась за него. – Я сидела вот здесь, кормила рыбок, а потом – бах! – взмахнула она руками.

– Бах? – Султан раздвинул два пальца и бросил сквозь них осторожный взгляд на дочь, но вновь поспешно зажмурил-

ся. – Что значит – бах? И не делай так больше руками, заклиная тебя!

– А то и значит, отец: вся моя одежда пропала! – вновь поспешно прикрылась руками Будур.

– Не лги нам, о бесстыжая! Одежда сама не пропадает!

– Но все именно так и было! Почему вы мне не верите? – обиженно засопела принцесса, поводя плечиками.

– Потому что так не бывает! Ты решила искупаться в фонтане, правда? Или утопиться. Хотя мы запретили. И даже разрешили открыть фонтан! А ты что?

– Но я не собиралась ни купаться, ни топиться! Зачем мне это нужно? – возмущенно надула губки Будур.

– Не знаем, зачем. О всевышний, да дайте же ей кто-нибудь одежду, наконец! Вот ты, быстро! – Ткнул султан пальцем наугад в одну из распластавшихся на полу наложниц принцессы.

– Слушаю и повинуюсь, о повелитель! – Девушка вскочила и начала расстегивать жилетку.

– Что ты делаешь, о порождение блудливой ослицы? – застонал несчастный султан.

– Но вы же сами приказали, о повелитель, – растерялась девушка, теребя пальцами застежку.

– Вы сговорились, да? Издеваетесь? Мы приказали дать ей одежду, то есть принести, а не отдать свою! О, наше бедное больное сердце!

– Ах, это! – улыбнулась девушка, вновь застегивая жилет-

ку. – Слушаю и повинуюсь!

Ее будто ветром сдуло, а через пару секунд она уже помогала принцессе облачиться в одежды.

– Другое дело, – с глубоким удовлетворением заключил султан, отнимая ладонь от лица. – Это хорошо. А теперь рассказывай все, дочь наша!

– Что рассказывать, отец? – спросила Будур, поправляя почти невесомые рукава и одергивая плечики. – Про что конкретно вы спрашиваете? Если про одежду, то она действительно исчезла.

– Не гневи нас, дочь наша! – грозно сверкнул глазами султан, что на принцессу подействовало не особо. – Мы спрашиваем про дыру в заборе!

– Какую такую дыру?

– Ты издеваешься над нами?

– Нет, что вы, отец! Просто я не понимаю, о чем вы говорите.

– Ах, не понимаешь?

– Нет, – наивно похлопала очаровательными ресницами принцесса.

– Про дыру, через которую тебя пленил некий оборванец... Напомни-ка нам, как его звали? – требовательно пощелкал пальцами султан.

– Ах, вы про Ала ад-Дина?

– Да, именно про него, о негодная! Так вот: никакой дыры в заборе нет! Мы лично проверили его, весь.

– Ве-есь? – недоверчиво протянула Будур.

– Да, весь! – Султан очень не любил, когда ему перечат, а тем более сомневаются в его словах. – Но мы обнаружили кое-что поинтереснее какой-то там дыры. – Он величественно вздернул подбородок, трижды хлопнул в ладоши и победно уставился на притихшую Будур. – Эй, кто там!

Двери распахнулись, и в них вбежал давешний евнух, держа в руках разломанную на части лесенку и непрестанно кланяясь всем присутствующим в покоях принцессы.

– Вот! – указал султан на лестницу в руках своего слуги. – Скажи нам, что это?

– Лесенка, отец. Неужели вы не знаете?

– Не дерзи, непутевое дитя! Мы знаем, что такое лестница. И еще мы знаем, как проник гнусный нечестивец в наш сад и опорочил нашу дочь!

– Но Ала ад-Дин не был в вашем саду, отец!

– А откуда же в таком случае взялась лестница?

– Она моя. Я хотела посмотреть, что творится за забором, но она сломалась.

– Ты – что? – не поверил ушам султан и схватился за грудь.

– Вы меня никуда не отпускаете, а мне интересно, что происходит снаружи.

– О беспечное дитя, желчь нашей печени! Стоило тебе влезть на проклятую лестницу и заглянуть за забор, как нищий проходимец влюбил тебя в себя. Вот к чему привело твое глупое, необузданное любопытство, – покачал голо-

вой султан. – Признавайся сей же час: кто он?! Мы должны немедленно отрубить ему голову.

– Вы не сделаете этого, отец!

– Клянемся всевышним, мы именно так и поступим!

– Тогда... тогда я точно утоплюсь!

– Э-э, – только и махнул рукой султан, разворачиваясь к дверям, – старая песня. Эй, кто там, закройте воду в фонтане.

– Ах, так? – Принцесса подбежала к своей постели, схватила подушечку и замахнулась ей.

Хлоп! Хлоп!

С первым хлопком, ударившим по барабанным перепонкам присутствующих в комнате, на бедного султана обрушилась стопка драных, пыльных курпачей, а на них с грохотом из ниоткуда посыпались куски битого самана. На строительный мусор медленно спланировала одежда принцессы, что таинственным образом пропала перед самым появлением светлейшего султана.

Со вторым хлопком исчезла принцесса Будур. На то место, где она стояла всего лишь мгновение назад, плавно опустилась одежда, в которую наложница совсем недавно облачила принцессу.

Несмотря на слезные протесты матери, Ала ад-Дин решительно приблизился к перекошенной двери и толкнул ее, но дверь не поддавалась. Тогда он толкнул сильнее. Эффект был

тот же, но за дверью кто-то недовольно заворчал, что Ала ад-Дину очень не понравилось. Юноша налег на дверь плечом. Та затрещала, а ворчание усилилось.

Ала ад-Дин нахмурился.

– Дядя, это вы? – спросил юноша, приложив ухо к двери. Ворчание смолкло, за дверью кто-то завозился, но ответа не последовало. – Дядя?

Тишина. И вновь ворчание.

– Эй, кто бы ты ни был – знай: я сейчас войду, и тебе сильно не поздоровится! – пригрозил Ала ад-Дин.

Опять никакого ответа, лишь невнятное бормотание и неясная возня. Ала ад-Дин отошел от двери на середину двора, собрал себя в кулак и взял с места в карьер.

– Сынок! – вскрикнула мать, вскидывая руки.

Тр-рах!

Дверь снесло с петель. Тот, кто держал дверь, взвыл дурным голосом и затих – его смело к левой стене вместе с окончательно разбитой дверью. Ала ад-Дин ворвался в дом и замер на полусогнутых ногах, со стиснутыми кулаками, готовый дать отпор любому. Но в разгромленной комнате, вернее, того, что от нее осталось, никого не было, лишь кто-то возился под дверью у стены, пытаясь освободиться от ее тяжести.

Ала ад-Дин решительным шагом пересек комнату, рывком отбросил дверь и, сграбастав колдуна за грудки, приподнял его над полом.

– Вы! Это вы, дядя!

– Я, – честно признался колдун, лупая подслеповатыми глазами, и сдул с левого глаза застывший завиток пряди. Правый пейс сполз на его острый нос и теперь болтался на нем, словно нарост у индюка на клюве.

– Вы... Вы что здесь натворили, пока меня не было? – Ала ад-Дин тряхнул колдуна так, что «брови» его окончательно отвалились. – Наш дом, наш прекрасный дом, построенный руками моего отца! О Аллах, за что ты наслал на наши головы этого... этого дядю?!

– Я ничего не делал, клянусь! – забился в руках Ала ад-Дина Абаназар. – Это все духи!

– Какие еще духи? Что вы мелете, дядя? – взъярился пуще прежнего Ала ад-Дин.

– Они, это все они! – пролепетал колдун, приобретая бледно-фиолетовый оттенок. – Я сидел вон там, – указал Абаназар дрожащей рукой на заваленный грудой обломков сундук, – а они проломили крышу и сверзились мне на голову. Один белый, а другой черный – клянусь светлым именем Аллаха, все именно так и было!

– Духи? – засомневался Ала ад-Дин. Мать тоже говорила про каких-то двух духов. – Чем же вы их так допекли, дядя, что они развалили наш дом?

Ала ад-Дин опустил колдуна на пол и чуть ослабил хватку. Абаназар сглотнул – тяжелый взгляд Ала ад-Дина не предвещал ничего хорошего.

– Они... они требовали от меня какую-то тайну. Но я забыл какую, о моя несчастная, больная голова! – Абаназар указал пальцем на две огромные шишки на голове и кисло улыбнулся. – Я потребовал, чтобы они убрались вон – ух, я им показал! – но они бесновались, и пострадал ваш благословенный дом, да пребудут с ним мир и покой.

– Покой нам только снится, – пробормотал Ала ад-Дин. – Все именно так, как вы говорите?

– Так, так, – замахал ручонками Абаназар, – не сомневайся, о мой драгоценный э-э... племянник!

Ала ад-Дин вздохнул и разжал пальцы.

– Фу-у, – едва слышно выдохнул Абаназар, проведя ладонью по лицу и покачнувшись. Гроза миновала.

– Да, но что мне теперь делать? Это ведь не дом, а колодец, – уставился Ала ад-Дин в небесную высь. – А ну как дождь? Или того хуже – зима?

– Я почию, я все почию! – горячо заверил юношу Абаназар. – Клянусь своей бородой!

Ала ад-Дин опустил глаза и с сомнением пригляделся к жиденькой бороде колдуна. Борода не внушала юноше доверия, равно как и ее обладатель.

– Знаете, дядя, лучше я сделаю все сам, иначе дом придется отстраивать сызнова, начиная с фундамента.

– Но...

– А я еще хотел жениться.

Ала ад-Дин тяжело опустился на заваленный обломками

дерева и битого самана пол и спрятал лицо в ладонях.

– Жениться?

Колдун осторожно приблизился к поникшему плечами Ала ад-Дину. Едва ли не впервые ему стало жаль кого-то – и такое, оказывается, бывает!

– Ну да, на принцессе Будур.

– Ты с ума сошел, дорогой мой э-э... Ала ад-Дин!

– Все так говорят, но что я могу поделывать? Я люблю ее. О, хоть бы одним глазком увидеть мою несравненную Будур вновь. Всего лишь одним, на единый миг! – Ала ад-Дин продемонстрировал колдуну кончик пальца.

– Вот что: я помогу тебе! – Абаназар почесал лысину, по-морщившись, когда случайно задел шишку.

– Вы? Мне? – Ала ад-Дин вскинул голову и уставился на колдуна. – Не вздумайте, дядя, заклинаю вас!

– Э-э, глупый юноша! – высокомерно заявил Абаназар. – Женщина – не потолок, будь он неладен! Сейчас ты узришь э-э... как ты ее навал?

– Будур, царевна Будур! – Ала ад-Дин вскочил с пола: неужели сейчас он вновь встретится со своей возлюбленной? Неужели... – Дядя, а может не надо, а?

– Глупости! – отмахнулся Абаназар, важно закатывая рукава и скидывая руки. – Смотри же! Аркалы-барбалы, шуры-муры-пер-оглы! О принцесса Будур, явись – не запылись!

Ала ад-Дин с Абаназаром затаили дыхание, вертя головами. Колдун на всякий случай пригнулся – мало ли что пой-

дет не так. Но время шло, а ничего не происходило.

Первым надоело ждать Ала ад-Дину.

– Ну и где же ваша Будур? – спросил он, вопрошающе поднимая руки с вывернутыми вверх ладонями.

– Я... знаешь ли... того... – промямлил колдун.

Хлоп!

Ала ад-Дин вздрогнул и медленно опустил глаза.

На его руках висели тонкой работы шальвары из индийского шелка и шитая бисером, плотная жилетка с длинными, воздушной ткани рукавами. Еще богато украшенная, забавная шапочка и знакомые туфельки удобно разместились на ладонях Ала ад-Дина. В шапочке обнаружились два дорогих перстня, длинная золотая заколка с бриллиантом и кольцо с изумрудами.

– Что это? – хрипло пробормотал Ала ад-Дин, протягивая вещи Абаназару. – Я вас спрашиваю, дядя: что это такое?

Абаназар осторожно приблизился к вещам, тщательно обнюхал их и развел руками.

– Я не знаю, о дорогой племянник. Но это точно не Будур.

– Я заметил.

– Видно, что-то пошло не так. Но что? – Абаназар задумчиво расставил пальцы на правой руке, соображая, где он дал маху, но голова после двух ударов работала особенно плохо.

– Опять не так? – насупил брови Ала ад-Дин.

– Видишь ли, о юноша, колдовство – очень сложная и очень неточная наука, – назидательно произнес Абаназар. –

Всякое может случиться.

– Ну знаете!.. – задохнулся от подобного нахальства Ала ад-Дин. – Вы шарлатан, дядя!

– Что-о?! – безволосые брови Абаназара поползли на лоб.

– Да-да, шарлатан! Возвращайте все обратно, как было! Немедленно!!! Иначе я... – Ала ад-Дин угрожающе надвинулся на Абаназара, и тот попятился.

– Хорошо, хорошо. И незачем так нервничать, молодой человек! – Колдун щелкнул пальцами, и вещи мгновенно исчезли, будто их и не было. Заодно исчезли курпачи и груда битого кирпича за спиной Ала ад-Дина. – Вот и все. Делов-то! – Абаназар победно отряхнул ладони и угодливо вытянул шею, преданно уставившись Ала ад-Дину в глаза. – А плов? Ты принес плов? И еще мои новые чувяки!

– Какой вам плов, дядя? Да после всего, что вы натворили...

– Так, значит? – разозлился Абаназар, больше на свою колдовскую немощь, нежели на юношу. – Родного дядю миской плова попрекать! Тогда узри мое могущество, о несчастный! – Скрюченные пальцы вознеслись над головой колдуна, глаза его загорелись недобрым злорадством, и он быстро забормотал, шевеля сухими губами: – Аркалы-барбалы, шуры-муры-для-герлы! О принцесса Будур, явись – не запылись!

Хлоп!

– Ох, ё! – Ала ад-Дин прогнулся под тяжестью свалившейся-

ся из ниоткуда в его объятия принцессы Будур, почему-то совершенно раздетой и с широкой атласной подушечкой в руках, которую девушка судорожно прижимала к себе.

– Знаете, шеф, вы как хотите, но духа я больше изображать не буду. Тем более черного, – мрачно заметил угрюмый Ахмед, прекратив дубасить камнем рубаху со штанами. Последние полчаса он вминал их в мягкую глину в попытке выбить из одежды, вернее, из того, что от нее осталось, сажу.

– А разве я тебя заставляю? – Только что вынырнувший из реки Максим отфыркался и провел ладонями по мокрым волосам. Затем, преодолевая сильное течение горного потока, направился к берегу. – А водичка-то ледяная, ух! – поежился он.

Сидящий на корточках Ахмед приподнял штаны, придирчиво оглядел их и встряхнул.

Хрясь!

В каждой его руке закачалось по половинке штанов. Ахмед долго смотрел на них жалостливым взглядом, потом бросил негодные тряпки на землю, сплюнул в их сторону и, набрав в ладонь глины с песком, взялся тереть себя.

– Вот в чем я теперь пойду, а? – плаксиво протянул он, надраивая кожу. – Штаны напополам, от рубахи одни дыры остались. Э-эх!

Максим прошел к дереву, стянул с ветки влажные трусы, хорошенько отжал их, повертел в руках. – Ахмед, хочешь,

труссы дам? С трусами и дырявой рубахой сойдешь за нищего дервиша, а в городе новое барахло тебе справим.

– Не нужны мне ваши трусы! – огрызнулся Ахмед, залезая в воду.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Максим, натянул трусы и уселся на плоский камень. – Тогда можно тины насобирать, облепить тебя ей, и будешь ты у нас водяной.

– Кто-кто? – заинтересовался Ахмед.

Стоя по колена в ледяной воде и ежась от холода, он никак не решался окунуться. Глина отваливалась с Ахмеда комками и падала в воду.

– Водяной. Эмир рек и озер или как он у вас называется? Неужели не слышал?

– Нет у нас такого, – буркнул Ахмед и вошел в воду по пояс.

– Так будет, в чем проблема?

– Да ну вас к шайтану с вашими шутками!

– И все-то тебе не то и не так. Не Ахмед ты, а прямо калиф какой-нибудь привередливый. Ладно, схожу в город и куплю тебе новую одежду.

– А как же я?

– Посидишь здесь, ничего с тобой не случится.

– А придет кто, а я здесь в таком виде? – перетрусил Ахмед.

– Так ты омовение совершаешь. Кто чего против скажет?

– О-хо-хо, – обреченно повесил нос Ахмед. – А вы быст-

ро?

– Как получится.

– А как получится?

– Ахмед, ты свое время тратишь. – Максим натянул штаны, уселся на камень и быстро обулся. – К тому же кто тебя просил по крыше скакать?

– Никто не просил, – расстроено пробулькал в воду Ахмед.

– Тогда сиди и жди.

– Только вы побыстрее, шеф, ладно?

– Ладно, ладно. Постараюсь. – Максим выпрямился, приотпнул туфлями, оглядел себя и подхватил кошель. – Ну, бывай!

– Ага, – уныло отозвался Ахмед, мелко дрожа, потом вздохнул и принялся отмываться от глины.

Максим взобрался наверх по каменистому пригорку, сориентировался и зашагал в направлении города, насвистывая привязавшуюся мелодию. Вскоре река осталась далеко позади, и шум ее бурных вод постепенно затих. Вокруг расстилась холмистая местность, покрытая невысокой травой. Кое-где росли одинокие деревца и чахлые кустарники. Живности видно не было никакой, впрочем, как и людей.

– Наконец-то ты один, – прошелестел совсем рядом голос из ниоткуда.

Максим остановился и покрутил головой. Может, почудилось?

– Не ищи, я невидимый, – пояснил голос.

– Ты кто? – спросил Максим. Страх он не ощущал вовсе.

Возможно, потому, что в интонации невидимого собеседника не слышалось ноток агрессии.

– Я Каззан.

– Какой еще казан?

– Да не казан, а Каззан! С большой буквы и двумя «з». О великий Сулейман, как же мне все это надоело!

– Ну, Каззан так Каззан, – пожал плечами Максим, подчеркивая «з». – Чего сразу сердиться-то?

– Я не сержусь – я опечален.

– Понимаю, сочувствую. – Максим засунул руки в карманы. – Чем могу, так сказать?

– В каком смысле, о Черный Махсум? – удивился голос.

– Я не черный, не белый и не серо-буро-малиновый. Просто Махсум, вернее, Максим.

– Я буду звать тебя Махсумом.

– Не возражаю. Так в чем, собственно, дело? А то меня, видишь ли, ждут.

– Знаю – бестолковый, назойливый, изрыгающий странные словечки пустозвон Ахмед.

– Довольно точное описание, но он мой друг, а я не люблю, когда о моих друзьях отзываются нехорошо.

– Я в тебе не ошибся, о Махсум!

– Рад за тебя. Еще что-нибудь?

– Да, вот тебе вещи для твоего друга. Подарок, так сказать.

И к ногам удивленного Максима прямо из воздуха выпала стопка вещей: рубаха, штаны, чувяки и даже веревочка для подвязывания штанов – все новенькое, неношеное, прямо с иголочки.

– С чего вдруг? – Максим даже не притронулся к подарку, памятуя о падающих с неба галушках.

– Предположим, хочется сделать что-нибудь хорошее, просто так.

– Не верю.

– В то, что хочется?

– В «просто так».

– Ты прав, о проницательный юноша, – помявшись, ответил Каззан. – Все не так просто.

– Рассказывай, я тебя слушаю. – Максим опустил на землю и, побряхтев, сложил ноги по-турецки.

– Но ты ведь торопился?

– Ты сэкономил мне уйму времени, так что я могу часть его потратить на тебя.

– Ты добрый, – почему-то всхлипнул джинн.

– Послушай, не мог бы ты показаться в каком-нибудь обличье, – попросил Максим. – А то я чувствую себя законченным идиотом, разговаривая с пустотой.

– Хорошо, –с заминкой отозвался Каззан.

Воздух перед Максимом за клубился, собрался в небольшое хмурое облачко с хвостиком-воронкой, из облака выпростались две могучие руки, а на голове распахнулись круг-

лые желтоватые глаза без зрачков.

– Так лучше? – спросил Каззан.

– Гораздо, – невольно поежился Максим. Живого джинна он видел впервые в своей жизни. Зрелище было не особо приятным. Особенно глаза. – Постой, а не тот ли ты джинн, что раньше служил Абаназару, и которого освободил Ала ад-Дин.

– Откровенно говоря, именно тот, – почему-то смутился Каззан, и глаза его немного изменили оттенок на зеленова-то-коричневый.

– Хм-м, – Максим задумчиво помял подбородок. – И что же тебе от меня понадобилось, джинн Каззан с двумя «з»?

– Как тебе сказать... В общем, ты оказался здесь по моей воле и...

– Что-о?! – вскочил на ноги Максим и пошел на джинна с кулаками. – Так это ты, гад, мне всю малину, в смысле, того?

– Не понял, о чем ты. – Облакоподобное тело джинна отодвинулось на безопасное расстояние, несколько втянув хвост. – Тебя очень рекомендовал дух Сим-сим.

– Спелись, да? Скучно стало Сим-симу, так он решил опять притащить меня сюда? А то, что у меня жизнь только-только налаживаться начала, вам побоку?

– Тихо-тихо, успокойся, прошу тебя. – Джинн отодвинулся еще дальше.

– Да я же тебя голыми руками порву, сраный ты клочок тумана, по ветру развею, а твоими бесстыжими глазами в пинг-

понг играть буду, пока они не полопаются! – продолжал наступать Максим. – А ну, чудо-юдо, отправляй меня обратно! Слышишь?

– Но я не могу! – печально повесил голову Каззан, и глаза его сменили цвет на бурый.

– Что ты сказал? – задохнулся Максим, покачнувшись от накатившей безысходности. – Как так, не можешь?

– А вот так: не могу! По крайней мере, не раньше, чем джинны станут свободны.

– Не понял, это ты чего сейчас сказал?

– Я сказал, что ты должен сделать джиннов свободными.

– Совсем крышу с петель сорвало, да?

– Прости, но разве у крыш есть петли? – Глаза Каззана увеличились в полтора раза и приобрели лазурный оттенок.

– Не придирайся к словам! – зло отмахнулся Максим. – Это из песни.

– Странные у вас песни, однако.

– Какие есть. И прекращай мозги пудрить.

– И в мыслях не было! Спой мне эту песню, а?

– Я те кто, странствующий бард по вызову?

– Ну, пожа-алуйста! – взялся канючить Каззан. – Тысячу лет не слышал песен, а уж таких странных – и подавно.

– Не буду я ее петь, не хочу.

– Тогда спой какую-нибудь на свой выбор.

– Ладно, – сдался Максим. – Вот, слушай: «Ты беременна, ты беременна, ты беременна, на-на-на-на...»

– Постой, постой. Глупая какая-то песня.

– А что не так? «Но это временно, это временно, это временно, на-на-на...»

– Она мне не нравится!

– Подумаешь, критик нашелся! – надул щеки Максим.

– Да в ней слов меньше, чем воды в пустыне. Да и смысла я, если честно, не уловил. Нет, спой другую! – требовательно повел рукой Каззан.

– Ладно. Чего бы тебе такого спеть?.. – Максим прошелся туда-сюда. – Ага, вот: «Их бин дер гамми бар, их бин дер гамми бар...»

– А это что значит? – вытаращился на Максима джинн.

– Типа, я квадратный медвежонок.

– Жуть какая! – отшатнулся Каззан, за клубившись, и повел плечами. – А чего он квадратный?

– Ну откуда же я знаю. Может, ягод радиоактивных объелся или в грибах холестерин.

– Не надо мне таких песен. И про крышу тоже не надо, – на всякий случай предупредил Каззан. – А есть у тебя что-нибудь наше, родное? – спросил джинн, глядя на Максима глазами, полными надежды. Теперь они стали просяще-голубыми.

– Как не быть. Вот, например: «По-оле-е, арабское по-оле-е. Солнце в зени-ит, и мозги набекре-ень...» Или вот еще, – Максим начал отбивать ногой ритм, прищелкивая пальцами: «Уч Куду-ук – Три Колодца-а. Кто успел до-

полз-ти-и, тот напые-ется-а-а...» Эй, ты чего?

Джин всхлипнул, отвернулся и утер ладонью лицо.

– Прямо за душу берет. Спасибо тебе.

– Да без проблем!

– А еще, спой что-нибудь еще, а?

– Так, стоп! Завязали с народным творчеством. А теперь рассказывай все и по порядку.

– Как пожелаешь, о гневный Махсум. – Джинн немного подрос, залюбившись и сменив цвет глаз на красный с переливами. – Выслушай же мою печальную повесть, о человек, ибо она...

– Кончай выделываться и говори коротко и по делу, а то я еще более гневным стану, – предупредил Максим, усаживаясь.

Угроза была не ахти какая, но бессилие требовало выхода. К тому же Максиму не терпелось поскорее узнать, зачем он понадобился треклятому джинну, чтоб его вертлявый хвост трижды узлом завязало.

– Можно и короче, – согласился Казан. – В общем, я очень старый джинн. Мне две с половиной тысячи лет, и повидал я многое и многих. Мне попадались разные люди: одни хотели того, другие – этого, третьи и вовсе не знали, чего хотят. Но лет сто пятьдесят назад – будь проклят тот день! – кольцо, слугой которого сделал меня Сулейман – да святится имя его в веках! – нашел замухрышка Абаназар. Нужно сказать, колдун он совершенно никчемный, но с амбициями

выше крыши. Вот уж у кого точно ее напрочь с петель сорвало! Так вот, мало ему было простых, человеческих желаний, и возжелал он властвовать над миром и – только вдумайся! – быть повелителем джиннов.

– Этот гнусавый противный старикашка? Не смеши мои тапки.

– Но то истинная правда! И, смею тебя заверить, он очень опасен! О, сколько он моей крови выпил.

– А разве у джиннов есть кровь?

– Образное выражение, метафора.

– Ясно, продолжай.

– Я закончил.

– Интересно, конечно. Но ты не сказал самого главного: какое отношение имеют ко мне колдун с наполеоновскими планами, джинны, Ала ад-Дин и все прочие, включая весь ваш мир?

– Ты наделен удивительным, просто невероятным везением, о Махсум!

– Серьезно? – хмыкнул Максим. – Что-то не заметил, если честно.

– О, не сомневайся.

– Об этом уж позволь судить мне. К тому же не пойму, из-за чего устраивать такой переполох. Абаназар уже полторы сотни лет, как я понял, пытается стать повелителем мира, но воз и ныне там.

– Оно, конечно, так. Сам по себе он ничто, хотя и, надо

признать, могущественное...

– Могущественное ничто, – повторил, словно эхо, Максим. – Красиво звучит. Продолжай.

– И для обретения настоящего, беспредельного могущества ему необходимо отыскать главного джинна и завладеть его силой. Я, знаешь ли, довольно слабый джинн – так, бытовые желания, не более того. Но и я кое-что могу! И понимаю. А понял я следующее: если Абаназар вдруг завладеет Владыкой джиннов, то – пиши пропало! Наступит конец света, ты понимаешь?

От волнения Каззан изрядно распух, став похожим на воздушный шар на тонкой ниточке.

– Не совсем, но охотно тебе верю, – кивнул Максим, зевая. – Но – извини, что повторяюсь, – а я-то тут при чем? Это не моя разборка, я вообще не из вашего мира.

– Оно, конечно, так, но, благодаря твоему невероятному везению, о котором мне поведал дух Сим-сим, ты вполне способен воспрепятствовать исполнению устремлений гнусного колдуна, готового весь мир перевернуть с ног на голову ради безмерной власти.

– А меня ты не забыл спросить? – набычился Максим.

– В каком смысле? – непонимающе моргнул джинн.

– В самом что ни на есть прямом. Ты считаешь, мне в жизни больше нечем заняться, как только воображаемым везением вышибать из всяких заплесневелых колдунов манию величия?

– Но ведь это святое дело!

– Разве я похож на мать Терезу? – вопросительно вскинул левую бровь Максим.

– Э-э, прости, на кого?

– Неважно! – у Максима нервно дернулась щека. – Ладно, продолжай.

– Так вот, мы собрались на тайный совет и решили, что один из нас должен пойти на риск и поручиться своим существованием за свободу других.

– Ага, и честь быть козлом отпущения, разумеется, выпала именно тебе, – иронично ухмыльнулся Максим. – А ваш козырной туз и те, кто поумнее, успешно отмазались.

Каззан надулся и ничего не ответил. Потом произнес:

– Теперь я понимаю, от кого Ахмед нахватался разных словечек.

– Тут ты прав на все сто. Продолжай же, а то мы и до утра не закончим. И покороче, если можно.

– Совсем коротко это звучит так: поможешь нам – вернешься обратно, а нет – прости, я ничего не смогу для тебя сделать. Ты застрянешь здесь, а мое существование прекратится, ибо я поручился за тебя!

– Ну и дурак, – буркнул Максим и вздохнул.

– Ты хочешь сказать... – Глаза джинна стали похожими на плоски, даже на два приличных лагана.

– Я хочу сказать, что в вашем ненормальном мире нельзя поручиться даже за самого себя, не то что за другого. Да и

в нашем тоже.

– Так ты отказываешься?!

– Разве я похож на законченного идиота? – кисло улыбнулся Максим.

– Совсем непохож! К тому же, как видишь, часть плана уже удалась – я свободен!

– Рад за тебя всей душой. А вот я, к сожалению, нет. – Максим встал, отряхнул штаны и подобрал стопку одежды. – Ну, я пошел. Бывай! – Он отвернулся и побрел обратно к реке.

– Постой! – окликнул джинн Максима. – Я так и не понял, что ты намереваешься делать дальше?

– Отнести Ахмеду вещи, – откликнулся Максим, не обращившись, – пока он там не околел от холода. Да! – остановился он и повернул голову, приложив к губам палец. – Забыл спросить.

– Что именно? – Каззан подплыл к Максиму и навис над ним грозовой тучей.

– Поскольку ты втравил меня в весьма неприятную историю, будет справедливо, если ты исполнишь пару-тройку моих желаний.

– Ну-у... – заартачился джинн. – Вообще-то, так не полагается.

– У тебя совесть вообще есть?

– У меня много чего есть. И совесть тоже, – повел клубящимися бровями Каззан. – Говори, чего ты хочешь!

– Немного пострадал дом Ала ад-Дина. Восстанови его – парень лишился жилья ни за что.

– Как? Ты просишь не для себя? – Джинн, казалось, был безмерно поражен. На его памяти еще никто ничего не просил для другого. Все хотели чего-то исключительно для себя. Всего, кроме смерти, разумеется. Смертью же они делились с ближним с радостью.

– А у меня все есть. В смысле, пока.

– Да ты святой, о Махсум! – восхищенно воскликнул Каззан.

– Ну, где-то как-то. – Кхекнул в кулак Максим, едва не залившись краской.

– В таком случае я с радостью исполню твою просьбу. – Джинн сложил ручки на груди и склонил голову. – Слушаю и повинуюсь, о Махсум! – и исчез, будто его и не было.

Максим только плечами пожал и зашагал прочь, обратно к реке.

Глава 8. Страдания Ала ад-Дина

– Ала ад-Дин, негодный развратник!

В развороченном дверном проеме стояла мать и круглыми глазами взирала на сына, держащего на руках невесту откуда взявшуюся в доме девицу. Одна рука старушки лежала на часто вздымающейся от возмущения груди, а другая упиралась в дверной косяк, чтобы не упасть от охвативших мать чувств.

– Отвечай, почему ты держишь на руках голую девушку? А вы, дядя, вы!..

– Э-э, – только и почесал макушку Абаназар.

До девушек, причем в любом виде, ему уже очень давно не было совершенно никакого дела. Но сама ситуация, конечно, оказалась крайне неприятной.

– Мама, ну что вы такое говорите. Она вовсе не... того – у нее подушечка. Вот, видите! – вступился за принцессу Ала ад-Дин. Принцесса тоже покивала и крепче прижала к себе широкую атласную подушку.

– Брось ее сейчас же! Брось, кому говорю! – взмахнула руками старая женщины. – Да нет, не подушку! О бестолковая гурия с лысыми ногами – подушку держи и не вздумай бросить! А ты, беспутный сын, брось, брось *это*, слышишь? И не смотри на нее! Куда пялишь бесстыжие глаза?! Уй-юй, какой позор, какой позор! – схватила за голову мать. – И

откуда только взялась эта распутная девка?

– Ах ты, злобная языкатая карга! – взъярилась принцесса, замахнувшись подушкой, но, опомнившись, вернула ее на место. – Это кто распутная и бестолковая? Я? Да ты знаешь, старуха, с кем говоришь?

– Знаю! – уперла руки в бока старушка. – Джинново отродье с восковыми ногами из снов моего болвана сына. Дядюшка тебя приволок, да?

– Мнэ-э... – пошлепал Абаназар губами, пятясь в дальний угол комнаты.

– Да как ты... как ты смеешь так со мной разговаривать?! – Принцесса захлебнулась словами от возмущения. – Стра-ажа! Сюда, взять ее!!!

– Кого взять? Меня? Ух, я тебя! – погрозила кулаком старая женщина.

– Ай! – Принцесса лишь сильнее прижалась к Ала ад-Дину и зажмурилась. – Уберите ее от меня, она умалишенная!

– Потаскуха толстозадая!

– Костлявая старая дура!

– Это кто старая?

– А кто толстозадая?

– Хва-атит!!! – Рывкнул Ала ад-Дин, так что со стен посыпалась штукатурка, а вороны переполошились, с карканьем поднявшись в воздух и закружив над остатками дома.

Обе женщины в миг примолкли.

– Вы, мама, помолчите! А вы, Ваше Высочество, прику-

сите язычок – она моя мать!

– А чего она обзывается? – надула губки Будур.

– А чего эта стыдобища на твоих руках расселась? Брось ее немедленно!

– Мама!

– Чего?

– Это принцесса Будур!

– Какая еще прин... Кто?! – Челюсть у старушки отвалилась на грудь, ноги ослабли, и старушка медленно опустилась на колени. – О принцесса, прости дуру старую, не признала.

– Да как же вы ее могли признать, если ни разу не видели? – удивился Ала ад-Дин.

– Ох, моя вина. – Мать молитвенно сложила руки. – Простите, Ваше Высочество! Шайтан помутил мой разум.

– Прощаю, – величественно дернула подбородком Будур и повернулась к Ала ад-Дину. – Забавная она у тебя.

– Очень, – согласился Ала ад-Дин, стараясь смотреть исключительно принцессе в глаза, но получалось не очень.

– Но почему вы в таком неподобающем виде, Ваше Высочество? – молитвенно воздела руки старушка. – Как можно? Да еще на руках моего несносного болвана. У-у, кобель бесстыжий!

– Да-да, что за фокусы такие? – встрепенулась принцесса. – Сиж у фонтана, кормлю рыбок и тут – бах! – и одежды нет! А потом опять – бах! – и я здесь и опять без одежды.

– Я... – начал было Абаназар, но умолк, наткнувшись на

не обещающий ему ничего хорошего тяжелый взгляд Ала ад-Дина.

– Ну, дядюшка, спасибо вам! Удружили.

– Э-э... – рассеянно огладил колдун бороду, а глаза его забегали, потому как Абаназар не знал, куда их деть от стыда за случившееся.

– А при чем здесь твой дядюшка? – заинтересовалась Будур, нервно теребя кисточку на уголке подушки. Ситуация, прямо скажем, сложилась не из приятных.

– Да вот, колдун он.

– Колду-ун? Он?

И уже два недобрых взгляда сверлили присмирившего в уголке Абаназара.

– Липовый, – добавил Ала ад-Дин.

– Так, значит, он... меня?!

– Ах ты, старый развратник! – набросилась на колдуна старушка.

– Стойте, мама, он нам еще живой нужен.

– Да-да, я его обязательно познакомлю с нашим палатом, – жестко пообещала Будур, отчего Абаназара заметно передернуло. – Будет знать, как раздевать принцесс! И поставь меня уже на пол! – дернула она ножкой. – Вцепился тоже, как... как клещ.

– Нет, не ставь! – воскликнула старушка.

– Но почему? – спросил Ала ад-Дин, вновь выпрямляясь. – Вы же сами говорили, чтобы я ее бросил – тьфу-ты! –

поставил.

– Здесь пол грязный, принцесса ножки запачкает. И уколется еще ненароком. Посмотри, какие у нее нежные ножки. Нет!!! Не смотри! Ох, что ж это я? Прямо помутнение какое-то.

– Да не смотрю я, не смотрю! – нахмурился Ала ад-Дин. – Что ж мне ее, всю жизнь теперь на руках таскать?

– Фи! – наморщила носик принцесса. – Какой невежа.

– Я не невежа, а только на руках никого таскать не собираюсь, вот! Если только недолго, по праздникам.

– Да?

– Да!

– Тогда поставь меня немедленно!

– Да сколько угодно! – Ала ад-Дин повертелся на месте, ища, на что бы опустить принцессу, но везде по полу были разбросаны щепки, битый кирпич и куски штукатурки.

– Поставь, говорю! – настойчиво повторила Будур, сведя брови на переносице и ткнув изящным тонким пальчиком в пол. – Слышишь?

– Постой, я сейчас! – сорвалась с места старушка и понеслась к сундуку. Со стуком распахнув крышку сундука, она с головой залезла в него, и оттуда в разные стороны полетели тряпки. – Не то, не то, опять не то. Да где же оно? Ага, вот!

Довольная собой мать Ала ад-Дина выпрямилась, с гордостью держа в руках посеревшие, разношенные туфли и платье, изъеденное молью.

– Мой подвенечный наряд. А-апчхи!

Пара потревоженных, оторванных от еды насекомых взвились в воздух и недовольно затрепыхали крылышками.

– Вы шутите? – Принцесса широко распахнула глаза. – Да чтобы я его надела!

– Ну, если тебе лучше с подушкой... – протянул Ала ад-Дин.

– Нет, нет, хорошее платье, даже очень! – поспешно согласилась Будур. – Если хорошенько приглядеться, конечно. Очень хорошенько.

Она поморщилась, когда ее нежных ступней коснулись разношенные грязные туфли, но все-таки промолчала, плотно сжав губы, – тут уж не до изысков.

– А теперь поставь ее, хватит с тебя! – прикрикнула мать на сына. – Вцепился тоже.

– То держи, то поставь! – недовольно проворчал Ала ад-Дин, нежно опустив свою ношу на пол. – Вы уж определитесь, мама.

– Молчи, негодный! И отвернись! А ты, козлиная твоя морда, разрушитель домов и бесстыжий похититель принцесс, чего зенки выпучил?

– Я... э-э... – смешался Абаназар и поспешно уткнулся носом в угол комнаты.

– Вот так, вот. – Старушка помогла принцессе надеть мешковатое платье и всплеснула руками. – Какая прелесть!

– Да уж, – буркнула Будур и капризно выпятила нижнюю

губу.

– А теперь вы, двое, быстро признавайтесь: кому пришло в голову сотворить такое с нашей славной принцессой?!

– А я чего? Я ничего. – Ала ад-Дин бросил осторожный взгляд на стоявшую посреди комнаты девушку. Сейчас в ней не были ровным счетом ничего от знатной особы – обычная городская девушка. – Я только взглянуть на нее хотел, одним глазком.

– Уй-юй, гнусный развратник! – всплеснула руками мать. – Да как у тебя только язык повернулся ляпнуть такое! Ты хоть думай, чего мелешь. – Женщина выразительно постучала костяшками пальцев по лбу.

– Ну что вы, мама! Да как вы могли подумать такое! Я хотел взглянуть вообще, – неопределенно повертел руками Ала ад-Дин, зардевшись. – В смысле, на одетую.

– Ах, на одетую! тогда другое дело. – У старушки несколько отлегло от сердца.

– А дядюшка предложил свою помощь.

– Я это... вот, – промямлил Абаназар, развел руками и выдавил на лицо подобие улыбки.

– Нашел кого просить! Да у него мозгов меньше, чем волос в бороде. Посмотри, во что наш дом превратил, негодный старик!

– Я бы попросил!.. – возмущенно подпрыгнул колдун, потрясая над головой пальцем. – Это все планиды, будь они неладны!

– О-хо-хо, – вздохнула старушка, покачав головой. – Пойдемте, о принцесса, поедим плова, а потом я отведу вас во дворец.

– Но мама! – в сердцах воскликнул Ала ад-Дин.

– Помолчи! Принцессе не место в развалинах. Вот когда починешь дом, тогда и приводи девушек в гости.

– Она не девушка – она принцесса!

– Тем более, – бросила мать через плечо, протискиваясь в перекошенную дверь.

Ала ад-Дин сокрушенно повесил нос и поплелся вслед за матерью.

– А знаете, очень даже необычно: дом без крыши! – покрутив головой, весело заметила Будур. – Я велю себе такие же покои сделать. Птички, свежий ветерок!

– Ураган, пыльная буря, дождь, снег, – проворчала старушка. – Пошлите уже есть, а то все давно простыло.

– А я? А мне плов? – всполошился Абаназар.

– А вы, дядюшка, лучше займитесь починкой дома! – зло бросил Ала ад-Дин. – Все из-за вас!

– Ах, вот как? Так, значит! Я для него, а он... Да я сейчас, сейчас... – Колдун завертелся на месте, словно что-то разыскивал, потом закрыл глаза и щелкнул пальцами. – Вот вам потолок!

Хлоп!

Принцессы в комнате больше не было, а на том месте, где еще мгновение назад стояла девушка, лежала атласная по-

душечка, как напоминание о том, что все это был не сон. Комната же выглядела так, будто в ней только что произвели ремонт, даже потолок был тщательно выровнен и выбелен – ни одной мусоринки на полу, ни малейшего обломка. И все на своих местах – дверь, сундук, полочки. И еще легкая занавесь колышется на распахнутом окошке. У сундука стопкой лежали новенькие курпачи, а начищенную до блеска лампу кто-то зажег, и она тихонько коптила, весело подергивая робким огоньком, примостившемся на кончике фитиля.

Абаназар долго и очень тупо взирал на все это великолепие – неужели он сотворил? Вроде бы нацеливался на потолок, а оно вон как вышло. Потом перевел удивленный взгляд на собственные пальцы и прищелкнул языком.

– Ну и кто здесь шарлатан? – наконец произнес колдун, приняв весьма горделивый вид.

– А-а... где принцесса? – растерянно пробормотал Ала ад-Дин, подняв подушечку с пола и вертя ее в руках.

– Кхм-м... Я того... – Вопрос застиг колдуна врасплох.

– Я знаю, дядя. Но на этот раз вы хотя бы додумались отправить ее одетой.

Ала ад-Дин повесил голову, опустил на корточки и спрятал лицо в подушку, вбирая в себя аромат принцессы. Это было все, что у него осталось.

Когда грохот падающих камней стих, и пыль в покоях принцессы несколько развеялась, прислуга и вбежавшая в

комнату на шум стража осторожно приблизились к вороху драных курпачей, под которыми кто-то возился в безуспешной попытке выбраться.

– О солнцеподобный султан! – возопил круживший вокруг курпачей евнух. – Вы живы?

– Мы живы, – донеслось приглушенное из-под вороха одеял. – Только нам плохо. Вытащите нас отсюда.

– Чего вы стоите, ослы? – набросился евнух на стражу. – Вы слышали, что сказал повелитель правоверных? Немедленно вытаскивайте его, да поаккуратнее! Если хоть одна царапина... – жестко предупредил он.

Стража побросала копья и поспешила на помощь своему повелителю. Глиняное крошево и солома взвились в воздух, ветхие курпачи трещали по швам, теряя куски свалявшейся, потемневшей ваты. Вновь поднялась пылица.

– Да тащите же его, тащите! – гундосил евнух, зажимая пальцами нос и морщась. – Чего вы копаетесь, остолопы? Он же там задохнется.

– Да-да, обязательно задохнемся, – донеслось из-под курпачей. – Так и знайте! А потом мы всех казним.

– Слышали, олухи? – И евнух взялся подгонять стражников, щедро раздавая пинки направо и налево. – Да быстрее же, быстрее!

Наконец курпачи были раскиданы, и из-под них показался султан, лежавший ничком, с раскинутыми в стороны руками и ногами.

– Ой-ёй, мой повелитель! – подбежал к нему евнух и помог повелителю правоверных подняться. – Да как же это? Да что же это?

Султана изрядно качало, и он оперся о плечо слуги.

– О-о! – простонал он. – Нам плохо! Отведите нас в наши покои.

– Конечно, конечно, о великий! Пойдемте, я провожу вас. О Аллах всемогущий! – вскричал евнух, который наконец понял, что его смущало в повелителе. – Ваши одежды!

– Что с ними? – проямлил султан, держась за лоб.

– Их нет!

– Как так – нет? – Султан в мгновение ока пришел в себя и отпихнул слугу. – О всевышний, нас обокрали! Где наш дорогой халат, где пояс, шитый золотом, где штаны?! – вскричал он. – И что за тряпка на нас?

Султан, морщась, брезгливо, двумя пальчиками, взялся за полуистлевшую ткань неизвестно откуда взявшегося платья и оттянул одну из складок, разглядывая себя.

– Это колдовство, черное колдовство!

– Что?! Казнить, немедленно! – в ярости затопал султан старыми туфлями.

– Кого именно, о мой повелитель? – осведомился евнух, низко склонив голову и сложив руки на груди.

– Того, кто сотворил такое с нами! Разыскать, немедленно! И казнить! Уф-ф, – выдохся султан, покачнувшись от легкого головокружения.

– Вы слышали, болваны? – вскричал евнух. – Срочно разыскать колдуна!

Стража, сшибая друг дружку и теснясь в узких дверях, кинулась исполнять приказ. Кого и где искать, было совершенно не ясно, но разве поспоришь с всемогущим повелителем?

– А где дочь наша, Будур? – спросил султан. – Где, мы вас спрашиваем?

– О, не гневайся, повелитель! – подала голос одна из девушек, не смея поднять головы. – Ваша дочь исчезла. Вот! – и она протянула султану шальвары и кофточку.

– Что ты мелешь, презренная! И что у тебя в руках?

– Ее одежды, о повелитель!

– Как?! Она опять разделась? – Султан, почувствовал, как дурнота подступает к горлу. – Опять?! Ка-кая наг-лость!

– Нет, о всемилостивейший! Она... она исчезла. Бах – и ее нет, только вещи остались, – всхлипнула девушка, вновь протягивая султану шальвары.

– Бах? Опять «бах»?! Ну, это уже слишком! – воскликнул султан в ярости. – Пусть только появится, мы ей покажем. Немедленно найти нашу дочь!

– Но мы не знаем, где она, о повелитель!

– Вы, ее наложницы, не знаете, где ваша принцесса?! – окончательно вскипел султан. – Казнить! Всех казнить! Немедленно!!! Эй, палач? Где палач? – закрутил головой султан.

– О солнцеподобный и добрейший из султанов, – подлез

под руку повелителя евнух. – Это черное колдовство! Очень черное.

– Ах, да, ты прав! – Султан поостыл. – Но если принцесса не отыщется живой и здоровой, мы все равно вас казним, так и знайте.

– Она отыщется, о повелитель! Обязательно отыщется, – горячо заверила наложница, прижимая к груди шальвары.

– Так чего же вы здесь валяетесь? Искать! Быстро искать! – вновь затопал султан. – Ох-х, какие тесные и грубые туфли!

– Если мне будет позволено сказать, – вновь подал голос евнух. – Они женские. И платье – тоже.

– Фу, какая мерзость! – Султан скинул туфли и отпихнул. – Быстро сними с нас гнусную тряпку, раб!

– Ай, не здесь, о мой повелитель! – воскликнул евнух.

– Да-да, конечно! – спохватился султан и отпустил подол. – Но где же все-таки наши одежды?

– Колдовство! – выпучил глаза евнух.

– О горе нам! Мы постоянно забываем об этом. И голова так кружится... Пошли, ты поможешь нам переодеться в приличествующие нашей особе одежды.

Султан принял важный вид, развернулся и, шлепая босыми ступнями по мраморному полу, направился к распахнувшимся перед ним дверям. Евнух семенил сбоку, услужливо придерживая расплзающийся подол длинного платья повелителя, чтобы тот ненароком не наступил на него и не рас-

шиб себе лоб.

– Но мы так и не поняли, куда же все-таки подевалась наша строптивая дочь? Да еще и в столь непристойном виде...

– вслух размышлял султан. – Не иначе назло нам!

Евнух раскрыл было рот, но султан бросил на него грозный взгляд.

– И не вздумай сказать еще раз про колдовство, – предупредил он.

– Вы как всегда правы, о мудрейший из султанов! Ах, как вы правы! Дети – они такие.

– А тебе-то откуда знать, презренный скопец?

– Я догадался, о мой повелитель. – Евнух приложил руку к груди и низко поклонился.

– Да? Смотри у нас! – погрозил султан пальцем. – Как только найдут нашу дочь, приведешь ее к нам. Ух, мы ей покажем!.. Да, и закройте воду в фонтане!

Ахмед приплясывал, стоя по пояс в воде, и непрерывно хлопал себя руками, чтобы хоть немного согреться. Кожа его покрылась пупырышками и приняла синеватый оттенок, губы тряслись, а зубы отбивали мелкую дробь. Ахмед настолько замерз, что ему было уже на все наплевать: и на случайных прохожих, которых в этой глуши не было и быть не могло, и на отсутствие одежды. Ахмедом владело лишь одно желание – согреться.

Проклиная судьбу, так немилосердно обошедшую с

ним, бывший разбойник поплелся к берегу, оскальзываясь на крупных камнях, поросших водорослями. Вдруг позади него бухнула вода, и в воздух взлетел фонтан брызг. Кто-то вскрикнул. Ахмед весь сжался, на миг даже забыв о холоде, и обернулся.

Над поверхностью воды, бурлящей пузырьками воздуха, показалась женская головка, прелестный ротик был широко разинут, а тонкие руки молотили по воде. Волосы девушки венчала пакля водорослей, застилавших длинными зелеными нитями лицо неизвестной.

– Ай! – попятился Ахмед, но поскользнулся и упал в воду. – Водяной! Спасите-е!!!

Он неистово заработал руками, вмиг вылетел на берег и укрылся за широким стволом старой ивы, купавшей ветви в водах горной реки.

Девушка брезгливо скинула с головы водоросли, отерла ладошкой лицо и огляделась. Взгляд ее наткнулся на бледное вытянутое лицо Ахмеда, выглядывающего из-за дерева.

– Ох! – Девушка ушла в воду по подбородок. – Ты кто?

– А ты кто? – дрожащим то ли от холода, то ли от страха голосом спросил Ахмед и утер пальцем мокрый нос. – Водяная?

– Какая еще водяная?! – возмущенно воскликнула девушка, хлопнув ладошкой по воде. – И вообще, чего вылупился? Отвернись!

– Я... Не трогай меня, ладно? – Ахмед отвернулся и при-

жался спиной к стволу дерева, вознося молитву всевышнему.

– Да нужен ты мне больно! О Аллах, опять...

– Что опять? – насторожился Ахмед.

– Моя одежда, вот что! Ну, попадись ты мне... – пригрозила неизвестно кому девица.

– Это не я, честное слово!

– Знаю, что не ты, болван! Ну, проклятый колдун, чтоб его...

– Колдун? – медленно обернулся к реке Ахмед.

– Отвернись, кому сказано! – Девушка вновь поспешно ушла под воду.

– Уй-юй! – Ахмед сильно зажмурился и на всякий случай прикрыл их еще и ладонью. – Ты лучше того, не вылезай, ладно?

– Да что же мне теперь, вечно тут сидеть, да? Вода, между прочим, ледяная!

– Не знаю, только лучше тебе не видеть.

– Что не видеть?

– Меня.

– Почему?

– Потому что я того... не одет!

– Ах ты гнусный, похотливый ишак!

– Я вовсе не похотливый и тем более не ишак! – возмутился незаслуженно оскорбленный Ахмед. – У меня одежда порвалась.

– А у меня вообще ее нет!

– М-мда-а, – поскреб макушку Ахмед. – А ты вообще кто такая?

– Я? Да ты что?! Я принцесса Будур! – с вызовом отозвалась мокрая красotka.

– Кто?! – Ахмед ощутил невольную слабость в ногах. – А ты не врешь?

– Да как ты смеешь сомневаться в моих словах, презренный! – Со стороны реки опять донесся шлепок ладонью. Ахмед опять зажмурился и упал на колени. – О принцесса, простите меня!

– Ай! Уйди! Уйди за дерево!

– О, простите, Ваше Высочество! – Ахмед, прикрывшись ладонями, поспешно шмыгнул обратно за ствол дерева. – Но что нам теперь делать?

– Я не знаю. Мне х-холодно, – пожаловалась Будур.

– Мне тоже. Послушай, ты говорила про какого-то колдуна.

– Мерзкий, проклятый старикашка! Паршивый козел! – взорвалась принцесса. – Сначала спер мою одежду, потом меня без одежды, а теперь еще и отправил неизвестно куда.

– Абаназар!

– Что ты сказал?

– Его зовут Абаназар. Такой тощий, противный старик.

– Так, значит, ты его знаешь? Ты с ним заодно, да?

– Да ты что! Я от него насилу ноги унес.

– Похоже на правду, раз ты тоже без штанов. Он что, всех раздевает, этот индюк паршивый?

– Да нет, что ты. Я просто...

Хлоп!

На голову Ахмеду внезапно свалились чьи-то вещи, но бывший разбойник с перепугу отбросил их и выскочил из-за дерева.

– Ты опять? – Принцесса вновь плюхнулась в воду у самого берега на мелководье.

– Да нет, просто... Ох, извини! – Ахмед поспешно заполз на карачках обратно за дерево. – Тут какие-то шмотки мне на голову свалились.

– Какие еще шмотки?

– Откуда я знаю, какие! Дорогие. – Ахмед подхватил с земли сухую палку и потыкал ей в халат. – Халат парчовый... Штаны! – обрадовался он. – И рубаха! Эй, Ваше Высочество, держите халат.

Ахмед выбросил из-за ствола халат прямо под ноги сидевшей на корточках, сжавшейся в комок Будур.

– Халат? А чей он? – Девушка с сомнением пригляделась к богатому одеянию, показавшемуся ей очень знакомым.

– Да какая разница! – крикнул Ахмед, поспешно натягивая слишком широкие штаны. – Одевайся.

– Мне не надо чужого.

– Э, чужое – не чужое! Нашла тоже время, принцесса!

– Да как ты со мной разговариваешь! – разозлилась Бу-

дур. – Нахал бестолковый! Вот пожалуюсь отцу, он тебе мигом голову тю-тю. – Но халат все-таки приняла и наскоро облачилась в него. – Ох, тепло-то как... Постой, это же халат моего отца! И пояс... – вытаращилась принцесса на Ахмеда, вышедшего из-за дерева в синих атласных штанах, вышивной рубаше и широком поясе, украшенном рубинами. – Ах ты ворюга!

– Я не вор! – взвизгнул от обиды Ахмед. – Оно само мне на голову упало. Вот она благодарность, за то, что я дал тебе халат.

– Нужен мне больно твой халат!

– Тогда отдавай назад. Отдавай, говорю! Тоже мне, принцесса выискалась.

– Не отдам! – вспыхнула Будур. – И вообще, это папин халат.

– Да хоть мамин. Хоть бы спасибо сказала.

– Перебеешься! – Принцесса показала Ахмеду язык и отвернулась.

– Эй, Ахмед! – донеслось сверху. На краю берега стоял Максим, держа в руках стопку одежды. – Я, значит, одежду для него добываю, а он тут с барышнями заплывы устраивает. Где ты ее откопал?

Максим спрыгнул с пригорка и побежал вниз, быстро перебирая ногами.

– Я ее не откапывал, – замотал головой Ахмед. – Она сама с неба свалилась, и прямо в реку, – показал он рукой. – Ка-

ак шмякнется!

– Хам! – бросила принцесса, наморщив посиневший от холода носик.

– И кто это у нас тут такой вредный? – спросил Максим, обходя девушку кругом.

– Я не «кто», а принцесса!

– Какая еще принцесса? Не Будур ли?

– Бадр аль Будур, невежа! И не смотри на меня так. Вообще, не смотри!

– Ахмед, дурья твоя башка!

– Да, шеф! – вытянулся тот в струнку, придерживая руками сползающие штаны и тяжелый пояс.

– Зачем ты притащил сюда принцессу?

– Я не тащил ее! Я же вам уже объяснял, шеф.

– Ну разумеется! Принцессы всегда падают с неба прямо в реку, когда в ней сидит Ахмед, причем исключительно голяком.

– Не всегда, но падают, – упрямо стоял на своем Ахмед. – Почему вы мне не верите?

– А вещи где спер?

– Папины, между прочим, – вставила Будур, зябко кутаясь в широкий халат.

– Тем более! Признавайся, плут, когда ты успел ограбить самого эмира?

– Султана, – поправила принцесса. – Мой папа – султан!

– Один хрен, – отмахнулся Максим.

– Что-что? – Брови девушки в непонимании изогнулись изящными дугами.

– Я тебе потом объясню, – пообещал Ахмед. – И я никого не грабил, шеф. Шмотки упали мне на голову.

– Не слишком ли много сегодня выпало на твою несчастную голову?

– Но что я могу поделывать, шеф? – развел руками Ахмед. – Это все проклятый Абаназар буянит, да выпадут все его волосы!

– Не увиливай от ответа – он и так лысый.

– Тогда уши к шайтану отвалятся!

– Значит, ты хочешь сказать, что злобный старикашка разрушил дом Ала ад-Дина, умыкнул присутствующую здесь принцессу, раздел ее и бросил в реку? И еще спер одежду султана. Я ничего не упустил?

– Все именно так, как ты говоришь, о юноша, носящий столь необычное имя Шеф, – подтвердила Будур. – Но сначала колдун перенес меня в дом Ала ад-Дина, лишив одежду и объяв несмываемым позором. И украл мою любимую подушечку.

– Вот гад! – Максим саданул кулаком по ладони. – Чувыр-ла ископаемая! Ух, я ему...

– Шеф, а может не надо, а?

– Надо, Ахмед, надо! Старикашка совсем зарвался.

– Мне кажется, он скоро сам лапты двинет.

– Конечно, а мы ему поможем.

– А у нашего палача, между прочим, очень острый топор и верная рука! – вставила Будур, и мужчины, не сговариваясь, разом уставились на нее. – Что? – не поняла Будур.

– А вы еще меня называли кровожадным. – Ахмед непрозвольно помассировал шею.

– Ладно, там разберемся, – вздохнул Максим. – Переоденься, – указал он на стопку вещей у своих ног.

– Но мне это больше нравится! – заупрямился Ахмед, поправляя сползающие штаны.

– Да тебя в них первый же стражник схватит, дурья твоя башка. А потом устроят знакомство с палачом, у которого острый топор.

– И верная рука, – напомнила Будур.

– Хм-м, – засомневался Ахмед.

– Хочешь проверить?

– Не хочу! – Ахмед зло подхватил принесенные Максимом вещи, что-то буркнул под нос и скрылся за деревом.

– Что же мне с тобой делать? – Максим задумчиво потеребил губу, глядя на принцессу.

– Мне нужно домой, во дворец.

– Да, но как ты пойдешь в таком виде? В халате ты выглядишь, прямо скажем, по-идиотски.

– Ты предлагаешь мне снять его?

– Угу, было бы то еще зрелище! Ладно, как-нибудь обойдется, я думаю.

Из-за дерева показался крайне недовольный Ахмед. В ру-

ках он нес вещи султана.

– А это куда девать? – хмуро осведомился он.

– Отдай принцессе. Пусть в них оденется.

– Я? В это? Да вы что! Оно же мужское, и еще папино.

– Вот же противная девчонка! Да где же я тебе в этой глущи мамино-то достану?

– Я не девчонка, а принцесса! А мама... мама умерла, когда я была маленькой. – Будур спрятала лицо в короткий воротник халата и всхлипнула.

– Ладно, ладно, извини. – Максим успокаивающе коснулся плеча девушки. – Я же не знал. Слышишь? Хватит реветь.

– Не знал он, – буркнула принцесса, утерев пальцем нос, с кончика которого свисала капелька воды. – Давайте сюда ваши вещи. И отвернитесь!

Глава 9. Залог

Абаназар пребывал в ярости. Шутка ли, все шло наперекосьяк: неудача с крышей, будь она проклята во веки веков, бестолковый отрок Ала ад-Дин, у которого колдун пошел на поводу и натерпелся позору из-за порядком утраченных навыков, еще смазливая принцесса и какие-то странные духи, шайтан бы их обоих побрал! Однако, несмотря на все свои старания, завоевать доверие Ала ад-Дина Абаназару так и не удалось. Юноша не испытывал к колдуну ни малейшего почтения, даже после того, как он, Абаназар, так прекрасно справился с ремонтом – колдун до сих пор пребывал в шоке от содеянного собой. Вроде бы даже не планировал, собираясь всего лишь отправить принцессу восвояси, а что получилось! И думал-то в тот момент вовсе о другом. Абаназара просто злость брала от безысходности. Злость на Ала ад-Дина с его пустыми чаяниями, на Будур с ее одежей, которую никак не удавалось совместить с принцессой, на бывшего прислужника Ахмеда, предавшего его – вот кому стоило бы отомстить, – но Абаназар никак не мог обнаружить, где тот скрывается. Разве что приблизительно.

В общем, все шло не так, как планировал колдун.

Уписывая за обе щеки порядком остывший плов, Абаназар судорожно соображал, как все-таки завоевать доверие «племянника». И самое неприятно, сердиться нельзя: отка-

жись Ала ад-Дин добыть лампу, и Абаназар останется с носом. Конечно, он ему за то отомстит – и еще как! – но что с того? Лампы-то он все равно не добудет.

Нет, следовало держать себя в руках, расточать медовые улыбки и лебезить. Эх, если бы Абаназару удалось осуществить хоть какое-нибудь желание Ала ад-Дина как надо, и тогда мальчишка был бы в его руках. Но Абаназар прекрасно знал цену себе и понимал: ничего существенного он исполнить не сможет, разве что изгнать тараканов из дому (впрочем, на таком питании, какое имеет место быть в доме этих бедняков, они сами скоро разбегутся или передохнут с голоду). Или... Но больше, как колдун не силился, ничего в голову не приходило.

А может плюнуть на колдовство, да и выложить мальчишке все как на духу, пообещав несметные богатства и несносную девчонку в придачу? Но где гарантия, что Ала ад-Дин, добыв лампу, отдаст ее Абаназару? Одно дело – «дядя», а совсем другое – немощный колдун, пусть и магрибский. Ведь на кой ляд он тогда сдался Ала ад-Дину, без умений и без «родственных» связей? Мальчишка и сам с помощью лампы сможет добыть себе все, что пожелает.

Да, но ведь Ала ад-Динне знает, как ей пользоваться! Хотя он смысленый и быстро скумекает, что к чему. Ведь лишил же он Абаназара джинна кольца. Нет, рисковать не стоило.

Абаназар, уминая пальцами очередную порцию плова, бросил хмурый взгляд на беспечно беседующего с матерью

Ала ад-Дина. Тот, словно почувствовав его взгляд, обернулся, и колдун поспешно опустил глаза.

– А что, дядя, надолго ли вы к нам? – спросил Ала ад-Дин, утерев рукавом рот.

– Э-э, – рассеянно протянул колдун, не донеся плов до рта, так и застыл с щепоткой плова в пальцах. Вопрос застал Абаназара, прямо скажем, врасплох. – Не понимаю твоего вопроса, о мой дорогой племянник.

– Это я к тому, что если вы еще поживете у нас, то неплохо было бы наколдовать немного денег.

– Но разве то, что я тебе дал, уже закончилось? – удивленно произнес Абаназар, все-таки запихнув плов в рот и потянувшись за следующей порцией.

– Я купил плов, и, между прочим, на троих, – начал загибать пальцы Ала ад-Дин, – так?

– Так, – согласился «дядя» и сунул в рот немного салата из свежих помидоров и огурцов: «Интересно, к чему клонит этот зудящий прыщ?»

– Еще овощей для салата, – загнул Ала ад-Дин второй палец.

– Угу, – подтвердил Абаназар кивком, тщательно пережевывая пищу пятью оставшимися зубами.

– Еще купил новую одежду и обувь – себе, маме и вам, – Ала ад-Дин загнул третий палец.

– Так. – Абаназар едва сдержался, чтобы не поморщиться. Подобная расточительность никак не входила в его планы. –

Но ведь у тебя было много денег!

– Вы правы, дядюшка. Именно что было. Но, судя по тому, сколько вы едите, их надолго не хватит.

Абаназар зашелся кашлем, и Ала ад-Дин услужливо хлопал колдуна по спине.

– Это, верно, от жадности, – предположил юноша.

– Я вовсе не жаден, о дорогой... – скрипнул зубами Абаназар, – племянник. Но я ничего не ел с прошлого вечера! А так нам старикам очень вредно есть много, и я всегда придерживаюсь этого правила.

Абаназар с болью в глазах отодвинул от себя лаган с остатками плова и печально вздохнул.

– То есть вы не будете у нас питаться?

– Ох, Ала ад-Дин! – покачала головой молчавшая до того мать. – Жаден вовсе не твой дядя, а ты. Взгляни, как теперь выглядит наш дом! А тебе жалко для него горстку плова?

Абаназар опять вздохнул и выдавил скупую слезу.

– Пол лагана вы называете горсткой, мама? Что же касается ремонта дома, то перед тем он собственноручно разрушил его почти до основания.

– И что с того? Не разрушив старого, не построишь новое.

– Простите, мама, но и старый дом был еще вполне крепок, – не согласился Ала ад-Дин. – К тому же вспомните, что мой дорогой дядюшка сотворил с моей Будур!

– Она не твоя Будур, о несносный мальчишка, мечтающий о несбыточном! Но... нехорошо, конечно, вышло, однако с

кем не бывает. Твой дядя уже немолодой человек.

– Именно, – поддакнул Абаназар. – Послушай мудрого человека.

– Мудрый человек многого не знает, дядюшка, – ляпнул, не подумавши, Ала ад-Дин и осекся.

Абаназар мгновенно насторожился, весь подобрившись, словно леопард на охоте. Что это – оговорка или случайно оброненная, ничего незначащая фраза?

– Чего я не знаю? – бросилась старушка в атаку. – Ишь, взял моду спорить со старшими! По-твоему, я глупая?

– Я такого не говорил, мама. Но ведь всегда есть нечто тайное, чего не знаете даже вы!

Абаназар вздрогнул: вот, опять! На что намекает нахальный юнец? Неужели, он обо всем догадался?

Ала ад-Дин же едва сдерживался, чтобы не выложить все как на духу. Обида на паршивого колдуна, так оскорбившего его самые светлые чувства, не давала юноше покоя. К тому же Ала ад-Дин не без причины беспокоился за судьбу пропавшей девушки – ведь еще неизвестно, куда мог отправить ее бестолковый колдунишка!

Предсказание джинна со странным именем, будто Ала ад-Дин через горе-колдуна Абаназара обретет счастье, уже не казалось столь радужным. Разве мог принести Ала ад-Дину счастье немощный, растерявший последние остатки разума старик, уплетающий плов за троих и древний, как давно высохший помет съеденного на заре времен барана? Выходи-

ло, джинн либо посмеялся над несчастным юношей, либо чего-то напутал.

Абаназара тоже изводили сомнения, и он судорожно искал выход из сложившегося положения, но не находил его. Эх, если бы старая карга, размышлял колдун, куда-нибудь наконец ушла, и тогда он смог спокойно и откровенно поговорить с молодым недотепой. Но старуха словно приклеилась. Неужели у нее нет никаких дел? Двор не метен, мусор не вынесен, чай закончился... Чай!

– А что, дорогая сестра, не заварите ли вы нам свежего чая? – нашелся Абаназар.

– Чай? Да-да, конечно! Я сейчас. – Старушка тяжело поднялась и потопала в дом.

«Ну, наконец-то!» – обрадовался Абаназар, потирая сухие ладони, и только открыл рот, как его опередил Ала ад-Дин.

– А что, дядя, не перейти ли нам к делу? – Юноша нетерпеливо побарабанил пальцами по коленке.

– К делу? Да-да, самое время, о мой дорогой племянник... Э-э...

– Неважно! – отмахнулся Ала ад-Дин.

– Ты прав, о мудрый юноша, – льстиво склонил голову Абаназар, а про себя подумал: «Чтоб тебя Шайтан на куски разодрал, шакал языкатый!»

– Я вас внимательно слушаю, дядя.

Слово «дядя» Ала ад-Дин подчеркнул, вложив в него непонятный Абаназару и крайне неприятный, даже обидный

на слух смысл.

– Так вот, – откашлялся колдун, соображая, как лучше начать. – Несмотря на твое недоброе отношение ко мне – не понимаю, чем я его только заслужил! – я все-таки решил устроить твою жизнь, что считаю своим долгом.

– Похвально. Дальше, прошу вас, – удовлетворенно кивнул Ала ад-Дин. Похоже, момент истины вот-вот должен был наступить.

– Но для того чтобы все устроилось как надо, нам необходимо добыть одну... – Абаназар в сомнении пожевал губами, – одну вещь.

– Что за вещь?

– То необычайно великая и могущественная вещь! – воздел к небу ладони Абаназар.

– Хорошо, и где же мы ее добудем?

– Тут недалеко, за городом, – неопределенно повел рукой Абаназар. – Каких-то два-три парсанга.

– И это, по-вашему, недалеко? – округлил глаза юноша.

– Э, у тебя ноги молодые, быстрые, а мне не мешает послеобеденная прогулка на свежем воздухе.

– Предположим. И что же мы там будем делать?

– Тебе нужно будет достать вещь, о которой я говорил!

– Она что же, на высоком дереве висит или лежит на вершине самой высокой горы? А может, она покоится на дне глубокого колодца?

– О нет, бестолковый отрок. Она находится в потайной пе-

щере, ты должен будешь войти в нее и принести вещь мне! – Абаназар потыкал себя пальцами в грудь.

– Вам? А мне-то что с того будет?

– Как только... вещь окажется в моих руках, я мигом все устрою лучшим образом, не сомневайся!

– Но как я могу вам верить, дядя? А вдруг вы вздумаете сбежать от меня или, того хуже, заслать куда-нибудь, да еще без штанов – это у вас неплохо получается.

– О славный юноша, пораженный плесенью недоверия, пожирающей лучшее в тебе, неужели я не выполнил своего обещания и не отстроил тебе дом, лучше прежнего? Или не приложил сил, чтобы ты смог увидаться со своей возлюбленной?

– По-моему, вы слишком много приложили сил, дядя, и слегка переусердствовали в вашем благом начинании. Но мне нужны гарантии.

– Что-что? – рассеянно похлопал глазами Абаназар.

– Гарантии. Твердое поручительство чем-либо, что вы исполните свои обязательства – это я в одной книжке вычитал! – гордо заявил Ала ад-Дин.

– О мне! – развел руками Абаназар. – Хочешь, я поручусь своей прекрасной шапкой? Или нет, вот этой прекрасной жилеткой!

– Дядя, вы смеетесь надо мной? – прищурился Ала ад-Дин.

– И в мыслях не было!

– А давайте сделаем так: если вы не исполните обещанного, то я оборву вашу великолепную бороду.

– Да ты что! – Абаназар судорожно вцепился в редкие остатки бороды, зажав волосы в кулак.

– Но вы же ничем не рискуете, – продолжал наседавать Ала ад-Дин. – Вы исполните все, что обещали, и борода останется при вас.

– Знаешь, по-моему, очень нехорошо, так оскорблять почтенного старого человека и грозить ему, – пожурил юношу Абаназар, чуть отодвинувшись назад, – тем более родного дядю.

– А по-моему, вы просто не хотите исполнять обещанное, и мы в таком случае никуда не идем.

Ала ад-Дин сложил руки на груди, откинулся на деревянную подпорку виноградника за его спиной и закрыл глаза, выказывая всем своим видом нежелание куда-либо тащиться по жаре.

– А-а, я согласен, согласен! – замахал руками Абаназар.

– Вы согласны заложить свою бороду? – приоткрыл один глаз Ала ад-Дин.

– Да, все, что пожелаешь, только давай побыстрее отправимся в путь!

У Абаназара начался нестерпимый зуд, не дающий ему спокойно сидеть на месте. Шутка ли, он вскоре станет обладателем волшебной лампы, которой бредил столько лет! И шайтан с этой бородой – если что, он себе новую отрастит.

– Ну что ж, в таком случае я согласен, – подумав, произнес Ала ад-Дин. – Но сначала выпьем чаю.

– А может, потом? – захныкал Абаназар.

– Нет, – отрезал Ала ад-Дин. – Чай перед дальней дорогой – самая нужная вещь.

– О мой племянник, ты уже выхлебал целый чайник! Кто ты: верблюд или человек?

– Выпьем чаю, дядя! – настойчиво повторил Ала ад-Дин.

– Хорошо, – обреченно протянул Абаназар и сник, повесив узкие плечи. – Как скажешь, мой дорогой... э-э...

– Ала ад-Дин! Меня зовут Ала ад-Дин – неужели так трудно запомнить, дядя?

– В общем, так, Ахмед: постарайся незаметно отвести принцессу до дворцовых ворот, проследишь, чтобы никто и пальцем ее не тронул, и сразу назад, – сказал Максим, когда они уже приблизились к городу.

– Вы, верно, шутите, шеф! Да в таком виде я ее даже через городские ворота не смогу провести. Вы посмотрите на нее: натуральное же чучело! – указал Ахмед на принцессу Будур.

– Ах ты безродный осел! – взбеленилась девушка. – Да как только твой поганый язык повернулся такое ляпнуть! Ну, погоди, вот я доберусь до дворца...

– Именно! До него сначала нужно добраться, – задумчиво отозвался Максим, с сомнением разглядывая принцессу, обряженную в отцовские вещи. Слишком длинные мешко-

ватые штаны собрались внизу множественными складками и волочились по пыли, рукава опять же слишком большого халата свисали до колен, а тяжелый дорогой пояс постоянно сползал на бедра. На голове принцессы красовалось подобие чалмы, свернутой из разодранной на полосы старой рубахи Ахмеда.

– Что ты хочешь этим сказать? – Принцесса презрительно, с вызовом вздернула носик.

– Я хочу сказать, выглядите вы несколько экстравагантно.

– Как-как?

– Необычно, мягко говоря. К тому же если стражники узнают пояс и халат султана... Знаешь, Ахмед был прав: лучше бы вы, Ваше драгоценное Высочество, выбросили пояс с халатом – они слишком узнаваемы.

– Еще чего! Да ты в своем уме? Знаешь, сколько стоит один только пояс?

– А сколько стоит ваша жизнь, принцесса? Впрочем, поступайте как знаете, – пожал плечами Максим. – Если вам в жизни мало проблем...

– Ты на что намекаешь? – насторожилась Будур.

Городские ворота были уже совсем рядом, и девушку начали одолевать сомнения, а так ли уж неправ странный незнакомец. Может, действительно стоило поступить, как тот советовал?

– Я...

– Стой, презренная вша! – воскликнул страж, стоявший в

воротах и зорко озиравший всех проходивших мимо.

Троица замерла, а с ними и все, кто находился рядом. Волнение охватило людей, но неразбериха улеглась, как только вскинутое копьё стражника уперлось в двух друзей и принцессу. Остальные прохожие, издав вздохи облегчения, заспешили прочь, от греха подальше – мало ли что еще взбредет в пустые головы стражников.

– Я? – спросил Ахмед, чуть присев, и ткнул себя пальцем в грудь. Потом в сомнении показал на принцессу. – А может она... э-э, он?

– Нет. – Стражник нетерпеливо махнул рукой. – Не тот, который он, а который первый.

– Он? – Ахмед указал на Максима, стоявшего с засунутыми в карманы руками.

– А я-то здесь каким боком? – возмутился Максим.

– Да не ты, который вон тот, а этот! – Стражник начинал терять терпение.

– Я не понимаю, господин стражник, – развел руками Ахмед. – Вы бы не могли поточнее сказать.

– Болван! – Конец копья возмущенно дрогнул. – Постой, я тебя, кажется, знаю, – пригляделся повнимательнее стражник. – Это ведь ты вчера ночью был здесь, когда пропали деньги нашего начальника.

– Нет, то был вовсе не я, а тот, который другой. – Ахмед отступил на шаг и спрятался за спину Максима.

– А-а, ты прячешься, значит, вор! – возликовал стражник

– Я никуда не прячусь, я здесь, – затравленно хрюкнул Ахмед. – Но я ничего не знаю ни о каких деньгах, клянусь!

– Не знаешь?! – вскричал стражник. – А вот это мы сейчас проверим.

Ахмед, сжавшись, собрался задать стрекача, но Максим перехватил его за шиворот рубахи.

– Стой, о доблестный страж, и послушай, чего скажу! – поманил он стражника пальцем. Стражник приблизил ухо, вытянув шею. – Ты прав, мы были здесь, когда у почтенного начальника стражи украли деньги, и я видел, кто их украл, но побоялся сказать.

– Кто? – хриплым шепотом спросил стражник, выкатив глаза. – Говори, не бойся!

– Когда мой друг разговаривал с твоим начальником, я стоял позади и все видел... Но ты все равно не поверишь.

– Говори сейчас же! – нетерпеливо пристукнул стражник тупым концом копья.

– Ладно, что с тобой поделаться, убогим. Это был во-он тот хмырь. – Максим указал на второго стражника, лениво ковырявшего пальцем в носу. – Он и вытащил кошелек у вашего начальника стражи. Видишь, делает вид, будто он святой и ни о чем таком не знает.

– Да ну? – Брови доверчивого стража ворот поползли на лоб.

– Истинно так!

– Абдулла? – Стражник в сомнении дернул подбород-

ком. – Не может этого быть!

– Да-да, – влез Ахмед, – все именно так и было, господин стражник! Я тоже видел. Он положил деньги в правый карман.

– В левый, – поправил Максим.

– Почему в левый? В правый! – уперся Ахмед.

– Ахмед, балда ты эдакий! Ты стоял к нему как?

– Как?

– Лицом. Следовательно, лево – это право, а право – это лево, – показал Максим, скрестив руки.

– О! – поразился стражник мудрости незнакомца. – Воистину так! Значит?..

– Значит, мы сейчас пойдем и проверим его карманы. Только незаметно, а то он может догадаться.

– Пусть только попробует. Да я ему!.. – начал закатывать рукав стражник, медленно закипая. – Подержи копье!

– О мудрый страж, ты спугнешь вора, – зашипел Максим, отпихнув древко. – Давай приблизимся к нему незаметно.

– Ты мудр, – похвалил стражник. – Пошли! Но смотри, если ты солгал...

– Зачем мне лгать? – сделал честные глаза Максим. Стражник долго смотрел в них, ища искру сомнения или страха, потом вздохнул и расправил плечи, облаченные в тяжелую железную кольчугу. – Пошли!

Первым шел стражник, медленно надвигаясь на зевавшего в воротах и ничего не подозревающего Абдуллу. Ах-

мед крался, чуть пригнувшись и цепко держа глазами «вора». Максим двигался вихляющей походкой, насвистывая несложную мелодию. Позади него, хлопая широкими штанами и размахивая рукавами халата, двигалась Будур. Происходящее казалось принцессе забавной игрой.

Абдулла, завидев приближающуюся к нему странную процессию, перестал зевать, вынул палец из носа и уставился во все глаза на своего товарища.

– Карим, ты чего? – спросил он, но надвигающийся на него стражник ничего не ответил, лишь крепче поджал губы, и Абдулла забеспокоился. – Карим? – отступил он чуть назад. – Эй, чего ты молчишь?

– Держи щипача! – взревел Ахмед, бросаясь к Абдулле. – Окружай!

– Ай-яй! – Абдулла отбросил копье и заметался в воротах. – Не подходи ко мне, вшивый оборванец! Карим, кончай шутить!

– Ах ты, гад! – Максим бросился к стражнику и схватил его за левый локоть. Абдулла завизжал, вырываясь, но тут подоспел Ахмед, и вдвоем они быстро скрутили стражника и повалили на колени. – Попался, ворюга!

– Я не ворюга! Вы чего? Карим, что происходит?

– Молчи, гнусный проходимец! – оборвал Максим, засовывая руку в левый карман широких штанов стражника и вынимая оттуда тощий кошель. – Вот доказательства!

– Что? Кто? Как? – очумело уставился Абдулла на ко-

шель. – Кошель не мой, мне подбросили, клянусь Аллахом! Карим?

Стражник Карим свел брови на переносице, принял кошель из рук Максима и придирчиво оглядел его.

– Да, это тот самый кошель. Я узнаю его. – Карим уставился в перепуганное, бледное лицо Абдуллы. – Мерзкий предатель, паршивая собака! Как ты посмел украсть деньги у нашего достославного начальника? Отвечай!

– Это не я! Я не... ой! – Ахмед сильнее нажал на заломленный локоть, и Абдулла ткнулся лбом в землю.

– Что здесь, шайтан вас раздери, происходит? – выскочил из пристройки сонный начальник стражи. – Поспать спокойно на работе не дадут!

– Вот! – гордо указал на поверженного стражника Карим. – Вора изловили.

– Что ты мелешь, дурак? – замахал кулаками не вовремя разбуженный, не выспавшийся толком и потому крайне злой начальник стражи. – Это же Абдулла!

– В его кармане нашли кошель! – Карим сделал шаг вперед и вручил начальнику находку. – Вот, взгляните, уважаемый.

– Да, тот самый кошель, – насупил брови начальник, вертя перед носом почти пустую кошелек. – Значит, это все-таки правда?! – вскричал он.

– Так точно! – вытянулся в струнку Максим. – Взяли с поличным, ваше благородие!

– Молодцы! Вора в зиндан! – приказал начальник стражи. – А оборванцев гони в шею, пока еще что-нибудь не сперли.

Начальник зевнул, спрятал кошель за пазуху и, почесываясь, поплелся досыпать.

Еще двое стражников, выскочившие из кособокой глинобитной будки на крики, вырвали окончательно перетрусившего Абдуллу из рук Максима и Ахмеда и потащили прочь. Ноги несчастного волочились по земле, поднимая облака пыли.

– Я не виноват! – верещал Абдулла, дергая ногами. – Не винова-ат! Что вы делаете, паршивые собаки? А-а-а!

– Ловко вы ему кошель подсунули, шеф, – шепнул Ахмед Максиму, расплывшись в улыбке.

– Надо же было тебя дурака как-то отмазывать, – грубо бросил Максим, почти не разлепляя губ. Ахмед погрузнел.

– А ну, кончайте шептаться и проваливайте отсюда, оборванцы! – пригрозил Карим двум друзьям и чудно одетому мальчишке в дорогом халате и очень знакомом поясе – где-то он их уже видел, но вот где?

– Вот она, благодарность! – покачал головой Максим, засунул руки в карманы и затопал прочь.

– Пр-роваливай! – прорычал ему вдогонку Карим, потрясая копьём.

Троица молча и неспешно удалялась, но стражник долго еще смотрел ей вслед, пока в его голове явственно не шелк-

нуло. Глаза Карима вновь расширились, копьё выпало из руки, и он схватился за саблю.

– Стойте! Стойте, кому говорю! – понесся он за незнакомцами.

Ахмед с Максимом завертели головами и, не тратя времени на пустые размышления, бросились наутек. Царевна Будур, не привыкшая бегать от стражи, сначала никак не среагировала, но окрик Максима: «Беги, дура! Чего встала?» – подстегнул и ее, хотя ей все равно было не совсем ясно, зачем вообще нужно куда-то бежать.

Карим размахивая саблей, несся по пятам.

– Стойте, оборванцы! Именем султана! Эй вы, – крикнул он застывшим в ступоре стражникам, тащившим Абдуллу, – бросьте этого ишака и ловите вон тех оборванцев!

Стражники, недолго думая, бросили свою ношу, и Абдулла растянулся в пыли, боясь пошевелиться – может, про него забудут, и все обойдется?

Теперь уже трое неслись вслед убежавшим, выкрикивая пустые призывы остановиться и распахивая локтями прохожих. Карим, бежавший первым, наконец настиг принцессу и ухватил ее за халат. Будур вскрикнула и от рывка упала на колени.

– Ага, попался! – обрадовался Карим. Около него остановились двое его товарищей и окружили упавшего, скаля гнилые зубы. – Добегался, заяц? А ну, вставай, чего разлегся?

Карим ткнул носком туфли в бедро завозившуюся в по-

пытке выбраться из необъятного халата Будур. Принцесса затихла, пытаясь переварить происшедшее с ней. Еще никто и никогда не поднимал на нее руки, а тем более ноги – это было больно и очень неприятно. Несколько придя в себя, Будур порывисто вскочила на ноги. Халат слетел с ее худеньких плеч, и девушка едва успела придержать штаны, чуть не соскочившие с нее. Драная чалма соскользнула с головы принцессы, и по спине рассыпались косы.

– Да как ты смеешь, рыло твое ослиное, пихать меня ногами? – Принцесса влепила звонкую пощечину Кариму, и тот от неожиданности попятился, держась за щеку. – Хам, урод страшный, пустоголовый ишак с ночным горшком на голове! Всех казнию! Все-ех!!! – зашлась принцесса в душераздирающем визге, от которого у стражников жутко зазвенело в ушах и свело челюсти, с расположенных рядом деревьев попадали оглушенные птицы, а бездомные коты в ужасе разбежались кто куда. Досталось и нескольким большим горшкам, стоявшим у домов и попавшим под звуковой залп.

– При... прин-цесса Бу-будур? – пролепетал, судорожно сглотнув, пораженный до глубины души Карим. Мальчишки перед ним уже не было, а была грозная, неизвестно откуда взявшаяся принцесса, дочь великого султана, и ошеломительное преобразование вселило благоговейный ужас в неустрашимую душу стражника. – Но как?.. О Аллах, простите меня! – Карим упал на колени и ткнулся лбом в землю.

– Не прощу! – топнула Будур, уперев руки в бока. – Ты

мне за все ответишь, негодай, насильник!

– Но я думал, вы – вор, укравший вещи всемилостивейшего султана, – попытался неловко оправдаться Карим.

– Я вор? Да чтоб твой поганый язык узлом завязался! Взять его и всыпать пятьдесят плетей, чтоб он прозрел!

– Слушаемся, о принцесса! – склонились в почтительном поклоне двое других стражников с едва заметными язвительными улыбками на губах – выскочку Карима они терпеть не могли.

– Нет! – остановила их принцесса, придерживая руками штаны и тяжелый пояс. – Лучше проводите меня во дворец.

– О, благодарю вас, Ваше Высочество! – пролепетал Карим с облегчением.

– А уж потом всыпьте! – добавила Будур, оглядываясь по сторонам. – Не понимаю, а где те двое, что сопровождали меня?

– О принцесса, те проходимцы бежали в страхе, – ляпнул, не подумав, Карим и опять промахнулся.

– Да? Тогда добавьте ему еще двадцать палок, чтобы не смел оскорблять и пугать достойных людей, оказывающих мне помощь!

– А-а, пощадите!

– Хорошо, десять, – снисходительно поправилась Будур.

– Всего?

– Нет, к первым пятидесяти! И...

Бац! Бум!

Оба стоявших стражника закачались и медленно опустились на землю, сползая по копьям. Карим, хотя и почувал неладное, но поднять голову не решился – еще чего доброго и тут виноват останешься.

– Как вы, Ваше Высочество? – спросил Максим, отбросив увесистую дубину.

– Зачем вы их ударили? – нахмурила лобик принцесса.

– Как... зачем? Вы что? Это же стража! – возмущенно выпалил Ахмед и пнул валявшегося у его ног без сознания стражника. – У-у, зверюга страшная! Смотрите, как он скалится. Может, у него бешенство?

– Но они должны были отвести меня во дворец!

– Упс! – смущенно почесал макушку Максим. – А мы думали, они вас повязали, в смысле взяли.

– Что значит, взяли? Никто меня не брал! Только попробовали бы! Ух, я бы им... – Будур надула губки и погрозила валявшимся на земле стражникам кулачком. Карим только сильнее сжался, затаив дыхание. – Впрочем, с них и так довольно. Эй ты!

– Слушаю, Ваше Высочество! – Карим задрал голову и преданными, полными обожания глазами уставился на принцессу, словно собачонка на хозяйку.

– Хватит валяться и проводи нас во дворец?

– А-а как же... – Стражник в сомнении вытянул руку в сторону ворот.

– Палки? Не беспокойся о них – потом получишь.

– Нет-нет, я говорю про моего начальника! – поежился Карим, молитвенно складывая ладони.

– Правильно, – кивнула Будур. – Он тоже получит, за то, что спит на посту. Пошли же!

– Слушаюсь, Ваше Высочество! – Карим поднялся с колен, подобрал оброненную саблю и убрал ее в ножны, готовый следовать за своей принцессой.

– Принцесса, если мы вам больше не нужны, то мы с Ахмедом пошли, – обратился на себя внимание Максим, легонько, пальчиком, постучав по плечу принцессы.

– Но как же? Вы мои спасители, и я непременно должна представить вас отцу!

– Мы не отказываемся, конечно. Но лучше заглянем как-нибудь в другой раз, – откланялся Максим, оттаскивая за собой Ахмеда. – Всего вам доброго, Ваше Высочество!

– Хм! – недовольно повела плечиками Будур. – Впрочем, как пожелаете. Пошли, – сделала она стражнику царственный жест.

– Вы что, шеф?! – зашептал Ахмед, когда принцесса несколько отдалилась. – Там нас обязательно накормили бы чем-нибудь вкусным.

– Ахмед, ты можешь думать о чем-нибудь, кроме еды?

– Нет, когда мой желудок переваривает воздух. – И как бы в доказательство его слов желудок издал призывное урчание.

– Скажи своему бездонному брюху, чтобы оно заткнулось на время, – прорычал сквозь зубы Максим. – У нас дела.

– Какие еще дела? – обиженно надулся Ахмед.

– А ты глаза разуй и посмотри во-он туда. – Максим указал на двух мужчин, бредущих по направлению ворот.

– Абаназар! – воскликнул Ахмед, хлопнув себя по коленкам.

– Он самый, с «племянником». Быстро идем за ними!

– Да куда они денутся? Может, сначала перекусим чем-ни?..

Максим, не говоря ни слова, сунул под нос Ахмеду кулак.

– Так бы сразу и сказали. А далеко идти? В смысле, я хотел спросить: может быть, водой запасемся, а?

– Дельная мысль. Организуй по-быстрому, а я пока поспежу за ними.

Максим протянул другу динар – меньше просто не было.

– Хорошо, я быстро, – подхватился Ахмед и умчался в сторону базара.

– Зря я ему столько денег дал, – запоздало подумал Максим, вышагивая в некотором отдалении за стариком и юношей. – Ведь все на свою бездонную утробу спустит, как пить дать!

Максиму, разумеется, было жаль вовсе не денег и не еды для Ахмеда – жалко было впустую потраченного времени.

Глава 10. Хочу – не хочу

– Дочь наша, Будур! – Султан вскочил с трона и поспешил навстречу вошедшей в залу девушке. – Где ты была? Что стряслось?

– Я... – начала было Будур, подтягивая сползающие штаны.

– О всемогущий Аллах, в каком ты виде? – всплеснул руками султан.

– Я...

– Опять твой оборванец? Ты сбежала к нему, признавайся, негодная! – гневно топнул султан. – Сбежала, оставив одежды и обрушив на нас мусор и драные вонючие курпачи. Бр-р!

– Но...

– Вот что значит связаться с оборванцем! Родного отца побить камнями, ай-яй! – укоризненно покачал головой султан. – Почему ты молчишь, отвечай нам!

– Отец...

– Что? Что отец? Сбегает, прости Аллах, раздетая и является домой под вечер в каком-то рванье! Не-ет, мы этого так не оставим, – погрозил пальцем султан. – Это выше наших сил, так и знай. Замуж! За первого встречного! И не вздумай нам возражать!

– За первого? – обрадовалась Будур. – О отец, благодарю

вас!

– Нет-нет, мы оговорились, помутнение от гнева! – протестуяще замахал руками султан, запоздало сообразив, что ляпнул несуразность. – И не вздумай перечить нам!

– А...

– Постой, постой. – Султан повнимательнее пригляделся к одежде дочери. – Нам кажется знакомым пояс. И штаны... Халат! – заметил он вываленный в пыли халат, который угодливо протягивал ему стражник, приведший принцессу во дворец. – Наш любимый халат! Что ты сотворила с ним? – застонал султан, ударив себя кулаками по голове, отчего богатая чалма примялась и стала похожа на сплюснутый, скошенный набок минарет.

– Я не...

– Значит, ты! – Султан упер пылающий взгляд в еще больше побледневшего стражника. – Ты, о злобная собака, осмелился сотворить с нашим халатом подобное! Как, как ты решился на такое, мы тебя спрашиваем?

– О повелитель! – Ноги стражника подкосились, и он растянулся на халате, который случайно подмял под себя. – Это не я, клянусь Аллахом! Он упал... сам... вместе с... с вашей до... дочерью. И чуть-чуть запы... пылился, – пролепетал насмерть перепуганный Карим.

– Что-о?! Ты еще запыраться и непочтительно мять мой халат?

– Я все вы... вытряхну, выколочу, вычищу. – Карим,

сглотнув, принялся дубасить что есть мочи халат повелителя. – Вот смотрите, он уже как новый!

От усердия Карима поднялись клубы пыли.

– А-апчхи! – сказал султан и утер нос. – Ах ты, разбойник, как ты смеешь колотить наш дорогой халат?!

– Нет-нет, что вы, о всеми... милостивейший су... султан – Язык у Карима уже изрядно заплетался. – Я его чищу. Вот, извольте взглянуть. – Стражник неловко наступил коленом на халат, потянул за рукав и...

Тр-рах!

Сердце у султана екнуло, и он начал хватать ртом воздух, держась рукой за грудь. В зале повисла гробовая тишина. Притихли все: визири, советники, прихлебатели, слуги стали еще молчаливее, а мухи застыли там, где сидели, боясь пошевелить крыльями и лапками. Карим же озадаченно взирал на оторванный рукав, покачивающийся в его руке, и все пытался сообразить, как могла случиться подобная неприятность.

Немая сцена продолжалась недолго. Султан быстро пришел в себя, прикрыл глаза ладонью, чтобы не видеть изувеченный халат и произнес слабым голосом:

– Палача... Позовите палача. Ох, нам плохо!

– Палача? – удивился Карим, оглядываясь и явно не понимая, что происходит. По его простоватому лицу блуждала слабая недоуменная улыбка. – Зачем палача? Может, лекаря?

– Да-да, конечно же, лекаря, – согласно качнул головой султан, и Карим расцвел: надо же, как удачно все обернулось – угодил самому повелителю. – А проклятому истязателю халатов – палача, – добавил султан и отвернулся. – Уберите его!

– Ай! – только и успел вскрикнуть Карим, как двое здоровенных стражников из личной охраны повелителя схватили Карима за ноги и поволокли к выходу из залы.

– И это тоже уберите, – указал султан дрожащим пальцем на остатки халата. – Мы не можем на такое смотреть, у нас слабое сердце.

Халат мгновенно исчез, словно по мановению руки, и султан с глубоким облегчением отнял ладонь от глаз.

– Ну вот, другое дело! – заулыбался он. – А ты, дочь наша, немедленно ступай к себе, вымойся и прими подобающий вид! Мы придем проверить, – пригрозил султан. – Да, и не вздумай снова сбежать!

Будур только фыркнула, развернулась, взмахнув косами и отцовскими штанами, и гордо удалилась в свои покои в окружении охающих и ахающих рабынь.

Ала ад-Дин с колдуном, выйдя из городских ворот, прибавили шагу и направились прочь от города. Уже порядком умаявшийся от долгой ходьбы, Максим едва поспевал за ними. Еще бы – битых полдня на ногах, тем более с непривычки! Но торопиться, впрочем, особо было некуда. Плоская,

чуть холмистая равнина стелилась перед ним во всю ширь, и деться двоим путникам на ней просто некуда – они, словно две вишенки на медовой слоеной лепешке... Тьфу-ты, ну при чем здесь лепешка и тем более вишенки! А все желудочно-озабоченный Ахмед! Хотя перекусить, конечно, не мешало бы. И куда только он запропастился?

Максим обернулся и прикрыл ладонью глаза от жгучих лучей полуденного солнца. Высокая городская стена за полчаса ходьбы уже успела превратиться в невысокую изгородь с игрушечными воротцами, однако Ахмеда видно не было.

«Дернул же меня черт послать этого дурня за водой», – про себя ворчливо заметил Максим и заковылял дальше по раскаленной земле, спотыкаясь о неровности и вдыхая душный, обжигающий легкие воздух.

Колдун с мальчишкой за то время, что Максим потратил на выглядывание Ахмеда, уже порядком отделились, и теперь едва угадывались в клубящемся над иссушенной землей мареве. Пришлось поднажать, чтобы не потерять их из виду. Бредя по раскаленной равнине, Максим все пытался сообразить: ладно Ала ад-Дин, но откуда столько энергии в тщедушном старикашке? Ведь без году двести лет, а шпарит по жаре, словно молодая серна на случку, и даже не споткнется!

«А может, ну их к чертям собачьим? Кто знает, куда их понесла нелегкая. Возможно, колдун потащил мальчишку в свои развалины помочь перетащить уцелевшее барахло, а

может, еще по какой надобности. Впрочем, что там могло уцелеть после такого взрыва? Шарахнуло-то – мама не горюй!» – Максим попытался сплюнуть, но не вышло – во рту было сухо, будто в давно пересохшем колодце. Голова кружилась от жары, того и гляди из ушей пар повалит. Максим остановился.

– Эй, шеф! Эгей!!! – донеслось откуда-то справа. – Шеф!

– Ну наконец-то! – зло скрипнул зубами Максим и обернулся на голос. Счастливый Ахмед скачками приближался невесть откуда. В руках он тащил две тыквы с водой и полный узелок. – Отвечай, нехороший человек: где ты пропадал столько времени?

– Так вы же не сказали, куда идете, – удивился Ахмед, останавливаясь и переводя дух. – Я туда, сюда – нет вас. Думал и вовсе не сыщу.

– А я, по-твоему, должен знать, куда тех двоих шайтан понес? – зло прорычал Максим и вырвал из руки Ахмеда одну из тыкв. – Дай сюда! Послал за водой, так шляется неизвестно где столько времени.

– И вовсе я не шлялся, – немного обиделся Ахмед за совершенно незаслуженный выговор и поправил тюбетейку. – А вы бы могли рукой махнуть, между прочим.

– Не мог! – огрызнулся Максим, зубами выдирая затычку из горлышка тыквы.

– Я на всякий пожарный побольше воды взял. Я же знаю, как вы пьете. Как вер...

Максим окатил Ахмеда ледяным взглядом, и тот при-
молок. Приложив горлышко тыквы к губам, Максим запроки-
нул голову, кадык его заходил ходуном. Гулко сопя, Максим
глотал теплую невкусную воду. Ахмед словно замороженный
наблюдал за ним, не понимая, как можно испытывать подоб-
ную жажду спустя всего каких-то полчаса или чуть более то-
го.

– Хорошо! – Максим наконец оторвался от тыквы, в кото-
рой осталась едва ли половина воды, и утер губы ладонью. –
Чего смотришь? Я же ничего не говорю, когда вы чаем за-
правляетесь, как «Ягуар» бензином.

– Чай – дело другое, – оскалился Ахмед.

– Разумеется: он сухой, и его грызть надо. Пошли! – сказал
Максим и зашагал следом за растворившимися в знойном
воздухе Ала ад-Дином с колдуном.

– Шеф, а куда мы идем?

Ахмед нагнал Максима и затопал рядом, помахивая узел-
ком, из которого тянуло шашлычным духом, но при воспо-
минании о застывшем на зубах жире, Максима немного за-
мутило, и есть вовсе расхотелось.

– Туда, – неопределенно мотнул он головой.

– А что там?

– Да откуда же я знаю!

– Как? Вы не знаете? – почему-то испугался Ахмед. –
А вдруг там... ну не знаю... этот ваш ягуар. С бен-зи-ном.
Кстати, шеф, а что такое бен-зин?

– Такая огненная вода, ей шайтан-арбы заправляют, чтоб сами ездили.

– Как так?

– А вот так: др-р, др-р, др-р, – показал рукой Максим.

– О Аллах, какой кошмар! – Ахмеда передернуло, и он собрался было перекреститься, но вовремя передумал, поспешно спрятав за спину сложенные щепоткой пальцы. – Да и слово такое неприятное – бен-зин, правда?

– Ахмед, прошу тебя: отстань. И без тебя мозги плавятся, – захныкал Максим, утирая рукавом выступивший на лице пот.

– Плавятся? Почему? – заинтересовался Ахмед.

Максим состряпал грозную физиономию – на остальное сил просто не осталось.

– Молчу, молчу. Шеф, а вы их видели?

– Кого?

– Шайтан-арбы?

– Уф-ф, Ахмед, какой же ты...

– Скажите, шеф.

– Да видел, битком. У меня у самого есть.

– Как?! – Ахмед в неподдельном ужасе отшатнулся от Максима. – Вы снюхались с самим шайтаном?

– А ты у нас, значит, весь белый и пушистый, так, что ли? – огрызнулся Максим.

– Ну, не то чтобы... – повел плечами Ахмед и решительно заявил: – Но с шайтаном корешиться не собираюсь.

– Ахмед, завязывай, а? Если чего непонятное, так сразу от шайтана? – устало отозвался Максим, до звездочек в глазах глядяваясь в колышущееся море.

– Но вы же сами сказали!

– А как я тебе еще смогу объяснить, что такое двигатель внутреннего сгорания?

– Знаете, лучше не надо, – съежился Ахмед, прижав к груди тыкву и узелок. – Он, кажись, будет почище шайтан-арбы с бен-зи-ном.

– Во-во. Искра – зверь, а ни шиша не фурычит, шоб его коленвал в дугу скрутило и поршнями прихлопнуло, – усмехнулся Максим. – Знаешь, что такое поршень?

– Н-нет, – затравленно пискнул Ахмед, втягивая голову в плечи. – Шеф, вы лучше ничего не объясняйте, ладно?

– О-о, это такая вещь, пальчики оближешь, вместе с шатунами! А шатун – штука с дырочками, на нее поршень насаживают и затыкают пальцем. И он вот так ходит туда-сюда, понимаешь? – показал пальцами Максим, млея от бледного вида своего друга.

– Не очень, – честно признался Ахмед, отступая чуть в сторону. Его богатое воображение уже рисовало кошмарные картины, непозволительные для правоверного мусульманина.

– Да что же тут непонятного? – потряс руками Максим, оглядяваясь по сторонам. – Как же тебе объяснить-то попростому.

– Не надо, шеф, – пролепетал Ахмед. – Пусть я лучше помру неучем.

– Да кончай ты, я тебе сейчас все на пальцах разрисую. Где же... Ага, вон они! – радостно воскликнул Максим, случайно заметив появившиеся на склоне одного из холмов две крошечные фигурки.

– Ай! – вскрикнул впечатлительный Ахмед и хлопнулся без памяти на землю.

– Ты чего, Ахмед? – удивился Максим, остановившись. – Ты живой, эй?

Ахмед лежал, все еще прижимая к груди обеими руками свою поклажу, и не подавал признаков жизни. Максим приблизился к другу и застыл над ним в раздумье, потом откупорил тыкву и вылил немного воды на голову Ахмеда.

– А-а-а! – мгновенно пришел в себя бывший разбойник, вскочив, словно ошпаренный. – Бензин!

– Вот дурень! Обычная вода. – Максим поболтал полупустую тыкву.

– Фу-у! Знаете, шеф, вы мне больше ничего не рассказывайте про свой дивный мир, а то меня ночью кошмары измучают, – взмолился Ахмед.

– Ладно, не буду. Зачем мне парализованный инвалид на руках, да еще посреди пустыни.

– Да, да, – с живостью согласился Ахмед. – Давайте лучше поспешим! Я, кажется, знаю, куда те двое собрались.

– Знаешь? – Брови Максима непроизвольно поползли на

люб. – Так чего же ты, дурья башка, мозги мне компостировал? Разве не мог сразу сказать, чтоб мы галопом по холмам не скакали?

– Ну-у, я не был уверен.

– А теперь, значит, уверен?

– Теперь уверен, – убежденно дернул подбородком Ахмед. – Они идут в горы. Мы туда с Абаназаром пару раз ходили. Он там все колдовал чего-то, но у него ничего не выходило, не складывалось.

– И почему я этому не удивляюсь.

Максим с Ахмедом заспешили к показавшейся на горизонте невысокой горной гряде. Теперь уже не имело значения, видны ли двое путников или нет – Ахмед и сам точно выведет к нужному месту, если опять чего не напутает, конечно.

– Да нет, там вовсе не в том дело, – не согласился с Максимом изрядно повеселевший Ахмед, вполне довольный закрытой неприятной и пугающей темой – лучше уж колдун-неумеха со старческим маразмом, чем чудные штуки неизвестно из какой преисподней объявившегося вновь шефа. – В ущелье есть одна гора, а в ней находится заколдованная пещера. Ее просто так не увидишь и не войдешь в нее. Абаназар чего-то такое гутарил, махал граблями, и пещера открывалась, а вот войти в нее ему никак не удавалось.

– Почему? – заинтересовался Максим, едва поспевая за своим проводником.

– А потому. Заколдованная она. Я так кумекаю: в пещеру не может проникнуть ни один колдун. А в ней, как говорил Абаназар, барахла всякого волшебного видимо-невидимо: цацки разные, хрусты, свечки – падлой буду!

– Ахмед!

– Ох, простите шеф! – спохватился Ахмед. – Меня иногда штырит.

– Я заметил, – безнадежно покачал головой Максим. – Продолжай.

– А нечего продолжать. Лампу волшебную, видишь ли, ему, ханурику жеванному, вынь да положь. Вот за ней и идут – зуб даю! Абаназар на это дело, похоже, решил молодого лопуха подписать.

– А лопух, выходит, в пещеру сможет войти?

– Ну откуда же я знаю, шеф? Но ведь неспроста Абаназар в мальчишку вцепился.

– Тут ты прав на все сто, – согласился Максим и поскреб грязными ногтями порядком заросший щетиной, зудящий подбородок. – А далеко еще до пещеры?

– Уже почти пришли, – оглядев окружающую местность, уверенно ответил Ахмед.

– Тогда чего мы еле тащимся? Вперед, Ахмед! – Максим призывно взмахнул рукой. – Нас ждут великие дела.

– Вот этого-то я и боялся, – еле слышно проворчал Ахмед и ускорил шаг, нагоняя Максима.

– Ну и где же ваша пещера, дядюшка? – Ала ад-Дин упер руки в бока и обвел взглядом узкое ущелье с высокими, неприступными стенами, упиравшимися, казалось, в самое небо. Пещеры или чего-либо подобного нигде не было видно, и Ала ад-Дина начинали терзать сомнения, а не начался ли у проклятого колдуна приступ бреда.

– Терпение, дорогой племянник, терпение, – довольно оскалился желтыми пеньками зубов Абаназар, потирая ладошки. – Так, нужно вспомнить...

Колдун что-то прикинул в уме, снял черную шляпу и погладил взопревшую лысину.

– Только не вздумайте сказать, будто вы забыли, где она находится, – грозно предупредил Ала ад-Дин.

– Она находится здесь, о неверующий! – сверкнул глазами колдун, глубоко обиженный недоверием. – И не мешай мне колдовать.

– Что, опять колдовать? Я надеюсь, дядюшка, вы не устроите обвал?

– Я... – надул щеки Абаназар, собираясь вспылить, но вовремя спохватился и взял себя в руки – сейчас не время пререкаться с проклятым сосунком и тем более портить с ним отношения. Но после он за все ему оплатит. Ух, как оплатит! – Я не собираюсь устраивать обвал, о мой драгоценный э-э... Ала ад-Дин!

– Ух ты, запомнили? – сказал юноша, удивленно прищелкнув языком.

– Да-да, – скрежетнул Абаназар в ответ двумя зубами. – У меня очень хорошая память. А теперь не мешай мне, прошу тебя.

– Хорошо, только я на всякий случай отойду в сторонку.

– Да замолчишь ты уже или нет? – сорвался Абаназар, у которого никак не получалось собраться с мыслями.

– Молчу-молчу, – хмыкнул Ала ад-Дин, отодвигаясь за спину колдуна.

– Вот и... хорошо. Так! – Руки Абаназара взлетели вверх, узловатые пальцы растопырились, и он начал вещать утробным голосом: – Две дурлы, три мурлы, лампурлы заберлы. Стена разойдись, пещера появись! Уф-ф... – выдохся он.

– И? – спросил Ала ад-Дин, напряженно вглядываясь в скалу из-за плеча колдуна. Время шло, а ничего не происходило. – Опять что-нибудь забыли, дядюшка?

– Ничего я не забыл, – огрызнулся колдун, клацнув зубами. – Терпение. Нужно время, чтобы заклинание дошло до скалы.

– А у нее что, тоже того?

– Ты на что намекаешь? – Колдун резко обернулся к Ала ад-Дину.

– Да так, ни на что. – Юноша с безразличным видом пожал плечами. – Только если это надолго, то я бы пока с удовольствием поспал.

– У-у! – взвыл Абаназар, в бессильной злобе потрясая кулаками. Его истошный вой отразился от стен ущелья, заме-

тался меж них. Скала дрогнула, и сверху, грохоча, посыпались камни. – Уй-юй! А все ты, ты...

Колдун пригнулся, прикрывая руками голову, и юркнул под укрытие небольшого скального выступа.

– Разумеется, опять виноват я, – зевая, произнес Ала ад-Дин и отошел еще дальше, чтобы случайно не зацепило камнепадом. – Но ведь именно вы кричали «у-у», а не я. А в горах кричать нельзя, – назидательно сказал юноша, наблюдая, как средней величины камни падают на землю совсем рядом с колдуном.

– Я знаю! – раздраженно рявкнул в ответ Абаназар. – Не учи меня!

– Вот, опять кричите.

– Я не кричу!

– Кричите!

– Нет!

– Да!

– Нет!!!

Новая порция камней сорвалась со скалы и понеслась вниз.

– Смотрите, что вы натворили. – сказал Ала ад-Дин и поспешно отбежал еще дальше.

– А я? А как же я? – испуганно заметался Абаназар, не зная, с какой стороны лучше обогнуть стремительно растущий завал из камней.

– Так вы же колдун, дядюшка. Вы запросто отвернете от

себя камни.

– Ты с ума сошел! Разве тут можно сосредоточиться?

– Тогда еще покричите, – предложил Ала ад-Дин.

– О несчастный, ты желаешь моей смерти? – захныкал Абаназар. Камни шлепались уже совсем рядом с ним, скальный навес дал трещину, и, того и гляди, мог обрушиться на голову колдуна.

– Вовсе нет, – решительно отверг предположение колдуна Ала ад-Дин. – Только если вы крикните посильнее, то все камни, которые могли скатиться, – скатятся, и вам больше уже ничего угрожать не будет.

– Ты так считаешь? – недоверчиво покосился Абаназар, ища следы подвоха во взгляде «племянника».

– Уверен! – отозвался Ала ад-Дин, не поведя и бровью.

– Тогда... А-а-а! – что есть мочи возопил Абаназар, сильно зажмурившись.

– Нет, он точно ненормальный, – обреченно качнул головой Ала ад-Дин и бросился на выручку колдуну, сжавшемуся под все больше проседавшим скальным навесом. Может, он и нехороший, даже отвратительный человек, но Ала ад-Дин никак не мог допустить, чтобы Абаназар погиб, тем более столь страшной смертью.

Змеящаяся трещина отсекла часть уступа, и он начал сползать вниз. Скала угрожающе загудела, земля дрогнула. Ала ад-Дин в самый последний момент в прыжке вытолкнул Абаназара на открытое пространство, и едва успел сам отка-

титься в сторону, как на то место, где только что стоял колдун, осела часть скалы. Во все стороны брызнуло каменное крошево, клубы пыли заволокли все вокруг. Гулкие раскаты еще долго гуляли вдоль ущелья, пока не затихли вдали.

Ала ад-Дин приподнялся на руках и потряс головой. Сел, отряхнулся как мог. Чихнул.

Облако пыли медленно оседало.

Совсем рядом завозился, закричал Абаназар.

– О-о, – жалобно протянул он. – Кхе, кха! Что случилось?

– Вы, почтеннейший, или самоубийца, или вовсе шуток не понимаете, – холодно произнес Ала ад-Дин, поднимаясь на ноги.

– Шуток? – недоуменно похлопал выцветшими глазами Абаназар, потом его взгляд скользнул по скале и замер на огромной каменной глыбе. Глаза колдуна медленно округлились. – Так это...

– Вот именно!

– Ты...

– Я.

– Меня спас?!

– А что оставалось делать? – дернул плечами Ала ад-Дин. – Смотреть, как вы, дядя, превратитесь в блин?

– Ты? Меня?

– Ну, я, вас – заладили тоже. Что тут такого?

– Кхе. – Абаназар расчувствованно шмыгнул носом. – Я этого никогда не забуду.

– Вы лучше не забудьте пещеру открыть.

– А разве она не... – Колдун нашел в себе силы удивиться.

– Нет, только камни на наши несчастные головы, как я и предупреждал в самом начале.

– Мда. – Абаназар вновь почесал макушку. – Шляпа! Где моя шляпа?

– Вы на ней сидите, дядюшка.

– О! – Абаназар резво вскочил. – Ну вот, – окончательно расстроился он, поднимая с земли сплюсненную, серую от пыли шляпу. Колдун внимательно оглядел ее, состроив страдальческую мину. Потеря казалась ему невосполнимой.

– Послушайте, уважаемый, – терпение Ала ад-Дин уже было на пределе, – может быть, покончим с глупостями и займемся наконец делом?

– Да, конечно. – Абаназар смахнул пальцем слезу, отбросил изувеченную шляпу и тяжело вздохнул. – На чем мы остановились?

– О Аллах, дай мне терпения! – Ала ад-Дин воздел к небу глаза. – Вы, дядя, хотели открыть какую-то пещеру.

– Пещеру? Ах, пещеру! – хлопнул себя по лбу Абаназар, а Ала ад-Дин только издал продолжительный вздох. – Ты прав, мой дорогой э-э... неважно! Что же пошло не так?

– Вам виднее, вы ведь колдун.

– Я не спрашиваю, а рассуждаю, о бестолковый отрок! – Абаназар уже полностью пришел в себя и вновь принял напыщенный вид. – Не мешай мне!

– Ладно, ладно. Я пока нужду справлю, если вы не против.

– Как ты можешь в такой момент думать о подобном? – возмутился Абаназар.

– Мне кажется, ваш момент будет длиться вечность. – Ала ад-Дин отошел за огромный камень, перегородивший половину ущелья. – Так что я успею сделать не только это, но и выспаться хорошенько. И не надо на меня так смотреть, я стесняюсь.

Абаназар что-то проворчал себе под нос и отвернулся. Затем, пожевав губами, вновь вскинул руки над головой.

– А...

– Послушайте, дядюшка, – окликнул Ала ад-Дин колдуна.

– Что тебе? – раздраженно спросил колдун.

– Я только хотел спросить: а обязательно руками размахивать?

– Нет! Но это меня вдохновляет.

– Понятно, продолжайте.

– А...

– Кстати, вы забыли пальцы вот так сделать. – продемонстрировал Ала ад-Дин скрюченные пальцы на левой руке.

– Ты решил учить меня колдовству, мальчишка?! – рявкнул Абаназар.

– Нет, но вдруг вы просто забыли про пальцы. Вот я и решил напомнить.

Колдун сделал зверское лицо, отвернулся, набрал полную грудь воздуха.

– А...

– Пойдите!

– Ну что еще?!

– Я закончил и хочу лично посмотреть, как вы открываете пещеру. – Ала ад-Дин выбежал из-за камня, подвязывая бечевою штаны.

– У-у! – Колдун потряс руками со скрюченными пальцами.

– Вот-вот, именно так у вас пальцы и были сжаты.

– Ты дашь мне произнести заклинание или нет?

– Да сколько угодно, – пожал плечами Ала ад-Дин. – Нервный вы больно.

Колдун долго и молча сверлил взглядом ненавистного «племянника», но тот только наивно и преданно взирал на Абаназара.

И Абаназар сдался.

Опустив плечи, он повернулся к Ала ад-Дину спиной, воздел над головой руки и судорожно согнул пальцы – только бы назойливый юнец вновь не привязался.

– Вот как должно звучать заклинание: Аркалы, барбалы, две дурлы и три мурлы. Барбалы, аркалы, лампурлы мы заберлы. Стена разойдись, пещера появись!

Ала ад-Дин втянул голову в плечи, но камнепад не повторился, зато загудела, задрожала земля, и у левой скальной стены взвились вверх, сворачиваясь спиралями, два клуба пыли. Из пыльных смерчей протаяли два черных ифрита

невероятно огромного роста, с бронзовыми кольцами в носках и саблями со сверкающими серебром лезвиями на плечах. Росту в них было не меньше пяти человеческих.

Ифриты нетерпеливо переминались с ноги на ногу и недобро зыркали в сторону притихшего Абаназара. Колдун как-то весь сжался, изрядно потеряв в росте, несколько побледнел и взялся нервно покусывать нижнюю губу, из чего Ала ад-Дин заключил, что ифриты и Абаназар уже знакомы. На Ала ад-Дина черные гиганты не обращали ровным счетом ни малейшего внимания, будто его и вовсе здесь не было. Правый из гигантов держал в левой руке надкусанную лепешку размером с колесо арбы и кисло жевал – похоже, его оторвали от трапезы, что никак не могло добавить ему хорошего настроения.

За спиной ифритов, наливаясь густой чернотой, протаял арочный провал в скале. Абаназар от нетерпения принялся жевать рукав своей хламиды, глядя в глаза то одному ифриту, то другому, а то переводил взгляд на распахнутый вход.

Ифриты молчали. Правый из них меланхолично дожевывал лепешку. Игра в гляделки продолжалась довольно долго.

Первым не вытерпел Абаназар.

– Эй вы! – крикнул он, махнув рукой. – Чего встали? Пропустите!

– Опять ты, червь! – громоподобным гласом откликнулся левый из ифритов. – Что тебе нужно на этот раз?

– Нам нужно пройти!

– Колдунам вход в пещеру запрещен, и ты знаешь о том не хуже нас.

– Пойдет он, а не я. – Абаназар больно ухватил Ала ад-Дина костлявой рукой за плечо и чуть подтолкнул вперед. – Иди!

Ала ад-Дин сделал пару шагов и остановился, затем попятился, когда оба ифрита одновременно ощупали его придиричивыми, проникающими в самую душу взглядами.

– Он? – спросил левый ифрит, а правый спрятал куда-то недоеденную лепешку и наконец проявил интерес к происходящему.

– Да, это избранный, – быстро закивал Абаназар.

– Колдун? – Правый ифрит недоверчиво покосился на Ала ад-Дина, и сабля на его плече чуть дрогнула.

По спине Ала ад-Дина, несмотря на жару, пронесся холодок, даже настоящий мороз. Захотелось развернуться и броситься наутек, но разве убежишь от таких гигантов?

– Ни-ни! – между тем запротестовал Абаназар. – Чистейшая душа, словно вода в горном роднике или скромный поцелуй любви целомудренной девушки, – мечтательно повращал он глазами.

– Ты еще помнишь об этом, колдун? – поразился ифрит.

– Не дерзи!!! – вышел из себя Абаназар, но быстро взял себя в руки. – Короче: он просто болв... э-э, самый обычный человек.

– А не врешь? – Левый ифрит в задумчивости подергал

пальцем кольцо в приплюснутом носу.

– Как можно! – деланно ужаснулся Абаназар. – Да чтобы я...

– С тебя станется. Но мы сами проверим.

– Иди. – Абаназар подтолкнул в спину Ала-ад-Дина. – Иди же!

– А может... – обернулся Ала ад-Дин. Самообладание покинуло его окончательно.

– Нет, никаких «может»! Ты обещал!

– Я?

– Да, ты.

– Ничего я вам не обещал, дядюшка.

– Обещал! Еще требовал эти, как их... га-ран-тии. Требовал?

– Требовал, – сдался Ала ад-Дин. Не в его характере было отрицать очевидное.

– Тогда иди!

– А может, потом, в следующий раз? Я сегодня себя не очень хорошо чувствую. – Ала ад-Дин сделал последнюю слабую попытку отвертеться, но Абаназар продолжал настойчиво подталкивать юношу в спину.

– Нам долго еще ждать? – гроыхнул левый ифрит, видя, как медленно продвигается дело.

– Что ты! Он уже идет, – живо заверил колдун, толкнув Ала ад-Дина обеими руками что было сил, и юноша подбежал, сам того не желая, к самой ступне ифрита.

Ступня была огромна и черна, как и ее хозяин. Длинные ногти на пальцах загибались вниз на манер птичьих когтей, а сами пальцы нетерпеливо постукивали ногтями по твердой земле. Но стоило Ала ад-Дину приблизиться, как ифрит перестал перебирать пальцами ног и обрадовано прогудел, опуская подбородок:

– Ага! Ты решился, смертный. Значит, ты хочешь войти в пещеру?

– Н-нет, – подумав, отозвался Ала ад-Дин и для убедительности повертел головой.

– Странно. – Ифриты переглянулись, а левый почесал кончиком сабли затылок. – Так зачем же ты пришел сюда?

– Чтобы принести ему, – Ала ад-Дин ткнул большим пальцем за спину, – одну вещь.

– Одну вещь, – задумчиво повторил ифрит, словно смакуя слова. – Красиво сказано и, главное, честно. А что же ты желаешь для себя?

– Для себя? Я жениться хочу.

– Ха, ха-ха, – загоготал левый ифрит, запрокинув голову.

– Ничего смешного не вижу, – буркнул Ала ад-Дин.

– О, прости! – Ифрит с трудом согнал с лица улыбку. – Так необычно. Сюда за подобным товаром не ходят... Значит, ты не хочешь обладать ничем, хранящимся в пещере?

– Я даже не знаю, что в ней хранится. Как же я могу хотеть обладать тем, о чем даже не ведаю?

– О! – Глаза ифрита удивленно округлились. – А если

узнаешь, тогда как?

– Я... не знаю... – окончательно растерялся Ала ад-Дин и развел руками. – Нет, я правда не знаю! Ведь как можно что-то обещать, когда ты даже не понимаешь, о чем идет речь?

– Ты честный юноша! – сказал ифрит и сдвинулся в сторону, освобождая проход. – Ты можешь войти.

– Точно? – не поверил ушам Ала ад-Дин.

– Иди!

– Спасибо, конечно, но я должен немножко подумать.

– Думай. Только побыстрее, – разрешил ифрит и, млея, почесал пузо когтистой лапой.

Ала ад-Дин принял задумчивый вид, пытаясь собраться с мыслями, но их, как назло, не было. В смысле, ни одной дельной, а вот мыслей о том, как поскорее унести отсюда ноги, имелось хоть отбавляй.

– Что же ты надумал? – Ногти ифрита опять щелкнули о камни.

– Хорошо, я иду!

– Иди, – кивнул правый ифрит, похоже, вполне довольный выбором Ала ад-Дина, хотя какой ему с того прок, юноша никак не мог взять в толк.

– Так я пошел? – еще раз уточнил Ала ад-Дин у левого ифрита.

– О смертный, долго ты еще будешь испытывать наше терпение? – откликнулся черный великан.

– Можно я еще немножко подумаю, а?

За его спиной послышался сдавленный стон и шлепок ладони – Абаназар хлопнул себя со всего размаха по лбу.

– Глупый человек, чего тут думать? Ему разрешают войти, а он стоит и мямлит, – произнес правый ифрит.

– И вовсе я не мямлю, а сомневаюсь. А думать, между прочим, надлежит всегда, – нравоучительно заметил Ала ад-Дин. – Помните пословицу?

– Смертный, мы устали от твоих сомнений. Либо ты сейчас же заходишь, либо – прости-прощай. – Правый ифрит помахал лапищей. – Нам недосуг с тобою впустую лясы точить.

– Я иду! – решил наконец Ала ад-Дин и сделал шаг в направлении входа в пещеру, внезапно осветившемуся при его приближении десятками одновременно вспыхнувших факелов, установленных вдоль обеих стен. Любопытство пересилило страх, и Ала ад-Дин вступил в тоннель, вырубленный в скале, опасно пригибаясь и озираясь вокруг.

Но, засомневавшись, он вдруг устремился обратно, однако путь назад преградила невидимая, упругая завеса. Наскочив на нее грудью, Ала ад-Дин отлетел назад и растянулся на стылом каменном полу, вскочил вновь, подбежал к невидимой преграде и в исступлении заколотил по ней кулаками.

– Дядя, вы же не сказали, что я должен взять! – выкрикнул юноша, не особо надеясь, что его услышат снаружи. Но его слышали.

– Ха! – громоподобно усмехнулся правый из ифритов,

взмахнув мечом. – Ха, ха!

– Ох, я дурак! – вскричал Абаназар, упав на колени, и принялся колотить себя кулаками по голове. – Я забыл, забыл сказать тебе самое главное. О, я старый пустой горшок.

– Выпустите меня отсюда! – продолжал голосить Ала ад-Дин. – Не хочу идти в пещеру! А-а!

Преграда не поддавалась, но Ала ад-Дин продолжал бросаться на нее, скрести ее ногтями, бить кулаками и ногами.

– Стой! – вскочил Абаназар, вытянув руку с выставленной вперед ладонью. – Тебе нельзя выходить!

– Почему? – замер Ала ад-Дин. Грудь его тяжело вздымалась.

– Если ты выйдешь, то больше уже не войдешь.

– А я не хотел входить! И не хочу! Это вы меня заставили, дядя, и даже не сказали, что вам нужно в пещере.

– Мне нужна...

– Остановись! – громыхнул левый ифрит. – Ты знаешь правила, гнусный колдун: если ты скажешь хоть слово напутствия вошедшему в пещеру, он никогда уже из нее не выйдет.

– Не-ет! – окончательно перетрусил Ала ад-Дин, вновь замолотив кулаками по прозрачной преграде. – Молчите, дядюшка, я ничего не хочу слышать!

– Но... – Абаназар в сомнении почесал за левым ухом.

– Нет, не говорите ничего. – Ала ад-Дин демонстративно заткнул пальцами уши. – Вот, видите, я ничего не слышу.

– Но как же ты тогда найдешь... именно ту вещь, кото-

рая мне нужна? – потряс руками расстроенный донельзя колдун. – Это нечестно, нечестно! – топнул он и, выдохшись, согнул спину и в бессилье повесил руки. – Все пропало, все пропало! О, я несчастный старый дурак.

Ала ад-Дин приоткрыл одно ухо и прислушался. Тихо, только потрескивают факелы, и еще снаружи доносится гулкое мерное дыхание двух гигантов и страдальческое поскуливание Абаназара.

– Эй! – позвал Ала ад-Дин.

– Ты еще здесь, смертный? – В пещеру, прогнувшись, заглянул правый ифрит. – Что тебе опять нужно?

– Откройте, пожалуйста, выход, – без особой надежды попросил Ала ад-Дин, молитвенно складывая ладони.

– Ты уверен?

– Да, да. Я хочу выйти.

– Но если ты выйдешь, то уже не сможешь войти вторично. Ты это знаешь?

– Теперь знаю.

– И все еще хочешь выйти?

– Да... Нет... Ну вот, вы меня совсем запутали, почтеннейший.

– Решай быстрее. Нам уже надоело возиться с тобой! Ходят тут, просят, думают: то впусти, то выпусти, то хочу, то не хочу – что ты за человек такой?

– Я сомневаюсь.

– Сомнения – удел слабых.

– Да? А сильные – где они теперь?

– Тоже верно. Но что же ты решил? – нетерпеливо переступил с ноги на ногу ифрит, и земля дважды вздрогнула.

– Я... я, пожалуй, осмотрю пещеру, – решился Ала ад-Дин после долгих колебаний.

– Твой выбор. Иди и возвращайся. Мы будем охранять вход.

– А...

– Ты еще здесь?!

– Да иду я, иду, – буркнул Ала ад-Дин, развернулся и зашагал прочь от входа по вырубленному в скале, хорошо освещенному тоннелю.

Глава 11. Несчастья Абаназара и новый жених Будур

– И где твоя пещера?

Максим задрал голову, озирая скалы. Вертикальные стены ущелья почти сходились на головокружительной высоте. Сквозь извилистый неширокий зазор виднелась полоска безоблачного, залитого расплавленным свинцом неба.

– Может ты чего напутал, Ахмед?

– Ничего я не напутал, – огрызнулся бывший разбойник, озираясь по сторонам и подергивая носом, словно ищейка, потерявшая след. – Пещера должна быть где-то здесь.

– Где-то здесь или где-то там. Обожаю определенность. – Максим подергал ворот рубахи. – Да тут целый лабиринт.

– Шеф, ну чего вы сразу сердитесь? – приуныл Ахмед, уловивший нотки раздражительности в голосе Максима.

– Разве я сержусь, Ахмед? – Максим выгнул дугой правую бровь. – Я просто недоволен, а сержусь я совсем по-другому. Ты сказал, что знаешь дорогу, и мы упустили сушеного динозавра.

– Кого, кого? Нет! Не рассказывайте мне ничего! – запротестовал Ахмед. – Не хочу знать, кто такой динозавр.

– Серьезно? Он вовсе не так страшен, уверяю тебя, – злобно ухмыльнулся Максим. – Но если включить воображе-

ние на полную катушку...

– Не надо, умоляю вас, шеф! – сглотнул Ахмед, заметно спав с лица. – После бензина, и... как их... поршней и шайтан-арбы...

– Тогда сейчас же отыщи пещеру, иначе я буду рассказывать тебе про динозавров день и ночь до скончания веков, и не только про них, – прорычал Максим, нависнув над бывшим разбойником, словно ястреб над цыпленком. – Поверь, у меня для этого будет достаточно сил и времени. Особенно последнего.

– Я ее сейчас отыщу! – горячо заверил Ахмед, округляя глаза, и ткнул себя кулаком в грудь. – Я обещаю! Нет, клянись!!!

Вдруг неподалеку раздался грохот, и Максим закрутил головой, пытаясь определить хотя бы приблизительное направление.

– Они что, своими силами пещеру в скале прорубают?

– Он может, – закивал Ахмед. – Абаназар – он такой. Чего построить – не к нему, а разрушить, снести, сровнять с землей...

– Ну, хватит разглагольствовать. Нужно искать пещеру.

– Мне кажется, – Ахмед не совсем уверенно ткнул пальцем в сторону среднего прохода, – нам туда.

– Ты уверен?

– Нет, но оттуда тянет пылью.

– Похоже, на этот раз ты прав. Молодчина! – Максим

хлопнул Ахмеда по плечу, и тот повеселел, незаметно потирая зашибленную руку. – Пошли скорее, пока пыль не осела.

– Да, нужно поспешить. – Ахмед повел плечом и торопливо засеменял следом за Максимом. – Шеф, а что вы собираетесь делать, когда мы найдем пещеру и Абаназара?

– Хороший вопрос, Ахмед, – не останавливаясь, бросил через плечо Максим, – но об этом я еще не думал.

– Как? У вас нет никакого плана?

– Будем действовать по обстоятельствам.

Ахмед замолк, пытаясь сообразить, что значит, по обстоятельствам: они будут бить или их? Но, не придя ни к чему, отмахнулся от пустых размышлений. В конце концов, чему быть – того не миновать. Бывший разбойник уже давно свикся с мыслью, что с шефом спорить бесполезно, только лишние неприятности себе на голову.

Максим тоже размышлял, спеша вперед и отплевываясь от кружащей в воздухе пыли: действительно, а что он будет делать, когда они выйдут к пещере? Даст по башке гнойному прыщу Абаназару – и конец истории? Впрочем, у Максима никогда не поднимется рука на человека, тем более на старика. А все же, как хорошо было бы решить все проблемы одним взмахом руки. Или лучше дубины. И мир вздохнул бы с глубоким облегчением.

Зайдя за очередной поворот ущелья, Максим внезапно остановился, и Ахмед налетел на него, ойкнув, но Максим никак не отреагировал. Зрелище, открывшееся его глазам,

завораживало и пугало одновременно: справа – доходной старикашка Абаназар; слева – зев пещеры, по бокам которого стояли два черных, словно смоль, огромных мужика с саблями, длиною в рост человека на богатырских плечах. Мужики, выпятив нижние челюсти, недобро взирали на колдуну, тот – на мужиков, с каким-то непонятным вызовом, жгучим презрением и плохо скрываемым страхом одновременно.

– Ахмед, – Максим облизнул враз пересохшие губы и потянулся к тыкве с водой, – скажи, кто они?

– Где? – Ахмед подлез под руку Максима и повел носом из-под локтя. – Ах, это! Обычные ифриты.

– Кто?!

– Ифриты. Они охраняют пещеру. Не пойму, чего вы так испугались. Вы что, ифритов никогда не видели?

– А ты видел скульптуры Церетели?

– Н-нет, – поежился Ахмед. – И знаете, как-то не очень хочется.

– Мда... И что делать будем?

– Не знаю, шеф. Но нас они не тронут, если вы только в пещеру не надумаете лезть.

– И в мыслях не было. А ты уверен? Насчет не тронут, я имею в виду?

– Шеф, – Ахмед посмотрел на Максима, словно на идиота, но, припомнив динозавров и какую-то неведомую «церетелю», вновь принял раболепный вид, – они охраняют пещеру.

На все остальное им глыбоко на... в смысле, испражняться до потери сознания.

Максим скосил глаза на Ахмеда.

– Что? – сделал тот невинное лицо.

– Да нет, ничего. – Максим прислонился к скале спиной и почесал взопревшую макушку.

– И? – Ахмед притоптывал на месте от нетерпения, будто ему не терпелось сбегать по нужде.

– Не мельтеши, я думаю.

– Да чего тут думать? – подскочил Ахмед. – Бежим, кричим, даем по кумпалу долбанному Кио и радуемся.

– Ахмед, ты давно лягушкой не был? Или курицей?

– Полагаете, он успеет? – Ахмед стянул с головы тубетею и нервно завертел ее в руках, потом отер ей потное лицо и водрузил на место.

– Возможно, и нет, а если да?

– Значит, не повезло, – пожал плечами Ахмед.

– Ты фаталист, Ахмед.

– Я такой! А кто это, шеф?

– Человек, которому только бы испражняться до потери сознания, что бы с ним ни случилось.

– Ага, да... Нет, почему!

– Не знаю, Ахмед, – тяжело вздохнул Максим и, подтянув штаны, вышел на открытое пространство. – Иди за мной, только как мышь.

– Понял, шеф! – обрадовался Ахмед. – Мы подкрадыва-

емся к нему и...

– Легонько хлопаем по плечу и здороваемся, как делают воспитанные люди.

– Вы серьезно? – Лицо у Ахмеда вытянулось.

– Серьезнее не бывает. Пошли. И тихо мне! – Максим погрозил Ахмеду пальцем.

– А почему тихо?

– Хочу сделать ему сюрприз. Все, молчим!

– А, понял! Да молчу я, молчу. – Ахмед приложил палец к губам и действительно замолк под гневным взглядом своего патрона.

Если ифриты с высоты своего немалого роста и заметили двух крадущихся людей, в чем не приходилось сомневаться, то не подали виду. То ли им было банально наплевать на еще двух муравьев, копошащихся у их ног, то ли стало интересно, чем все закончится. Ведь, согласитесь, караулить колдуна – развлечение не из особо увлекательных.

Гулкое, мощное дыхание ифритов, от которого то и дело с земли поднимались облачка пыли, скрадывало шуршание щебня под ногами Максима и его друга, и те незамеченными подобрались к Абаназару со спины.

Колдун меж тем был полностью поглощен обкусыванием ногтей на пальцах обеих рук. Он подслеповато вглядывался прищуренными глазами в темноту, царившую в пещере, не появится ли Ала ад-Дин. Чего только стоило ему невыносимое ожидание! Нервы колдуна были на пределе. Изредка он

зачем-то взмахивал руками, словно отгонял приставучих насекомых, или начинал подпрыгивать и раскачиваться из стороны в сторону, закатывая глаза – вероятно, грезил наяву.

– Здоров, Хоттабыч! – Максим опустил ладонь на плечо Абаназара и легонько сжал его. В душе он надеялся, что старого колдуна хватит апоплексический удар, и эпопея с освобождением джиннов закончится сама собой. Однако колдун оказался все еще силен телом.

– А-а-а! – крутнувшись, Абаназар вырвался, взмахнул руками и рванул, не разбирая дороги, напрямиком к пещере.

Ифриты напряглись, но не двинулись с места.

– Чего это он? – задумчиво спросил Ахмед, заломив тюрбетейку.

Максим только плечами пожал.

– А-а-а! – Абаназар меж тем на всех парах приближался к пещере.

Ифриты скинули с плеч сабли и чуть прогнули спины, приготовившись отразить неожиданную атаку. На их непроницаемых лицах отпечатался след глубокой озадаченности и полного непонимания происходящего. Ведь какой человек в здравом уме и трезвом рассудке рискнет с голыми руками бросаться на ифрита? Да с любыми руками. Тем более на двух ифритов.

Но колдун, похоже, решил рискнуть, и это настораживало неустрашимых стражей пещеры.

– Видать, неплохо его переключило, а, шеф? – хохотнул

Ахмед.

– Похоже на то.

– Сейчас эти церетели изрубят его на шашлык, и все будет на мази.

– Ты думаешь? – усомнился Максим.

– А-а-а! – Колдун уже был совсем рядом с пещерой, и левый ифрит саданул саблей прямо перед носом очумевшего колдуна.

– Стой!

– Ай! – Абаназар, едва не налетев на широкое лезвие, ша-
рахнулся от своего искаженного отражения и заметался у са-
мых ног ифритов.

– И-и-эх!

Сабля правого ифрита со свистом рассекла воздух и вре-
залась в оружие своего собрата. Во все стороны посыпались
искры. Абаназар каким-то чудом увернулся и от нее, но сноп
искр попал на его балахон, и по материи побежали веселые
огоньки.

– Ой! Ай! Горячо! – завопил колдун пуще прежнего, на-
матывая круги. – Помогите! Кто-нибудь!

– Не зарубят, так изжарится, – заметил между тем Ахмед,
сложив руки на груди. – А может, и то и другое разом.

– Спасать надо старого дурака, – покачал головой Мак-
сим.

– Зачем? – уставился на него Ахмед глазами, полными
непонимания.

– Так ведь живой же человек!

– Кто?

– Он!

– Шеф, вы в своем уме? Это же черный колдун. Может, самый черный из всех. Посмотрите сами! – показал обеими руками Ахмед на мечущегося меж мелькающих сабель старикашку, объятую пламенем.

– А-а-а!

– Нет, я не могу стоять и ждать, когда ему сделают твой любимый «фсить»! В конце концов, он из-за нас сорвался.

– Да вы что?! – всерьез испугался Ахмед. – Вы будете помогать этому злобному плешивому верблюду? Нет, я не позволю! А вдруг вас ифриты случайно, по запарке, зарубят?

– Э, невелика потеря, – отмахнулся Максим, зачем-то закатывая рукава. Он все прикидывал, как лучше вытащить слетевшего с катушек колдуна из-под ударов сабель.

– Нет!!! Не пущу! – воскликнул Ахмед, вцепившись в рубаху Максима.

– Отстань! – дернулся тот, но Ахмед лишь упал на колени, и Максиму пришлось напрячь ноги, чтобы сдвинуться с места. – Да отпусти ты, кому говорят! Слышишь?

– Не пущу! – Волочащийся сзади Ахмед попытался обхватить Максима руками за ноги, но тот отпрыгнул и побежал к пещере. – Постойте, шеф! Куда вы? А я? Э-эх, ну что с ним поделаешь.

Ахмед саданул кулаком по земле и, вскочив, бросился

вдогонку за Максимом.

– А-а-а! – Колдун между тем увернулся от очередного удара клинка, споткнулся о так неудачно подвернувшийся под ногу камень и плашмя растянулся на земле.

– Ага-а, попался! – радостно зарычал левый ифрит, вскидывая саблю.

– Остановитесь! – подбежавший в этот самый момент Максим, заслонил собой Абаназара и вскинул руку.

Сабля застыла вместе с ифритом, рука великана медленно опустилась.

– Что тебе нужно, смертный?

– Его жизнь!

Колдун в пылающей одежде, поскуливая, попытался отползти в сторону, но Максим остановил его, поставив на спину ногу.

– Зачем она тебе?

– А тебе?

– Хм, – задумался ифрит. – Ладно, забирай. Он нам без надобности.

– Благодарю тебя, о ифрит! – выкрикнул Максим, склонился над колдуном и рывком сорвал с Абаназара полыхающие балахон и жилетку. – Вот и все.

Тщедушное тельце колдуна, облаченное в чувяки и подобие матерчатого памперса, дернулось и затихло, вытянувшись на горячей земле. Колдун издал вздох облегчения.

– Издох! – обрадованно воскликнул подоспевший к самой

развязке Ахмед.

– Ага, щас! Размечтался, – хмыкнул Максим. – Релаксирует он.

– Чего?

– Отходняк у него, понял?

– Так бы сразу и сказали. И где вы только заумные словечки берете? – Ахмед легонько пихнул колдуна носком чувяка в тощую ногу. – А может, он все-таки?..

– О-о-о! – застонал Абаназар.

– Нет, живой, гад! – сквозь зубы процедил Ахмед. – Шелвится, чмо базарное.

– Болотное, – машинально поправил Максим.

– Во-во! Ух, я тебя! – замахнулся на колдуна бывший разбойник.

– Ахмед, завязывал бы ты со своей кровожадностью, а? И со сленгом тоже.

– Вы просто не знаете, сколько крови этот гад из меня выпил. У-у, морда колдунская! – замахнулся Ахмед.

– Колдовская.

– Один хрен! – выпалил Ахмед и отвернулся, изображая презрительное безразличие к персоне своего бывшего хозяина.

– Не знаю я никакой тайны, – пробормотал Абаназар, тяжело приподнялся на руках и обвел мутным взглядом присутствующих. – А-а, это вы... Вы! Ты, гнусный бледный безгорбый верблюд, разрушитель домов, и ты – паршивый нера-

дивый шакал.

– Вот она, благодарность, видели? – Ахмед, не оборачиваясь, указал рукой на стоящего на четвереньках колдуна. – Мы его от смерти неминуемой спасли, а он!

– Ах ты...

– Потихонечко, дедуль, – криво усмехнулся Максим, засовывая руки в карманы штанов. – Мы тебя как-никак из огня вытащили и от меча спасли.

– Ты, это ты...

– Как вы точно подметили, почтеннейший.

– Это был ты – белый ангел! – Абаназар резво вскочил на ноги, придержав сползающие самодельные трусы. – А вот он – черный. Я вас по голосам узнал!

– Ну, откровенно говоря, да, – засмутился Максим. – Ну, пошутили, чего уж там?

– Я вас... я вас... – запыхтел от нахлынувшей злобы Абаназар, раздуваясь и краснея.

– Так, обойдемся без угроз. Мы с тобой культурно, а ты что, хамить? К тому же я поручился за тебя, старче, перед этими двумя, так что ты, павлин-мавлин, не больно-то хвост распушай.

– Ага, а то ифрит-мифрит «фсить» сделает, – поддакнул Ахмед, чиркнув пальцами по горлу.

– Э... – Абаназар задрал голову, перехватил недобрый взгляд ифритов и мгновенно стих. – Хорошо, – принялся он умывать руки, – не будем горячиться.

– Не будем, – согласился Максим.

– Вот и отлично, – натянуто улыбнулся Абаназар. Левая щека у него заметно подергивалась. – А теперь говорите, чего вам от меня надо?

– А правда, что нам от него надо, шеф? – Ахмед нахмурил брови, будто пытался что-то припомнить.

– Лампу! – требовательно протянул раскрытую ладонь Максим.

– Лампу? Какую еще лампу? – Абаназар состряпал удивленную, с изрядной долей наивности физиономию.

– Лампу! – призывно дернул рукой Максим, добавив металла в голос.

– Нет у меня никакой лампы! – взорвался Абаназар. – Нет и не будет!

– Врет, – скривил губы Ахмед.

– Не вру! Я забыл сказать этому... как его?

– Ала ад-Дину, – охотно подсказал Максим, догадавшись о причине заминки.

– Да-да, Ала ад-Дину, моему дорогому племяннику, – вновь оживился Абаназар, – что он должен взять в пещере именно лампу.

– И? – продолжал давить Максим.

– И ничего, – развел колдун руками. На изменчивом, подвижном лице колдуна отразились неподдельные печаль и разочарование. – Теперь одна надежда, вдруг он сам догадается, что следует брать.

– Ясно. – Максим опустил руку. – Нужно идти самим.

– Куда? Туда? – Ахмед дрожащим пальцем указал на пещеру.

– Туда, куда же еще?

– Но... – Ахмед боязливо покосился на ифритов.

– Мы, конечно, не Ала ад-Дины, но и далеко не колдуны, – заметил Максим.

– Совсем далеко, шеф. И все же...

– Эй, – крикнул Максим, обернувшись к левому ифриту. –

Вы пропустите меня с другом?

– Зачем тебе это, смертный?

– Нужно.

– Всем нужно.

– А мне особенно.

– Всем особенно, – зевнул ифрит.

– Да что ты заладил: всем да всем? Миссия у меня, но о ней я могу сказать тебе только лично, на ушко.

– Любопытно, – заинтересовался ифрит и начал нагибаться, но чтобы Максим смог дотянуться до его уха, гиганту пришлось встать на корточки и пригнуть голову к самой земле. – Говори же! – рявкнул ифрит, когда огромное волосатое ухо замерло на уровне головы Максима.

– Я от Каззана, – прошептал Максим, прикрыв губы ладонями.

Абаназар выставил ухо, пытаясь расслышать произнесенное, но, судя по его кислому, крайне разочарованному виду,

не услышал ни слова.

– От какого еще казана? – Лохматые смоляные брови ифрита недовольно заходили ходуном.

– Тиш-ше ты! – зашипел Максим. Из уха невыносимо несло серой и еще чем-то неприятным, но приходилось терпеть. – Да не от казана, а от Каззана, который с двумя «з».

– Ха, от бестолкового неудачника? Так бы сразу и сказал. Но извини, смертный, он мне не указ.

– Как? – Максим замер, оглушенный подобным поворотом событий.

– А вот так! – Ифрит выпрямился и опять водрузил саблю на плечо.

– И что же нам теперь делать? – как-то уж слишком наивно спросил Максим.

– Не знаю, но ты можешь пройти, и твой друг – он же твой друг, не так ли? – тоже может. Вы достойны этого.

– С чего вдруг? – Максим понял, что медленно косеет.

– Я так решил – то моя работа, решать, кто может войти в пещеру, а кто нет. А ты забавный и безобидный, хотя и странный.

– Так чего же ты мне мозги крутил, стоеросина эбонитовая? – взорвался Максим. – Зачем да почему?

– Работа такая, – повторил ифрит, усмехнувшись. – Да и скучно у нас, одни колдунишки и шастают.

– Мы те кто, шуты? Балаганные клоуны, чтоб тебя здесь развлекать? Торопунька и Штепсель? Да погоди ты! – дернул

рукой Максим, зверея, и выдернул рукав, за который его настойчиво дергал Ахмед. – Да я с тобой ща такое сотворю – мама родная удивится. Да я тебя... Отстань, говорю! Не видишь, с человеком разговариваю. Я те, орел когтистый, ща такой маникюр забацаю. Каланча ходячая, бычара ты окольцованный... Ахмед, ты меня уже достал, за рукав дергать! Чего тебе надо?

– Шеф, он вообще-то ифрит, если вы не забыли, – зашептал спавший с лица Ахмед.

– Да мне пофиг, нефрит он или... упс! – опомнился Максим, чуть присев от раскатов грома среди ясного неба. Оба ифрита хохотали, держась за животы с выпуклыми пупками. Вздрагивали скалы, на головы людей то и дело сыпались мелкие камушки.

– Ох, насмешил, смертный! Ну, уморил! Ха, ха-ха.

– Ну вот, я же говорил: Торопунька и Штепсель, – пробормотал оглушенный Максим.

– Пр-роходите, пока мы животы не надорвали, – скомандовал правый ифрит, утирая навернувшиеся на глаза слезы. – Бу-га-га!

– Э-э, благодарю, – зачем-то поклонился Максим и они с Ахмедом проворно прошмыгнули меж двух гигантов.

– А я, а как же я? – Абаназар обиженно потыкал пальцами в костлявую грудь.

– А ты, колдунишка, обожди здесь. А хочешь, можешь поразвлечь нас.

– Поразвлечь? – насупился Абаназар.

– Мы тебя опять саблями погоняем.

– Да чтоб вы сквозь землю провалились, иблисовы отродья! Тьфу на вас!

Абаназар подтянул упорно сползающую набедренную повязку и с гордым видом удалился на приличное расстояние, шлепая чуть большеватыми чувяками и шепча проклятия в адрес ифритов, Ала ад-Дина и двух вертких проходимцев, раздевших его, лишивших родного прибежища и надсмеявшихся над ним – дважды. Ну, он им еще покажет, как измыться над великим колдуном! Обязательно покажет!..

– Стойте! – спохватился колдун, резко выбросив руку в сторону пещеры в просящем жесте. – Я забыл сказать, чтоб вы передали...

– Цыц, смертный! – погрозил саблей левый ифрит.

– Вот так всегда, – проворчал Абаназар и опустил на крупный валун, от безысходности повесив ручки и голову. – Не везет так не везет.

– Дочь наша, Будур! – Султан походкой рыси, готовящейся к нападению, вплыл в покои принцессы через поспешно распахнутые слугами двери. – Мы уже не сердимся на тебя.

– Зато я сержусь на вас, отец, – отозвалась принцесса, скинув с колен персидского кота.

Кот недовольно повел усами, вздыбил шерсть на загривке, вскинул хвост трубой и забрался под широкое ложе принцес-

сы. Сердился ли он на султана, как и его хозяйка – непонятно, но что от того ждать ничего хорошего не приходилось, кот знал определенно.

– Да за что же, дочь наша? – всплеснул руками султан.

– Вы опять закрыли воду в фонтане, о мои несчастные золотые рыбки.

– Ах, это! – махнул пухлой ручкой султан и растянул рот в снисходительной улыбке. – Какие, право, пустяки. Эй, кто там? Живо пустите воду в фонтан.

Не прошло и минуты, как внутри фонтана забулькало, заклокотало, словно кто-то усиленно прочищал горло, и ввысь ударили тугие струи воды. Достигнув своей наивысшей точки, струи надломились и рассыпались тысячами хрустальных, искрящихся осколков. Рыбки весело закружили в застоялой воде, ловя ртами пузыри.

– Что-нибудь еще, дочь наша? – добродушно поинтересовался султан.

– Да, отец. Я хочу замуж.

– Достойное желание, – удовлетворенно покачал головой султан. – Так мы же для того и прибыли к тебе, и рады сообщить, что нашли тебе достойного жениха.

– Что?! – Принцесса вскочила с постели, сверкнув глазами. – Вы опять? Опять, да? Мало вам кривого-косоного, так вы вновь собрались выдать меня замуж за какого-нибудь ново-явленного урода?

– Ну почему же сразу урода? – примирительно начал сул-

тан. – И вовсе он не урод. И не новый, а старый.

– Как – старый? Опять? – Будур широко распахнула глаза. – Да вы что, отец!

– Нет-нет, мы хотели сказать, что он тебе хорошо знаком, к тому же молод и знатен. Его имя...

– Нет, и слышать о нем не хочу! – Будур зажала уши ладонями и зажмурилась. – Я выйду замуж только за Ала ад-Дина.

– Ох, нам дурно. – Султан покачнулся, прикрыв глаза ладонью. – Нам совсем дурно, слышишь? Ты смерти нашей хочешь, да?

– Нет! Я хочу замуж за Ала ад-Дина.

– Ага! Значит, ты все-таки слышишь, – обрадовался султан. – Так вот, ни за какого нищего оборванца ты замуж не выйдешь – это тебе говорим мы – твой отец! Ты слышишь?

– Нет.

– Что – нет?

– Не слышу. И слышать не хочу.

– Ну знаешь!.. – Султан сжал кулаки. Драгоценные камни на его перстнях сверкнули в лучах заходящего солнца кровавым отблеском. – С тобой нельзя по-хорошему, дочь наша.

– Можно. Выдайте меня за Ала ад-Дина, и всем будет хорошо.

– Ни-ког-да! – отрезал султан, случайно наотмашь заехав кулаком по дорогой китайской вазе, и та разлетелась тысячу мельчайших осколков тончайшего фарфора. – Ай-яй, –

опечаленно покачал головой султан, – смотри, что ты натворила, негодная девчонка.

– Разве я ее разбила? – Принцесса уставилась на отца. – Это ведь вы, отец, кулаками машете, а не я.

– Ну, хватит. – Султан прикрыл глаза и расслабленно опустил плечи, стараясь подавить в себе все нарастающий гнев. – Ты выйдешь замуж за Нури аль Рашида, сына нашего главного визиря. Взгляни на него – горный орел, а не мужчина! – указал за спину султан.

Стоявший позади султана главный визирь смиренно, словно китайский болванчик, качал головой в знак согласия. Справа от него «орел» задумчиво ковырял в носу и вожде-ленно пускал слюни. Мысль о женитьбе на принцессе всецело завладела разумом Нури, но чувствительный от отца тычок локтем в бок привел молодого человека на время в чувство – палец пришлось вынуть, а слюни утереть рукавом.

– Что-о?! – задохнулась от ярости Будур. – За этого слюнявого, напыщенного осла?

– Ты, верно, хотела сказать, орла, – поправил султан.

– Осла, именно осла, отец.

– Не перечь нам! – взорвался султан, тряся пальцем.

– А вы не кричите на меня!

– Это ты кричишь! – Лицо султана начала багроветь.

– Я не кричу!

– Кричишь!

– Нет!

– Да!!!

– Ах, так? Вот вам! – Принцесса схватила подушечку и запустила ей в султана.

Султан, считавший недостойным себя увертываться от атласных подушек, пущенных рукой сварливой девчонки, стойко принял удар в лицо. Перья взвились в воздух, и султан сплошь покрылся ими, став похожим на растрепанного упитанного гуся, но величественного вида не потерял.

– Мгм? – задумчиво произнес султан, и к нему тут же сбегалась застывшая в ужасе прислуга и принялась бережно, перышко за перышком, «общипывать» султана. Ждать пришлось довольно долго, но султану торопиться было некуда; Будур – тем более. Когда наконец с монаршей особы было снято последнее перо, султан пожевал губами, грозно свел на переносицы тяжелые брови, а слуга деловито поправил чуть сбившуюся набок чалму.

– Глупо, дочь наша. Очень глупо. Но ты все равно выйдешь замуж за слюнявого ишака...

– Осла, отец, – поправила Будур. – Я сказала, осла.

– Да, конечно, – пробормотал султан рассеянно. – Постой, какого еще осла?! Зачем ты нас путаешь? Мы хотели сказать, за нашего орла Нури, а не какого-то там ишака!

– Осла, отец!

– За Нури ибн Юсуфа аль Рашида – славного сына достойнейшего человека (после нас, разумеется), – закончил султан, не слушая возражений дочери.

– Вот твоему славному и достойнейшему ослу! – И вторая подушечка впечаталась в физиономию улыбочивого и мечтательного отпрыска главного визиря.

Вновь в воздух взлетели перья, но султан, дабы исключить совершенно ненужную задержку на очередную чистку, вовремя, хотя и степенно, отступил на пару шагов в сторону, так что перья облепили исключительно визиря и его сына, однако на этот раз никто из прислуги не поспешил на помощь.

– Да восславится наша принцесса, – завопил главный визирь, не желая терять лица. Он вскинул руки, попутно отвесив сыну подзатыльник, чтобы тот не забыл поклониться, – за оказанное внимание к нашим... пф-ф, – визирь попытался сдуть досаждавшее ему перо, приставшее к кончику носу, – скромным особам, самолично отметившая нас... пф-ф, пф-ф... знаком величайшего внима-а-апчхи!.. О луноликая дочь солнцеподобного султана-апчхи!

Перья вновь взвились в воздух. Нури удивленно разинул рот и принялся ловить их пальцами, но визирь пнул сына в сапог, и Нури вновь сложил лапки на пузе, продолжая следить одними глазами за кружащимися перед его носом перьями.

– Да, – поставил жирную точку султан.

– Нет! – топнула ножкой Будур.

– Пустой разговор, дочь наша. Готовься к свадьбе.

Султан развернулся и чинно направился к распахнувшимся-

ся при его приближении дверям. Главный визирь с сыном, непрестанно кланяясь и чихая, засеменяли за султаном.

– У-у, проклятый ишак... – потрясла руками Будур, и по комнате разлился перезвон серебряных и золотых наручных браслетов. – Или осел? Ну вот, совсем меня отец запутал. Ненавижу, тьфу! Как же сказал тот незнакомец?.. Вспомни-ла! Чувырла ископаемая, вот! – Принцесса показала закрывшимся дверям язык, упала на постель и залилась горячими слезами.

Глава 12. На все воля Аллаха!

Ала ад-Дин порядком умаялся и давно потерял счет времени, без толку бродя по бесконечным хитросплетениям коридоров. То ли он где-то не там свернул, то ли не заметил указателя, хотя ни одного из них, пусть даже самой примитивной метки на стене Ала ад-Дин за время своих скитаний не видел.

– Все, пропал я, – уныло всплеснул руками Ала ад-Дин. – Заблудился. И чего меня только понесло в эту проклятую пещеру! А все «дядя», чтоб его шайтан пожрал вместе с потрохами!

Юноша огляделся по сторонам: стены, стены, ничего, кроме стен – аккуратно выдолбленные, отшлифованные до матового блеска – ни единого бугорка, ни выбоинки. И еще бесконечные коридоры.

– Эгей! – позвал Ала ад-Дин, сложив ладони рупором. – Кто-нибудь?

Прислушался.

Где-то тихонько капала вода, тянуло сыростью и затхлостью. В одном из проходов что-то пугающе шуршало – туда идти совсем не хотелось. Честно говоря, уже вообще не было желания куда-либо идти, только бы выбраться отсюда поскорее.

– Эге-гей!

Эхо забилося, заскакало по тесному коридору.

– И совсем незачем так кричать, – неожиданно раздалось за спиной юноши.

Ала ад-Дин подпрыгнул от неожиданности и поспешно обернулся.

– Ох, это вы! – обрадовался он. – Как хорошо! Вы, кажется, торговец лампами, а вы... нет, молчите, я сейчас вспомню, – Ала ад-Дин в задумчивости пощелкал пальцами, уставившись в потолок. – У вас такое странное имя было... Беф, Меф... Шеф! Ну конечно же, Шеф!

– Это не имя, а должность, вроде визиря, – поправил Максим.

– Визи-ирь, – недоверчиво протянул Ала ад-Дин. – А не врете?

– Шоб мне сдохнуть, – ответил за Максима Ахмед. – Век воли не видать. Круто, да?

– Ага, – на всякий случай согласился Ала ад-Дин, хотя не совсем понял сказанного Ахмедом. – А вы здесь откуда?

– Да вот, гуляем, осматриваем достопримечательности. Типа, экскурсия.

– Экс... что?

– Познавательная прогулка. А ты чего тут кричишь?

– Я заблудился, – Ала ад-Дин повесил нос.

– Вот балда! – хмыкнул Максим. – Карту читать надо.

– Какую еще карту?

– Обычную, к стене у входа приколочена.

– Я ее не заметил.

– Не заметил, – передразнил Ахмед. – Лопух ты молодой, неотесанный.

– Лопух, – без особой охоты согласился Ала ад-Дин. – Значит, пойдем назад?

– Зачем? – удивился Максим.

– Ну как же! Вы ведь сами сказали, что там карта висит.

– Уже не висит, – усмехнулся Максим и достал из заднего кармана брюк объемистый кожаный сверток.

– Вы что, украли ее? – ужаснулся Ала ад-Дин.

– Да ты что?! Ты за кого нас принимаешь? – выпучил глаза Ахмед и рванулся было к юноше, но Максим придержал друга за плечо.

– погоди, Ахмед. Никто ничего не крал, понятно? Мы взяли ее во временное пользование.

– Как-как?

– Очень просто, – терпеливо продолжал объяснения Максим, – попользуемся и вернем на место. Или ты предлагаешь бегать каждый раз назад, когда нам понадобится узнать, где мы находимся или куда следует идти?

– Не предлагаю, но чужое брать нехорошо.

– Эх ты, лапоть зеленый, – усмехнулся Ахмед, – а для чего ее там повесили? Для красоты, да?

– Ну-у. – Ала ад-Дин сдвинул тюбетейку на лоб и почесал затылок.

– Вот тебе и «ну».

– Все, пошли, – прервал пустые разговоры Максим.

– На выход? – с надеждой спросил Ала ад-Дин.

– Разве ты все уже здесь видел?

– Я видел вполне достаточно, – буркнул юноша.

– А мы вот только пришли. Но ты, если хочешь, можешь, конечно, идти на выход. Значит, запоминай. – Максим повертел карту так и сяк, пытаясь сориентироваться, потом повел по ней пальцем, комментируя: – Пойдешь прямо, затем направо, на развилке свернешь влево... нет, лучше прямо, иначе приличный крюк придется давать. Потом налево, направо, опять налево, во второй проход, а там уж – как бог пошлет. Все запомнил?

– Э-э... – неуверенно похлопал глазами Ала ад-Дин. – Знаете, уважаемые, я лучше с вами пройду. Тем более я еще вещь не взял для дяди.

– Какую такую вещь? – заинтересовался Ахмед.

– Ну такую... Не знаю какую. Он мне не сказал – опять забыл, наверное.

– Во, точно лопух, – хлопнул по ляжкам Ахмед. – Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что.

Ала ад-Дин надулся и обиженно засопел.

– Ахмед, завязывай уже с приколами. Он-то здесь при чем? – Максим дружески приобнял Ала ад-Дина за плечи и повел вперед. – Не обращай на Ахмеда внимания, он сегодня просто не в духе. Значит, говоришь, дядя просил взять вещь, а какую – не сказал?

– Все именно так и было, – нехотя отозвался юноша, шумно шаркая чувяками по гранитному полу.

– А зачем «дяде» понадобилась вещь?

– Этого он мне тоже не сказал. Только обещал, что поможет жениться на принцессе Будур.

– Ха, валенок хохломской! – донеслось сзади.

Ала ад-Дин поджал губы и ничего не ответил.

– Знаешь, вот сейчас Ахмед в чем-то прав. Хороший ты парень, но слишком уж доверчивый.

– Почему? – набычился Ала ад-Дин, сбросив руку Максима с плеча и чуть отстранившись.

– Врет он, твой дядя, – вздохнул Максим.

– Но он поручился своей бородой! – воскликнул Ала ад-Дин.

– Ты, главное, не нервничай, но борода старого пройдохи не стоит и ломаного гроша.

– Однако когда я ее выдеру!.. – начал было Ала ад-Дин, яростно сжав кулаки.

– Если успеешь, – хихикнул Ахмед.

– Что ты хочешь сказать? – быстро обернулся Ала ад-Дин, окатив Ахмеда ледяным взглядом.

– Не кипятись. Он хочет сказать, что раньше колдун тебя в какую-нибудь противную бяку обратит, и будешь ты у нас «не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка», – охотно пояснил Максим и кивнул в сторону друга, – Вон, у Ахмеда спроси. Он у Абаназара слугой был, таких ужасов насмот-

релся.

– О-о-о! – застонал Ахмед, закатывая глаза и кривя нижнюю челюсть.

– Видишь, это у него после пережитого. Насилу ноги унес, до сих пор никак отойти не может.

Ала ад-Дина передернуло. Он опустил руки и разжал кулаки.

– Вы правду говорите?

– А зачем нам врать? Но ты, главное, не дрейф – все обойдется. – Максим ободряюще хлопнул Ала ад-Дина ладонью по спине.

– Да, но что я ему скажу, когда мы вернемся?

– За это не переживай. Найдем мы твою вещь.

– Знать бы еще, какую, – повесил голову Ала ад-Дин.

– Разберемся! – заверил Максим. – Пошли, нечего впустую здесь торчать. «Вставайте, граф. Вас ждут великие дела!»

– Граф? Кто такой «граф»?

– Разве так важно? Главное, они вас ждут.

– Да, да, – согласился юноша и тяжело вздохнул. – Если на то будет воля всевышнего!

На горы опускался вечер. Солнце устало скатывалось с небосвода, уже лишь самый краешек скалы был окрашен в предзакатные цвета, но звезд пока не было видно. Становилось прохладно, хотя от разогретых за день скал еще и веяло

теплом.

Полная любопытная луна заглядывала в ущелье лишь одним глазком – весь ее лик не помещался в узкий зигзагообразный зазор скального разлома. Абаназар, то и дело вздрагивая от порывов прохладного ветерка, гуляющего по ущелью, презрительно и даже зло косился на луну, но взгляды колдуна ее нисколько не смущали – ей-то уж точно бояться Абаназара не стоило.

Но за Абаназаром наблюдала не только она.

Два огромных ифрита, не ведая усталости, стояли на своем боевом посту и поедали глазами несчастного обездоленного колдуна. Время для них не имело значения, чего нельзя было сказать о Абаназаре.

Колдуну было неудобно сидеть на жестком камне. Тело давно затекло, а надвигающийся холод пробирал щуплого старика до самых костей, к тому же ужасно хотелось есть и пить. Пить хотелось больше, но воды, колдун знал точно, нигде поблизости не было.

И тут, как назло, правый из ифритов вынул из-за спины огромную лепешку, политую медом. Аромат еды волнами поплыл вокруг, стелясь по самой земле, и быстро достиг ноздрей Абаназара. Колдун дернул носом, втянул воздух, и от непередаваемо-пленительно аромата свежее испеченного хлеба у Абаназара закружилась голова, свело челюсти, а в животе гулко заурчало. Между тем ифрит неторопливо, словно издеваясь над голодным колдуном, разломил лепеш-

ку надвое и передал одну из половинок товарищу. Тот молча принял ее, и оба взялись кусать и жевать. Жевали они механически, без видимого аппетита, будто нехотя и из одной лишь необходимости.

– Эй вы! Дайте и мне кусочек, а? Ма-аленький, вот такой. – крикнул Абаназар и показал крошечный зазор меж двух пальцев.

– Нет! – лаконично отозвался левый ифрит и откусил сразу пятую часть лепешки, роняя липкие крошки на огромный живот.

– – Совсем крохотный кусочек. Жалко вам, что ли? – продолжал просяще гнусавить Абаназар.

– Нет! – ответил правый ифрит и откусил сразу половину от оставшегося в его руке куска.

– Я есть хочу, чтоб вас... – ударил кулаком по коленке Абаназар. – Ну, крошку, всего одну крошечку!

– Не положено. – Левый откусил больше половины и принялся смачно чавкать.

– Вот помру я здесь – будете знать! – пригрозил колдун.

– На все воля Аллаха! – последовал ответ правого ифрита и остатки лепешки исчезли в его огромном губастом рте. Ифрит неторопливо, с гулками «чпок» облизал пальцы один за другим, утер тыльной стороной ладони губы и довольно погладил пузо.

– Ы-ы-ы! – вскочил Абаназар и потряс над головой кулаками.

Левый ифрит на всякий случай побыстрее запихал в рот остатки сухпайка, и оба приготовились отразить возможное нападение озверевшего от голода колдуна. Но тот вдруг обмяк и опустился обратно на камень – в его памяти еще не стерся недавний кошмар, когда он едва не лишился жизни от острых сабель двух гигантов.

Ифриты расслабились. Правый прислонил оружие к стене, поднял невесть откуда появившийся в его руках невероятных размеров удлинённый кувшин и припал к нему губами. По щекам ифрита потекли бордовые струйки. У Абаназара еще больше закружилась голова, и он, стиснув зубы, отвернулся.

– Ух, хорошо! – сказал ифрит, вдоволь напившись, громоподобно рыгнул и передал кувшин своему товарищу.

И вся история повторилась точь-в-точь сызнова.

– Вы что, специально издеваетесь надо мной, гнусные иблисовы отродья? – не вытерпел Абаназар, вновь вскакивая с камня.

Второй ифрит вопросительно ткнул себя пальцем в грудь, потом указал на собрата и вновь на себя.

– Вы, оба! – выкрикнул Абаназар, сжимая и разжимая кулаки.

– Чего это он? – спросил левый ифрит у правого.

– Не знаю, брат, – ответил правый, пожав могучими плечами, и подхватил саблю. – Ты того, не очень, понял?

– Ах вы!..

– Но-но, – погрозил пальцем левый ифрит и кувшин с хлопком исчез из его рук, что для Абаназара оказалось последней каплей.

– А-а-а! – колдун бросился к ифриту. – Убью, разорву, разметаю! Гады, сволочи, живодеры!

Ни один из ифритов не успел толком ничего сообразить, как колдун в три прыжка оказался на ноге левого и впился в нее зубами.

– Ой-ей-ей! – взвыл ифрит, запрыгав на другой ноге и пытаясь стряхнуть прилипчивого колдуна. Правый продолжал стоять столбом, не зная, что здесь можно предпринять: мечом колдуна не сшибешь – еще ногу брату оттяпаешь, руками не сграбастаешь – слишком уж верток колдун, а заклинанием, так и вовсе брата к шайтану отправить можно. Да и возможно ли вообще сосредоточиться в такой суматохе.

Между тем левый ифрит, вертясь волчком, пытался прихлопнуть колдуна ладонью, но тот скакал по ноге гиганта, будто блоха по шкуре собаки, и то и дело вгрызался остатками зубов в ее плоть.

– Воды, дай мне воды! – вопил Абаназар, отплевываясь от жестких волос и грязи, которой ифрит зарос по самые уши. – Жрать хочу, а-а! Воды! Жрать!

– Да на, на, подавись! – пришел наконец в себя правый ифрит и поспешно отбросил подальше от себя наспех сотворенные им небольшую лепешку и медный кувшин. – Только оставь нас в покое, о проклятый изверг, пожиратель джин-

НОВ.

– Еда! – Абаназар соскочил с ноги ифрита и на четвереньках бросился к лепешке.

– Уф-ф. – Левый ифрит без сил прислонился к скале и придиричиво оглядел искусанную и исцарапанную, местами даже кровоточащую ногу. – Совсем озверел, шакал паршивый! Чуть ногу не отгрыз.

– И не говори, брат. Дикий он какой-то, – сказал второй ифрит.

– Да, мы недооценили его.

Как вы понимаете, подобные раны для ифритов – не ахти какое увечье, но то был колдун, и неизвестно еще, что он мог сотворить в приступе неконтролируемой ярости, добравшись до плоти ифрита, а потому необходимо было утратить бдительность.

– Ы-р-р, чавк, чавк, мням!

Колдун отрывал большие куски лепешки, запихивал их в рот и, почти не жуя (жевать-то все равно было особо нечем), заглатывал их и запивал кисловатым вином.

Два ифрита с благоговейным страхом поглядывали на Абаназара, сжимая обеими руками сабли и вздрагивая от каждого нового «чавк» и «ыр-р», издаваемых колдуном. А ну как не насытится?

Но все когда-нибудь заканчивается, закончилась и лепешка. Абаназар запихнул в рот последний кусок, покатал его в беззубом рте, насилу проглотил и уже основательно припал

к кувшину. Затем икнул, уронил пустой сосуд на землю и, привалившись спиной к камню, закрыл глаза. На его лице застыла блаженная сытая улыбка.

Оба ифрита едва слышно выдохнули. Гроза миновала, и теперь можно было немного расслабиться. Нет, такого напряженного дня у них еще ни разу не случилось за все время службы, да и вряд ли еще случится, хотя, разумеется, как знать.

– Нет, брат, ты как хочешь, – задумчиво произнес правый ифрит, вглядываясь в надвигающиеся сумерки, не шевельнется ли колдун, – а я пойду в ламповые джинны. И работа поспокойнее, и содержание получше.

– Ты прав, брат. Но день еще не закончился.

– Мне кажется, он вообще никогда не закончится.

– Хр-р-р! – донеслось из сгущающейся темноты.

Оба ифрита вздрогнули, переглянулись и, не сговариваясь, замолкли, сжав покрепче рукояти сабель и стараясь дышать как можно тише – а вдруг проснется, ведь пьяный колдун – это будет почище, чем голодный, и кому, как не ифритам было о том знать.

Ну и, разумеется, Аллаху, всемилостивейшему и милосердному. Но сегодня он к несчастным ифритам был почему-то особенно немилостив и немилосерден.

– Отец, вот вы где! – Принцесса Будур впорхнула в обеденную залу, где на подушках, в окружении множества вкус-

нейших яств, предаваясь трапезе, развалился султан.

– Дочь наша? Что случилось?

Султан застыл с поднятой рукой, не донеся до рта ножку индюшки, которую держал, как и полагается особам его положения, несколько брезгливо, двумя пальчиками.

Будур, пробежав через комнату, повисла на шее отца.

– О отец! Прошу вас, повремените со свадьбой.

– Что еще ты выдумала?

– Ничего, но я не совсем готова.

– Как так – не готова? – подивился султан, хотя после стольких лет общения с дочерью его сложно было чем-либо удивить, так разнообразна бывала принцесса.

– Очень просто, отец. – Будур опустила у ног султана, поджала под себя ноги и начала загибать пальчики. – Во-первых, мне нужны новые наряды.

– Это совсем не проблема. – Султан махнул лапкой с румяной корочкой, примериваясь, где бы от нее лучше откусить.

– Во-вторых, где мы будем жить?

– Разумеется, во дворце! Где же еще? – Султан начинал заметно нервничать, и ножка теперь казалась ему не такой аппетитной, как раньше.

– Да, но где конкретно?

– Э-э, дочь наша, – поморщился султан и бросил ножку обратно на блюдо. Есть расхотелось. – Зачем задавать нам такие каверзные вопросы, тем более когда мы изволим ку-

шать? Мы не можем сосредоточиться на еде.

– Да, но вопрос очень важный, согласитесь?

– Важный – неважный, – проворчал султан, повозившись на подушках. – Мы что-нибудь обязательно придумаем! У тебя все?

– Еще нет, отец. В-третьих, нужно заказать побольше слюнявчиков, платочков и... – продолжала загибать пальчики Будур.

– Дочь наша, мне кажется, ты несколько торопишься – когда еще появится наследник.

– Но это не для ребеночка, отец, а для моего будущего супруга! Вы видели, как у вашего орла слюни из клюва текут? А чем он пальцы будет вытирать, когда в носу поковыряет?

– Ты опять, да? Опять взялась нас изводить? – Султан в сердцах грохнул по серебряному блюду с лапками индюшек, и те весело заскакали по трапезной, радостно плещась в пролившемся из опрокинувшегося кувшина вине. – Смотри, что ты натворила, негодная! – досадливо вздохнул султан, указав на творящийся разгром. – О, мы несчастный отец.

– Но и это еще не все!

– Как?! – вскричал султан. – Тебе еще мало? Ты нашей смерти хочешь, да?

– Вовсе нет, отец. Я всего лишь хочу сходить перед свадьбой в баню.

– Э-э, неужели из-за такого пустяка нужно отвлекать своего больного, голодного отца в столь важный момент? Ска-

жи евноху, и он все подготовит. Как всегда. К тому же не ты ли каждый раз, когда мы тебя посылаем в баню, закатываешь нам очередную истерику? Не-ет, ты определенно что-то затеваешь, дочь наша. – Султан погрозил дочери жирным пальцем, прищурив левый глаз. – Определенно.

– Да как только вы могли обо мне такое подумать, отец! – вспыхнула Будур. – Может, я изменилась?

– Маловероятно. – Султан подозрительно взгляделся в честные глаза дочери, но не нашел в них ничего, кроме преданности и обожания. Ну, хотя бы каплю лукавства или искорку лжи. – Хорошо, мы позволяем тебе сходить в баню! Иди, дочь наша, – слабо махнул рукой султан, указывая на окончание аудиенции.

– О, спасибо, отец! – Будур вновь бросилась на шею отцу. – Я сейчас же прикажу евноху, чтобы приготовили баню в городе.

– Да-да, конечно. – Султан отломил кусок лепешки и потянулся к миске с кабобом, но рука повелителя правоверных вновь застыла на полпути. – Постой, что ты сказала? В каком еще городе?

– Разумеется, в вашем, отец. Я хочу помыться в городской бане.

– Ты с ума сошла! – схватился за голову султан. – Там же моются только грязные, вонючие простолюдины.

– Ну, положим, они не столь грязны и вонючи, как ваш орел.

– Какой еще орел? – возмущенно дернул ногой султан, и миска с нежнейшим кабобом отлетела к собакам, сидевшим в углу. Собаки, преисполненные неизгладимой благодарности, радостно накинулись на мясо. У султана задергалась щека. – При чем здесь какой-то орел?

– Не какой-то, а горный! Вы же сами говорили. – Будур широко развела в стороны руки и плавно повела ими.

– Ничего не понимаем!

– Ну, осел!

– Ах, ты про Нури! – наконец догадался султан. В голове его давно все перепуталась, и он уже плохо соображал, о чем вообще идет речь. – Ну да, от него немного пахнет. Но не сильно, может, совсем капельку.

– От него воняет, отец! Воняет, как от горного козла.

– Ты же говорила, орла? – уточнил султан.

– Нет! – Будур топнула ножкой, обутой в изящную туфельку. – Теперь именно козла!

– Ох, как мы от тебя устали, – покачал головой султан. – Так что же ты от нас хочешь? Чтобы я отправил в баню и его?

– Чтобы вы разрешили отправиться в баню мне, в городскую.

– Э, что за глупая блажь втемяшилась в твою прелестную головку, дочь наша? Зачем тебе сдалась какая-то дрянная баня в городе, когда у нас во дворце есть своя, хорошая, чистая, светлая?

– Не хочу чистую и светлую – хочу в городе! Иначе, я вам

обещаю, отец, никакой свадьбы не будет. – Будур сложила руки на груди и вздернула подбородок.

– Эй, кто там? – раздраженно гаркнул султан. Сил спорить с дочерью у него и вовсе не осталось.

– Да, мой повелитель, – возник на пороге трапезной евнух и застыл в низком поклоне.

– Вели подготовить городскую баню и разогнать там весь сброд. И чтобы ни одной рожи не было на улице, когда принцесса покинет пределы дворца!

– Будет исполнено, мой повелитель, – еще ниже склонился евнух и исчез, словно унесенный ветром.

– Теперь ты довольна? – Султан хмуро взглянул на дочь, перебирая пальцами край халата.

– О отец, благодарю! – Будур заскакала на месте, хлопая в ладоши.

– А теперь уйди, дочь наша, – застонал султан, пряча лицо в ладонях. – Дай нам спокойно насладиться послеобеденным отдыхом.

Счастливая Будур ускакала вприпрыжку прочь, а султан, глядя сквозь пальцы ей вслед, подумал вслух:

– Хотя какой к иблису отдых, если мы так и не поели? О Аллах, что мы тебе такого сделали, что ты покарал нас такой дочерью, скажи!

Но небеса, как водится, молчали.

Тишину в трапезной нарушало лишь чавканье и хрумка-нье собак, доедавших остатки прекрасного обеда, которого

султану в тот день не суждено было вкусить. Но, видно, такова была воля Аллаха.

Глава 13. Эм-Эн-Вэ-Вэ

От однообразия коридоров и поворотов у Ала ад-Дина уже порядком кружилась голова, а от долгой ходьбы гудели ноги. К тому же новые, неразношенные чужьяки натерли порядочные мозоли, так, что ступать было больно. Юноша уже не понимал, куда и зачем они идут, ведь столько на их пути уже попало разных закутков, где грудями были свалены драгоценные камни, переливающиеся игристым сиянием, сверкающие первозданным блеском золотые и серебряные монеты, кольца, серьги – массивные и совсем крохотные, – цепочки тонкой работы и цепи с крупными звеньями, на которые разве что собак сажать, дорогие чеканные шкапулки и прочее, и прочее. От подобного изобилия Ала ад-Дина уже мутило.

Ахмед же, напротив, каждый раз восторженно бросался к очередному хранилищу, откуда Максиму приходилось вытаскивать друга силой. И каждый раз Ахмед надувал губы и ворчал, выгребая из-за пазухи все, что ему удалось туда запрятать. Ала ад-Дин никак не мог взять в толк, что же ищет странный человек с необычным именем, если ему не нужны ни золото, ни серебро, ни драгоценные камни. Может, он действительно здесь на экс-кур-сии?

– Уважаемые, куда мы все-таки идем? – наконец спросил Ала ад-Дин, терпение которого иссякло окончательно.

– Никуда, – ответил Максим, разглядывая карту.

– Как... никуда? – опешил Ала ад-Дин. – Мы столько шли в... никуда?

– Вообще нет, мой простоватый друг. Мы никуда не идем, потому что уже пришли. Вернее, почти пришли.

Максим свернул карту, сунул ее в задний карман брюк и на очередной развилке свернул в левый проход, оказавшийся менее широким и с более низким сводом, чем прежние. Ала ад-Дину с Ахмедом даже пришлось несколько пригнуться.

– Почти? – переспросил Ала ад-Дин.

– Чего стоят несколько шагов после долгого пути?

– Многого, – буркнул Ала ад-Дин, послушно плетясь за Максимом. Нет, нужно было все-таки повернуть назад, и шайтан бы с колдуном и его вещью! Ах, как хотелось юноше сейчас оказаться дома на родной лежанке в тени яблони.

Узкий проход окончился внезапно, распахнувшись в сильно вытянутую комнату внушительных размеров, в которой не было ни одного прямого угла. Над входом в комнату голубоватым пламенем засияла надпись на арабском (что и понятно) и, чуть ниже, на русском (вероятно, специально для Максима): «КУНШТКАМЕРА. НАЧАЛО ЭКСПОЗИЦИИ».

Максим только плечами пожал: чего не бывает на сказочном Древнем Востоке.

Ахмед, хмуря лоб, пытался осмыслить и запомнить новые, явно имеющие некий тайный смысл слова – при случае

их можно будет где-нибудь ввернуть.

Ала ад-Дин долго шевелил губами, проговаривая про себя фразу, но, судя по его рассеянному виду, понял лишь одно слово – «начало». Арабский арабским, но слова-то далеко не такие древние! Поэтому, особо не утомляясь догадками, Ала ад-Дин заглянул в комнату – возможно, разгадка таинственной надписи крылась в самом помещении.

Комната выглядела, прямо скажем, не совсем обычно для волшебной пещеры. Вся она сплошь была уставлена ящиками с прозрачными стенками из теплого льда, какой Ала ад-Дину уже доводилось видеть в жутком сне о неведомой железной птице. Ящики были заняты всякой всячиной, лежащей на красных, синих и зеленых бархатистых полочках. И чего здесь только не было: потертая коническая шапка, выставленная зачем-то на всеобщий показ (может быть, ее носил какой-нибудь знатный человек?), сапоги с голенищами гармошкой (дурацкие, прямо скажем, сапоги), далеко не новая скатерть с необычной вышивкой в виде шара на ножках и с носиком (чего только не придумают!). И еще скатанный облезлый ковер, прислоненный к одному из ящиков – ему явно не нашлось почетного места (или то был обычный коврик для молитв?). Попадались и вовсе странные вещи, казавшиеся здесь абсолютно лишними: кривая деревянная клюка (эка невидаль!), тусклая медная монетка с зеленоватым налетом (еще и на подушечке!), маленькие пузырьки с мутной водичкой. И уж вовсе не понятно, что здесь делал обыкно-

венный ивовый пруттик.

В дальнем углу кто-то свалил грудой медные лампы. Еще одна, начищенная до блеска, стояла посреди комнаты на витой круглой подставке из золота.

– Ну, дела-а-а! – восхищенно выдохнул за спиной Ала ад-Дина Ахмед. – Чё за нафиг?

– Это не нафиг, выставка волшебных вещей, – ответил глубоким грустным голосом мужчина с осунувшимся лицом, сидевший на низком колченогом табурете слева. В руках, вернее, в руке и стальном когте, заменявшем ему вторую кисть, мужчина держал спицы и быстро-быстро перебирал ими. Из-под спиц неторопливо выходил шерстяной носок. Рядом на столике лежали уже несколько пар готовых носок и клубки разноцветной шерсти.

– Саид? – охнул Ахмед, перекрестившись. – Чур меня, чур!

Мужчина, вздрогнув, замер в напряженной позе. Спицы перестали стучать, и одна выпала из его руки – вторая оказалась надежно примотанной к крюку, и потому никуда не делась. Он медленно, словно не веря ушам, поднял голову и ощупал подозрительным взглядом говорившего.

– А... – Саид сглотнул и начал подниматься с табурета. – Ахмед?

– Саид!!!

– Ахмед!!! А-а! – радостно завопил Саид.

Оба бросились навстречу друг другу и крепко обнялись.

– Шеф, это Стальной Коготь, помните? – обернулся к Максиму Ахмед, хлопая старого друга по спине.

– Шеф? – вскинул голову Саид. – Он тоже здесь, с тобой?

– Да куда же он денется! Шеф всегда на своем месте, – загоготал Ахмед.

Максим, не зная, как себя вести с этим амбалом – как-никак подвел его в свое время под топор, – скромно кивнул и поджал губы, напуская на себя показную серьезность.

– Ох, шеф! – покачал головой Саид. – Мы думали, вы пропали! Бах – и вас нет. Думали, шайтан вас побрал. А вы вот он, живой и невредимый. – Саид на всякий случай осторожно ткнул Максима в плечо железным когтем и расцвел. – Живой, настоящий! Воистину, велик Аллах и деяния его!

– Живой, живой, – буркнул Максим. – Ты-то как здесь оказался?

– Да вот, повезло, – развел руками Саид. – Спасся я тогда. Как на казнь повели, так – не поверите! – чуть в штаны впервые в жизни не наложил.

– И немудрено.

– Во-во. Я и стал неистово молиться, только Аллаху, похоже, до такого, как я, не было дела. Я понимаю, никаких проблем, как говорится, сам виноват. Тогда я к нечистой силе решил примкнуть. Этих даже упрашивать не пришлось: только подумал, а они как выскочат из-под земли, хватя меня в охапку и... Вот, теперь здесь работаю. Место непыльное, тихо, кормят исправно – чего еще желать? Скучно, правда,

аж выть иногда хочется, да и отлучаться никуда нельзя из пещеры – тоже, вроде как, тюрьма. Но зато живой!

Саид почесал когтем нос, едва не угодив спицей в глаз, оторвал ее от когтя и воткнул в клубок. Затем наклонился, поднял оброненную спицу и воткнул ее рядом с первой. Все это он проделал крайне неторопливо и бережно.

Ахмед с Максимом переглянулись.

– Занятие вот себе нашел, – как ни в чем не бывало продолжал Саид, заботливо складывая клубки в высокий шестигранный короб. – Сначала, правда, икебаной хотел заняться – не мое оказалось. Потом решил оригами – все какие-то уроды получались, прямо зло брало! Кроссворды японские – нервов никаких не хватает. Вот, к вязанию пристрастился: и руки заняты, и голова отдыхает. Да и польза тоже: сыро тут у нас, от пола холодом тянет, аж ноги стынут, а шерстяные носки – самое то! Хотите, подарю? – Саид подхватил со столика стопку носок и вновь замер, прижав их груди. Улыбка сползла с его лица. – Хотя что это я. Там жара, куда вам еще теплые носки. Э-эх!

Он бросил рукоделие на пол и махнул крюком.

Ахмед закусил нижнюю губу и отвел взгляд.

– Мда, – тихо сказал Максим. Он только что обратил внимание на длинные вязаные носки в разноцветную полоску зигзагами на ногах Саида – Стального Когтя. Бывшего Стального Когтя...

Только Ала ад-Дин, ничего не понимая, с наивной улыб-

кой смотрел то на одного, то на другого, то на третьего.

– Гхм-м! – нарушил затянувшуюся паузу Максим. – Ну, живой – и то хорошо. Показывай, Саид, свое хозяйство.

– Да-да, что я, в самом деле! – разом оживился Стальной коготь. – Вы же на экскурсию пришли. Кстати, – спохватился он, – Шавкат тоже здесь.

– Шавкат? – попытался припомнить Максим. – Это который все мешки считал да пересчитывал?

– Ага, он самый, – довольно оскалился Саид. – Тоже как-то спасся, но не хочет говорить, как. Да я и так знаю – небось, как и я, джиннов помянул.

– Логично, – поддакнул Ахмед.

– Во-во. Теперь наш толстяк оружейной комнатой заведует.

– Оружейной? – удивился Ахмед.

– Ну да. Меч-кладенец, лук-самострел, стрела каленая, копье-самотык и... короче, сами у него спросите, если что. Я не впрягался за этого борова пахать!

– Чего тебе Шавкат сделал, что ты его так невзлюбил? – непонимающе моргнул Ахмед. – В тапки, что ль, нагадил?

– А за что жирного жлоба любить? Чтоб его... Скользкий он какой-то, скрытный, себе на уме. Не люблю таких.

Опять повисла неловкая пауза.

– Угу. – Максим пригладил шевелюру, попытавшись скрыть охватившую его неловкость. – Саид, слушай, может, уже перейдем к осмотру? Время, как говорится, – деньги.

– Ну что ж, пойдёмте, – кивнул Саид и направился к витринам с экспонатами. Походка у него была тяжелая, неуверенная и шаркающая – так обычно ходят дряхлые старики. – Значит, так. Здесь у нас представлены всевозможные волшебные вещи, собранные со всех уголков мира. Каждая вещь обладает своим уникальным свойством, к примеру, здесь вы можете видеть шапку-невидимку. – Саид указал когтем на поношенную шапку, отороченную мехом и шитую бисером, какие носили когда-то на Руси девушки. – Семнадцатый век, найдена...

– Постой-постой, – схватил его за руку Максим, у которого голова пошла кругом, – как – семнадцатый?

– Очень просто, – пожал плечами Саид.

– И тебя ничего не смущает?

– Нет. А что такое?

– Семнадцатый век!

– Шеф, у вас такой странный вид, – влез Ахмед. – Что-то не так?

– Век семнадцатый, говорю!

– Ну? – одновременно спросили Саид с Ахмедом.

– А сейчас какой? – потряс руками Максим.

– Без понятия, – похлопал глазами Ахмед.

– А ты знаешь? – Максим повернулся к Саиду.

Тот только головой затряс.

– Вы считаете, здесь что-то напутано? – уточнил Стальной коготь несколько погодя – видно, долго пытался сообразить,

что не так с веком.

– Ладно, проехали, – вздохнул Максим. – Продолжай, Саид. Нет, погоди! Она действительно волшебная?

– Конечно! Здесь подлога не допускают, да я и сам проверял, когда совсем делать было нечего. Хотите попробовать?

– А... разве можно? – опешил Максим.

– Конечно! А для чего же еще нужны волшебные вещи?

– Кхм-м, – откашлялся в кулак Максим. – Я, вообще-то, полагал, будто это музей.

– Конечно, музей! Эм-Эн-Вэ-Вэ.

– Чего?

– Музей Невостребованных Волшебных Вещей! Вы что, вывеску над входом не читали?

– Не было там никакого «Эм-Эн-Вэ-Вэ», – буркнул Максим. – Только «куншткамера», насколько я помню.

– Ох, хитрецы! – Саид кому-то погрозил пальцем. – Опять надпись переколдовали. Ух, я вас!

– Ты это кого сейчас послал? – осторожно спросил Максим.

– Да есть тут... сорванцы. Мелкие джинны, даже джинники, во-от такие, – показал кончик пальца Саид, – а противные, гады! Чего где напакостить – так это они за милую душу.

– Весело тут у тебя, – покачал головой Максим: неужели и на Древнем Востоке свои мелкие бесы-пакостники были? – Значит, говоришь, можно пощупать?

– А то как же? Берите, шеф. Для вас вообще ничего не

жалко.

Саид аккуратно подцепил стеклянную дверцу крюком, потянул на себя и вынул шапку-невидимку.

– Польщен, так сказать, – натянуто улыбнулся Максим и принял экспонат. Сдул пыль, покрутил в руках. Шапка как шапка, ничего необычного. мех, правда, кое-где немного вылез, бисер отвалился, но так еще ничего. – И чего с ней делать?

– Вы ее на голову наденьте... Ага, вот так.

Максим оглядел себя с ног до головы – вроде бы ничего не изменилось. Руки и ноги видны, туловище тоже. И в витрине отражается.

– А я вас вижу, шеф! – подал голос Ахмед.

– Аналогично, – ответил ему в тон Максим. – И в чем прикол, Саид?

– Ничего не понимаю. – Хранитель музея задумчиво поскреб когтем за ухом. – Вроде, работало раньше. Ах, да! Вы же ее наоборот надели, а нужно меточкой взад.

– Именно туда? – спросил Максим и добавил, заметив замешательство Саида: – Неудачная шутка, проехали.

– А-а, – понятиливо протянул Стальной коготь, хотя все равно не понял.

Между тем Максим стянул с головы шапку и повертел ее. Какая еще меточка? Нет на ней никаких меточек. Ага, может, тесемка колечком?

Он повернул шапку и вновь напялил на голову.

– Ох, шеф! – Ахмед даже присел. – Где вы? Я вас не вижу!

И вправду, теперь Максим не видел ни своих рук, ни ног, вообще ничего. Здорово! Эх, такую бы штуку ему раньше... Впрочем, нет. С этим покончено, раз и навсегда.

Максим стащил с головы шапку и обратился к Саиду:

– Мы ее берем! Толковая вещь.

– Да, забыл предупредить: имеется одна загвоздочка, – замялся Саид, поглаживая стальной коготь пальцами. – Экспонаты выдаются только по одному в руки.

– Странное правило. – Максим с сомнением повертел шапку-невидимку в руках, – прямо-таки, скажем, необычное. В таком случае мы сначала осмотрим все экспонаты.

– Отлично! А шапочку, простите, мы пока вернем на место. – Саид ловко выдернул шапку-невидимку из рук Максима, вернул на прежнее место в витрине и затворил стеклянную дверцу. – Вот так! А теперь, если вы не против, мы продолжим осмотр. Здесь у нас имеется ковер-самолет...

– Саид, без обиды! – остановил Максим. – Понимаешь, нас немного время поджидает, и парень вон уже зевает, – указал он на Ала ад-Дина.

– И ничего я не зеваю, – пробормотал юноша, прикрыв рот ладонью. – Я просто сегодня плохо спал и встал рано.

– Вам неинтересно? – У Саида лицо вдруг стало таким несчастным и печальным, что Максиму стало жаль мужика.

– Нет, что ты! Все крайне познавательно, но мы здесь, понимаешь ли, по важному делу.

– Без балды, – поставил восклицательный знак Ахмед, заметивший колебания бывшего товарища по банде.

– Ну, если без нее... Чем же я могу вам помочь?

– Ты по-быстрому перечисли все, что у тебя здесь есть, а мы уж решим, к чему приглядеться повнимательнее.

– Ага... – задумался на мгновение Саид. – Значит, так. Имеется: ковер-самолет, метла летучая, кумган бездонный, – начал перечислять Саид, указывая пальцем на соответствующий экспонат, – медяк неразменный номиналом в шестнадцатую часть динара...

– Это нам точно без надобности.

– Ну почему же? – вожделенно потер ладони Ахмед, но мигом притих под суровым взглядом Максима.

– Живая вода, – продолжал перечислять Саид, – мертвая вода, еще один колпак-невидимка, сапоги-скороходы, чувяки-самотопы, скатерть-самобранка...

– Само – что? – переспросил Ала ад-Дин.

– Бранка, – пояснил Максим. – Сама бранится.

– Вовсе нет! – возмутился Саид. – Она...

– Проехали. Дальше.

– Дальше так дальше. – Саид безразлично пожал плечами. – Кальян-самопых, дубинка-дай-по-башке...

– Дельная вещь! – цыкнул зубом Максим. – Извини, Саид. Продолжай.

– Торба-самотряс, штаны-самонадевайки, юбка...

– Самоснимайка, – пошутил Максим.

Ахмед хихикнул, а Саид только головой покачал.

– Юбка-летайка. Надеваешь и летаешь, – развел он руки в стороны и приподнялся на носочках.

– Ты и ее пробовал? – поинтересовался Максим, с трудом сдержав улыбку.

– Не буду я отвечать, не хочу, – буркнул Саид и опять посерьезнел. – Так, что я забыл? – Он обвел пристальным взглядом комнату. – Ах, да! Клюка-золоточеканка – коснешься медной монеты, и станет она золотой.

У Ахмеда глаза прямо-таки загорелись, но он не рискнул прикоснуться к клюке, заметив, как у Максима заходили ходуном желваки.

– Прутик вот еще. Один кончик его уменьшает, а другой – увеличивает. Еще волшебные лампы без счета. А вот лампа Владыки джиннов, – с благоговейным трепетом в голосе сообщил Саид, указав на главную достопримечательность выставки, – и еще совершенная безделица – волшебная палочка.

– Что-что? – не поверил ушам Максим.

– Волшебная палочка, – охотно повторил Саид, проходя к стенду в дальнем конце комнаты. – Вот она. Исполняет любые желания ее владельца. Но вещь чужестранная, и никто не знает, как с ней обращаться. Вернее, не рискует.

– Погоди-ка, Саид, – остановил Максим. Он приблизился к витрине с волшебной палочкой и замер перед ней, о чем-то задумавшись.

– Что с вами, шеф? – спросил Ахмед спустя некоторое время, но Максим не ответил. Казалось, он вовсе не расслышал вопроса. Лицо его будто окаменело, несколько заострившись, глаза потемнели, взгляд застыл, сфокусировавшись на одной точке.

– Шеф, с вами все в порядке? – окликнул Саид, но тоже не получил ответа. – Шеф! Ахмед, что с ним?

– Не знаю. Может, чего съел не то?

– Скажешь тоже! Разве от еды такое бывает?

– А может, вспомнил. Он в последнее время какой-то задумчивый, – засомневался Ахмед.

Пока Ахмед с Саидом пытались разобраться в неясных колебаниях Максима, практичный Ала ад-Дин, которого волшебная палочка заинтересовала крайне мало, незаметно прокрался к другой витрине и вытянул из нее ивовый прутик. Подумаешь, палочка какая-то! А вот увеличивающе-уменьшающий прутик... К примеру, куриное яйцо можно сделать размером со страусиное или даже саму курицу увеличить. Да что курицу! Даже горстку риса или кусок баранины можно увеличить. Тут ведь главное что? Главное, не ошибиться и коснуться правильной стороной прутика, и тогда... Или нет, лучше золотую монетку!

– Я рискну! – прервал мечтания Ала ад-Дина Максим, решительно протянул руку и распахнул дверцу.

– Шеф, а может не надо, а? – испуганно воскликнул Ахмед.

– Надо, Ахмед, надо.

Максим бережно взял тонкую короткую палочку черного цвета с вкраплениями серебристых точек и повертел ее, разглядывая. В палочке не было ровным счетом ничего необычного – валяйся она под ногами на улице, Максим прошел бы мимо, не удостоив ее даже взглядом.

– Но шеф, Стальной Коготь сказал...

– Я не глухой, слышал.

Стоило бы проверить палочку, но Максим боялся спугнуть удачу. А вдруг она окажется обычной палочкой или, того смешнее, он просто не сможет ей воспользоваться?

– Шеф, да что с вами такое? – подлез Максиму под руку Ахмед. – Стоите истуканом, молчите.

– А? – пришел в себя Максим. – Нет, ничего. Просто задумался, – и взмахнул палочкой. – Вот тебе, Ахмед, букет цветов!

– Мне? – отпрянул Ахмед, отбросив огромный букет розовых и белых георгин, неожиданно возникший у него в руке. – Ай, шайтан!

– Работает! – радостно воскликнул Максим. – А теперь... теперь... – зашептал Максим палочке. – Я хочу... – он сильно зажмурился. – Домой!

– Я это... люб-лю тебя... вас... ик! – Нури потянулся за пиалой из тонкого фарфора, но промахнулся и упал на подушки. – О-о! – помотал он головой, с трудом приподнима-

сь на руках. – Пр-рынцесса Бдур! Ик! Громо... н-нет! Луно-по-добная! – с трудом, по слогам выговорил он. – Твой орел у твоих прикрасных этих... ног, во!

– Я заметила. – Будур наморщила носик и отодвинулась чуть в сторонку. От «орла» совершенно невыносимо несло – к едкому устойчивому запаху пота добавилась еще и вонь винного перегара.

– Ага! – обрадовался Нури, не оставляя попыток сфокусировать взгляд на лице принцессы. – О моя Бдур! О мой нынахлядный птенч-ик... Выпьем!

Нури все-таки изловчился ухватить пиалу и с трудом попал ей в полные, вывернутые наружу губы. Но пиала оказалась пустой. Нури вздернул брови и долго, с удивлением заглядывал в пиалу то одним глазом, то другим.

– А хде вино? – наконец спросил он, покачиваясь.

– Кончилось, – брезгливо бросила принцесса.

– Усё?

– Усё! – передразнила Будур. – Но тебе пора в баню.

– Мине? – отклянчил нижнюю губу Нури. – Не-е, – покачал он пальцем, – я мылся у пр-рошлом этом...

– Году? – подсказала Будур.

– Не-е. У пр-рошлом месяце, во!

– Точно? – усомнилась принцесса.

– Ага, – подтвердил Нури неловким кивком головы, едва не опрокинувшись вбок, и опять заглянул в пиалу. – Хде вино?

– В бане, в бане есть вино!

– В бане? – косящие, мутные глаза уставились на Будур. –

Тошно?

– Конечно, о мой дорогой осел.

– Ор-рел.

– Как скажешь, любимый. Фу-у! – морщась, отвернулась принцесса, когда Нури потянулся своими губами к ее. Он промахнулся и, грохнувшись на столик, перевернул его на себя вместе с посудой.

– Хр-р-р! – раздалось из-под столика.

– Готов. – Будур поспешно вскочила с подушек. – Эй, Зульфия, Зарифа!

– Мы здесь, госпожа! – В комнату впорхнули две девушки-служанки. – Что прикажете?

– Грузите вельможного осла на носилки. Нам пора в баню!

– Слушаем и повинуемся, госпожа!

Девушки подбежали к храпящему на полу Нури и за ноги поволокли его к крытым носилкам.

– О-ох, – только и протянул Нури, пару раз приложившись затылком к невысоким ступенькам.

– Ничего страшного, – успокоила растерявшихся служанок Будур. – Ему хуже не будет.

– Понимаем, госпожа! – кивнули служанки, переглянувшись, и начали поднимать Нури за плечи.

– Уф-ф, тяжелый какой! – произнесла Зульфия, отдуваясь. – Прямо как настоящий осел.

– Не-е, осел полегче будет, – не согласилась Зарифа.

– Ну, тогда – фу-у! – тогда как слон... очень вонючий.

– Не-е, до слона он точно недотягивает. Даже до вонючего.

– Ты лучше держи его, а то...

– Дочь наша, Будур-ур!

– Отец! – всполошилась Будур, а девушки выронили Нури, и тот опять ударился головой.

– О-ох!

– Что вы стоите? Запихивайте его скорее! Ну же! – негодуя топнула Будур.

– Слушаемся, о госпожа!

Девушки, сопя от натуги, насилу затолкали спящего Нури в носилки и прикрыли накидками.

– Хр-р-р!!!

– Да что ж такое! Заткните ему чем-нибудь рот, наконец!

– Чем, о госпожа?

– Чем, чем? Не знаю чем. – Будур в панике завертелась на месте. – Ага, вот! Этим!

Принцесса схватила со своего ложа шальвары и бросила их девушкам.

– Но...

– Я сказала... – Будур гневно свела брови.

– Хорошо, о госпожа.

Девушки забрались в носилки и долго возились там. Наконец звуки храпа стихли.

– Все, госпожа! – доложили девушки, выбравшись наружу,

и низко поклонились.

В дверь осторожно постучали, те открылись, и на пороге комнаты возник султан.

– Дочь наша, видишь, мы даже постучали, – похвастался повелитель правоверных.

– Что очень учтиво с вашей стороны, отец, – поклонилась Будур, косясь на носилки.

– Ты собираешься в баню?

– Да, отец.

– Очень хорошо, – покивал султан огромной чалмой, которую на всякий случай придержал слуга. – Мы пришли тебе сообщить, дочь наша, что все исполнено, как ты и просила, и теперь уж точно препятствий к твоей женитьбе никаких быть не должно!

– Разумеется, отец, – опять поклонилась Будур.

– Что-то ты слишком смиренна сегодня, дочь наша. Не задумала ли ты чего?

– Что вы, отец! Разве я могу.

– Смотри у нас, – погрозил пальцем султан. – Но что за дурной запах в твоей комнате? – принял повелитель правоверных. – И этот разгром... Ты... пила?!

– Совсем капельку, отец. – Будур с досады скрипнула жемчужными зубками. – Для смелости, ведь у меня сегодня такой день.

– А! Если только капельку и в такой день, – немного успокоился султан. – Но откуда тогда столь отвратительный за-

пах?

– Я задела столик, отец, и вино пролилось, – с горечью в голосе произнесла Будур, хмуря брови: «Да уйдешь ты наконец или нет? Вот же навязался на мою голову!»

– Ах, пролилось? Тогда все понятно. Значит, сейчас ты отправляешься в баню?

– Да, отец!

– Не понимаем, почему ты так нервничаешь, дочь наша.

– Я хочу еще сегодня выкупаться в бане, а до нее неблизкий путь.

– О, конечно, разумеется! Мы будем сопровождать тебя.

– Куда? В баню?!

– Что ты, дочь наша! – Султан замахал на дочь руками. – Только до бани. Мы хотим быть уверены, что с тобой ничего не случится.

– А что со мной может случиться?

– Мало ли? – загадочно произнес султан. – Хорошо, соберись. Мы будем ждать тебя у ворот.

– Хорошо, отец. – Будур через силу улыбнулась, и султан удалился прочь. – Вот же навязался на мою голову! – на это раз вслух, сквозь зубы, процедила девушка. – Впрочем, может, так даже и лучше.

Принцесса хихикнула, поспешно забралась в носилки и прикрыла ноздри надушенным платочком – только бы поскорее оказаться на свежем воздухе. Подобной вони она долго не вынесет.

Абаназару снился страшный сон: белый и черный ангелы гонялись за ним и швырялись в него заклинаниями. Дом ходил ходуном, вещи превращались в кошмарных тварей, твари тут же принимались кусаться, щипаться, шипеть и ставить подножки несчастному колдуну, а когда Абаназару удалось спрятаться под тяжелым столом, то ангелы-насильники накиннули на него какую-то тряпку и принялись душить, требуя выдать тайну, но от страха колдун позабыл, в чем она заключалась...

– А-а-а! – Абаназар вскочил с холодной земли, отбросив от себя рванину, которой кто-то заботливо укрыл его. – О, какой кошмар! Приснится же такое.

Абаназар, стуча зубами и дрожа то ли от холода, то ли от пережитого ужаса, огляделся.

На скалы давно опустилась ночь.

Ифриты все так же стояли у пещеры с саблями в руках и напряженно наблюдали за колдуном. В свободных руках они держали полыхающие в ночи факелы.

– Кто это сделал? – выкрикнул Абаназар, обхватив себя руками и ежась от ночного холода.

– Что, колдун? – спросил левый из ифритов.

– Накрыл меня. Кто, я спрашиваю?

– Я, колдун.

– Не стоило! – буркнул Абаназар.

– Я думал, ты скажешь «спасибо».

– Перебьешься! – грубо ответил Абаназар и, подтянув к себе балахон, внимательно оглядел его.

Несколько горелых дыр на спине, а так ничего, сойдет. Можно, конечно, поколдовать, чтобы дыры затянулись, ну а вдруг наоборот хуже станет? Или балахон и вовсе превратится неизвестно во что? Нет, рисковать не стоило. Абаназар поспешно набросил балахон на плечи, но теплее стало ненамного – через дыры на спине все равно тянуло холодом.

В голове шумело, в пересохшем рту распухший шершавый язык прилип к гортани. Невыносимо хотелось пить.

Абаназар ногой подкатил к себе кувшин, поболтал его и заглянул в горлышко. Вина в кувшине не осталось. Отбросив его, колдун с трудом поднялся на ноги и устался на ифритов.

– Эй вы!

– Чего тебе еще, колдун? – спросил правый.

– Я хочу пить. Дай мне воды!

– Не положено, – заученно отозвался левый.

– Как? Ты опять? Опять, да? – взъярился Абаназар.

– А ты не можешь сам наколдовать? – спросил правый.

– Не твое дело, ифритская морда! – огрызнулся Абаназар, сжав кулаки. – Дай мне пить!

– А ты не будешь больше кусаться? – спросил левый.

– Буду! Если не дашь воды.

– На, только отвяжись от нас, проклятый колдун.

Правый ифрит взмахнул факелом, и перед Абаназаром в

воздухе завис кувшин. Колдун вцепился в него и попытался подтянуть к себе, но кувшин не поддавался, словно был прикован к своему месту невидимыми глазу оковами. Абаназар дернул за ручки посильнее, потом повис на кувшине и затряс ногами. Кувшин оставался неподвижным, будто издевался над Абаназаром, и поддаваться, судя по всему, не собирался. Тогда Абаназар решил забраться на него сверху, но только взмок от натуги.

– Эй, паршивый ифрит! Ты что сотворил с кувшином? – заорал Абаназар, плюнув на пустые потуги добраться до воды. – Дай мне сей же час напиться или я не знаю, что с тобой сотворю!

– Ха, хвастливый колдунишка, – загоготал правый ифрит. – Ты не можешь справиться с каким-то кувшином, так куда тебе тягаться с нами.

– Ты, ты!.. – Колдун затряс кулаками и собрался было броситься на ифритов вновь, но те предупредительно выставили перед собой острые сабли. – Ладно, посмотрим еще, чья возьмет, – прорычал Абаназар и повернулся к кувшину, потом что-то забормотал и завертел руками, но кувшин остался глух к его заклинаниям.

– Ха, ха-ха!

– Молчи, паршивый сгусток огня! – прошипел Абаназар и по новой взялся за колдовство. Кувшин дрогнул и начал раскачиваться.

Ифриты притихли.

– Бербеда, мербеда, эй, кувшин, дай воды! – гаркнул во всю глотку Абаназар концовку заклинания. Кувшин резко остановился и опрокинулся на голову колдуну. Абаназара с головы до ног окатило ледяной водой, но тот все же успел сделать несколько жадных глотков. – Ха, видели, как я его? – победно воскликнул колдун.

– Видели, колдун, – дружно ответили ифриты. Похоже, они все-таки недооценили старого колдуна.

– Вот так! – показал Абаназар язык, стянул балахон и хорошенько отжал его. – Эти еще не выходили?

– Нет, колдун.

– Когда выйдут – разбудите! – Абаназар встряхнул хламиду, и та с треском развалилась на куски. – А, чтоб тебя шайтан побрал, гнусная ты тряпка!

Он бросил обрывки материи и принялся их неистово топтать. Потом улегся на них – так теплее, – закутался как мог, подложил под голову кулак и захрапел.

– Страшный человек, – тихо произнес правый ифрит.

– И не говори, брат, – отозвался левый.

– Заколдованный мной кувшин своротил!

– Ага! А если он нас так?

– Лучше молчи, а то накаркаешь еще.

– И то верно. Эх, скотская у нас работа.

– Не то слово, брат, – тихонько, в кулак, вздохнул правый. – Да когда же они наконец выйдут? Сил моих больше нет!

– Терпи брат.

– Да терплю я, терплю! Пойду лучше колдуна укрою, а то еще от холода, неровен час, проснется.

– Ты прав. Лучше укрой.

– А все-таки жаль его.

– Ты с ума сошел, брат?

– Жалкий он какой-то, одинокий.

– Ха, может, себе его возьмешь?

– Да на кой он мне сдался, шайтан его раздери?! Корми его, пои. А ну как загрызет?

– Вот то-то и оно, брат, то-то и оно...

Глава 14. Трах-тебедох

– Сте-есть да сте-есть круго-ом, – уныло тянул Максим, сидя на полу посреди пещеры.

– Шеф, ну хватит вам уже, – кружил вокруг него Ахмед, не зная, как подступиться к Максиму. – Какая еще степь, мы ведь в пещере!

– Пу-уть дале-ок лежи-ит, – продолжал гнуть свое Максим, дирижируя себе волшебной палочкой.

– Шеф, это уже не смешно, в самом деле! Какой еще путь, куда?

– В той степи-и глухо-ой.

– Саид, чего ты стоишь, как чемодан на паперти? Сделай же что-нибудь! – кинулся Ахмед к бывшему соратнику.

– Говорил же: чужая магия, ничего не выйдет, – только и пожал плечами Саид.

– По-омира-ал ямщи-ик! – повысил голос Максим.

– Нет, шеф!!! Не надо! – замахал руками Ахмед. – Эх ты, – бросил он Саиду, – балда в носочках. Видишь, что ты натворил.

– А чего я такого сказал? – набычился Саид. – Правду сказал, как есть.

– Или замерзал? – Максим вопросительно уставился в потолок. – Да, все-таки замерзал. В то-ой степи-и глухо-ой...

– Шеф, да что с вами такое? Я вас просто не узнаю! – рявк-

нул Ахмед. – Ну не получилось – что за беда? Попробуйте еще раз.

– Да пожалуйста! – откликнулся Максим. – Ала ад-Дину – эскимо в шоколаде, – вяло повел палочкой Максим.

Чпок!

В руках онемевшего Ала ад-Дина возникло мороженое в бумажной обертке. Юноша обнюхал сверток, лизнул его и поморщился.

– Невкусно. И он... оно холодное.

– Конечно, холодное – это же мороженое. И бумажку снимите, тогда вкуснее будет, – бесцветным голосом пояснил Максим.

Ала ад-Дин двумя пальчиками развернул бумажку и лизнул.

– М-м, и вправду вкусно! Но почему оно все-таки холодное?

Его вопрос остался без ответа.

– Так, что еще? – продолжал Максим. – Саиду – набор вязальных спиц и крючков для макраме.

Дзинь!

В руке ошарашенного разбойника-экскурсовода возник увесистый позвякивающий сверток. Саид облизнул губы, дрожащим крючком развернул подарок, и глаза бывшего разбойника поползли на лоб от восхищения.

– Ух, спасибо, шеф! – прижал он сверток к груди. – Я никогда этого не забуду!

– Да на здоровье, – буркнул Максим. – И Ахмеду – букет. Хлоп!

Лицо несчастного Ахмеда стало унылым и крайне недовольным. Казалось, еще немного, и он разревется.

– Букет, букет! Этому – холодное эс-ки-мо, тому – спицы, а мне? Опять букет? Между прочим, уже пятый!

– Ты же, вроде, любил цветы? – вопросительно уставился на него Максим.

– Я их ненавижу! Уже! – рассвирепел Ахмед, бросил на пол букет гладиолусов и принялся неистово топтать ногами. – И вообще, то был не я! Цветы у нас любил Хабиб-ако. Как не найдет где, так все разглядывает и нюхает, да простит Аллах его прегрешения!

– Да, да, извини. Вот тебе тоже эскимо, только не злись.

Чпок!

– Ух ты, спасибо, шеф!

– А мне – домой! – взмах палочки и... – Сте-епь да сте-епь круго-ом...

– Послушайте, шеф, чего вам домой вдруг приспичило? – похрустывая шоколадной корочкой и млея от удовольствия, заметил Ахмед. – У вас теперь палочка есть, вы все можете, даже эс-ки-мо!

– Могу, Ахмед, я все могу. Даже могу из тебя балерину сделать.

– Это как? – заинтересовался Ахмед, перестав лизать неведомое лакомство.

– А вот так! – взмахнул палочкой Максим.

Ахмеда крутануло на месте, эскимо слетело с палочки и шмякнулось на пол, а через секунду глазам присутствующих предстал обновленный Ахмед в балетной пачке, пуантах и с диадемой на лысой голове вместо тубетейки.

Ахмед с отвалившейся челюстью долгие десять секунд оглядывал себя, не веря глазам, щупал грубыми пальцами тонкую материю и все пытался заглянуть под пачку, а потом покраснел, словно вареный рак, и вдруг залился горячими слезами.

– А-а-а! Что я вам такого сделал, шеф? За что мне это... это... вот это все? У-у-у! Не хочу балериной! А-а-а!

– Ладно, не гунди. – Максим опять взмахнул палочкой и вдогонку второй раз. – И вот тебе новое мороженое.

– Уф-ф, – сразу успокоился Ахмед, вновь ощутив себя в собственных просторных вещах и с мороженым в руке. – Вы больше так не делайте, шеф, ладно? Я же просто так спросил, из интересу.

– Да ну тебя, Ахмед, – только и махнул рукой Максим, повозившись на месте. – Совсем шуток не понимаешь.

– Не понимаю. И не хочу понимать.

– Ну, пошутили, и будет. – Максим хлопнул по коленке и тяжело поднялся с пола. – Эй, Каззан, ты здесь?

– Здесь я, – прошелестело над ухом.

– Объявись-покажись, подлый ты дух! – закрутил головой Максим.

– Чего это я подлый?

Воздух между людьми закружился, и в метре от пола возник знакомый вихрь с руками, головой и преданно взирающими на Максима фиалковыми глазами.

– А то. Твоя работа?

– Что ты имеешь в виду, Грозный Махсум?

– Грозный? – оскалился Максим, подбоченившись. – Пожалуй. Скажи мне, бессердечный, гадкий клочок тумана, почему палочка, – потряс он волшебной палочкой перед носом джинна, – не отправляет меня домой?

– Увы, – развел дымными руками джинн, – никак невозможно. Путь закрыт высшей магией.

– Какой еще высшей магией, отвечай! – рявкнул Максим. – И что значит – закрыт?

– А то и значит, – повел плечами Каззан. – Я же тебе объяснял: пока не выполнишь предначертанное тебе...

– Что ты мне лапшу по кило на уши отвешиваешь? Магия-то ведь чужая.

– Магия – она и в Африке магия, – довольно забулькал Каззан, – но пока не выполнишь...

– Я выполню, я ща такое выполню, такое... – Максим замахнулся на джинна палочкой.

– Не трудись, о человек, – остановил Каззан. – Чужое волшебство на меня не действует.

– Ты же только что сказал, что магия одна и та же? – хитро прищурился Максим.

– Та же, но другого свойства. По крайней мере, я.

– Вот почему все так, а? Почему? – повесил плечи Максим, но вдруг встрепенулся. – Значит, говоришь, освободить всех джиннов? Хорошо! Сейчас буду тереть каждую лампу подряд...

– Не получится, – покрутил головой Каззан.

– Что? Опять не получится? Почему? – сверкнул глазами Максим.

– Ты забыл главное правило Эм-Эн-Вэ-Вэ, о человек.

– Какое еще правило?

– Одно волшебство в одни руки, – охотно напомнил Максиму молчавший до того Саид.

– О, ваше проклятое правило! – схватился за голову Максим и заметался по зале. – Что же делать, что же делать?.. А! – Он вдруг остановился, дико поворачивал глазами и криво усмехнулся. – Есть, нашел!

– Шеф, я вас боюсь, – отодвинулся к выходу Ахмед. – Не надо на меня так смотреть. Слышите? Не надо, – поводит он перемазанным в шоколаде пальцем.

– Я сейчас, сейчас... – продолжал бормотать Максим, не слушая Ахмеда, – сотворю кувалду и разнесу лампы к шайтан-опе – как миленькие разбегутся.

– Остановись, о смертный! – вскричал в ужасе Каззан.

– Вот уж дудки! – дико захохотал Максим и взмахнул палочкой. – Кувалду, хочу кувалду!

Хлоп!

Бац!

– Ой-ей-ей! – запрыгал на одной ноге Саид, выронив подарок.

– Упс! Саид, ты того... прости. Я не нарочно, чес-слово!

– Ай-яй-я-а-ай!

– Вот зачем вы это сделали? – Ахмед укоризненно поглядел на Максима. – Да, носки у него дурацкие и вообще, но кувалдой, по-моему, уже слишком!

– Нечаянно я, понимаешь? Да что же сегодня за день-то такой? – психанул Максим, в сердцах отбросил волшебную палочку, подхватил с пола кувалду и замахнулся ей. – И-иэх!

Кувалда оказалась тяжелой, и Максима повело в сторону мигом побледневшего Ахмеда.

– Шеф, шеф! Не надо, шеф! Я вас умоляю, я же просто так сказал, вот вам крест, – взвизгнул перепуганный Ахмед и скользнул за ближайшую витрину. – Ай!

– У-ух!

Кувалда потащила Максима в другую сторону, и теперь уже Саид, забыв про боль в отшибленной ступне, на четвереньках улепетывал по кругу от не на шутку разошедшегося Максима.

– Помогите, убивают! – ревел он, оскальзываясь на поворотах. – Каззан, Каззанчик! Да что же это? За что?

– Эх, размахнись рука, раззудись плечо! – гаркнул Максим, примерившись на глаз, повернул чуть влево, и кувалда со страшным грохотом обрушилась на золотую стойку с

главным экспонатом.

Бум-м-м!

Все застыли, кто где находился, оглушенные не столько ударом, сколько произошедшим.

– Вот так, грах-тебедох! – сказал Максим, оттащив тяжелую кувалду и опершись на ее ручку, подобно Гераклу с его знаменитой дубиной.

На том месте, где раньше стояла стойка, лежало два блина – один на другом: первый, побольше – золотой; второй – бронзовый, напоминающий вертикальную проекцию чайника на плоскость, изображенную неумелым школяром от руки.

Саид икнул и медленно опустился на пол.

Ахмед издал невнятный горловой звук – то ли засипел, то ли пискнул – и грохнулся в обморок.

Джинн дематериализовался от греха подальше.

Один Ала ад-Дин остался совершенно спокоен. Облизав липкие пальцы, он отыскал глазами волшебную палочку, бережно поднял и взмахнул ею.

– Хочу эс-ки-мо. Три!

Чтоп! Чпок! Чпок!

Довольный собой, юноша уселся на пол, сложил ноги по-турецки, развернул бумажную обертку и принялся вкушать дивное лакомство, вкуснее которого он никогда и ничего в своей жизни не пробовал.

– А! – Абаназар подскочил на своем жестком ложе, схватившись рукой за сердце, и вытаращил глаза и сел.

– Ты чего, колдун? – настороженно спросил левый ифрит. – Опять чего приснилось?

– Кольнуло, вот тут, – Абаназар помассировал грудь ладонью. – Еще так сжало... Фу-у, вроде отпускает.

– Пьешь много, колдун. И куришь, небось.

– Не твое дело, гнусный ифрит, – состряпал кислую физиономию Абаназар.

– Не хами, колдун. Мы ему сочувствуем, понимаешь, а он...

– Сам заткнись! Не пойму, может, случилось чего? – повел Абаназар носом. – Эй ты, длинный! Да не ты, который тот, а который с факелом.

– Но у нас у обоих факелы, колдун! – заметил правый.

– Да, ты, умник. Сбегай посмотри, чего там произошло. Тяжело мне что-то, словно камень на сердце.

– Где?

– На сердце, говорю!

– Я спрашиваю, где посмотреть?

– Да в пещере, где же еще!

– Я ифрит, а не гончая на побегушках у какого-то колдунишки! – возмущенно выпятил грудь правый из ифритов.

– Ох, чую, там творится что-то недоброе. Сбегай, а? – Абаназар сменил тон на просительно-жалостливый.

– Не положено! – гаркнул левый ифрит.

– Ну что вам стоит? – захныкал Абаназар. – Одна нога здесь, а другая там.

– Нет! – отрезали оба ифрита в один голос.

– Ах, так! Так, значит! Да я вас!.. – сжал кулаки Абаназар.

– Четыре-семь, срочно прошу поддержки! – взревел левый ифрит, отмахиваясь саблей от наступающего на него колдуна. – Повторяю, ситуация три девятки!

Тугая воздушная волна отбросила Абаназара прочь на несколько метров, и перед ним в ряд выстроилось сразу пятеро ифритов, не считая тех, что уже стояли у пещеры – все с саблями наголо и как один со зверским огнем в глазах. У одного из них во лбу сиял внушительный рубин.

Абаназар быстро очухался и вскочил на ноги.

– Трусы, трусы, подлые трусы! – закричал он, размахивая кулаками. – Всей толпой на одного, да? А один на один слабо?

– Что тут у вас происходит? – недовольно прорычал ифрит с рубином.

– Вот, господин, – почтительно склонились оба ифрита, охранявшие вход в пещеру, – колдун совсем озверел.

Главный ифрит, видимо, начальник стражи, с высоты своего внушительного роста присмотрелся к крошечному колдуну, и лицо его изнутри засветилось огнем.

– Вы что, спятили? – резко повернулся он. – С каким-то вонючим хилым колдунешкой вдвоем справиться не можете? Беспокоить нас по какому-то существу пустяку!

– О господин! – взмолился правый ифрит. – Колдун – су-
щий зверь в человеческом обличье – вот не сойти мне с этого
места! Он едва не загрыз моего брата.

– Как так? – засомневался главный ифрит в своих поспеш-
ных суждениях.

– Вот! – продемонстрировал шрамы на ноге левый.

– Значит, вы были недостаточно бдительны.

– Но господин, он накинулся на нас, будто лев, нет – как
стадо львов!

– Он? – Ифрит ткнул пальцем в сторону притихшего Аба-
назара. – Ха, ха-ха! Ох, уморили! Этот доходяга-сморчок?

– Ах ты, лопаухая обезьяна! – начал закипать Абаназар. –
Ты кого доходным сморчком обозвал, разрази тебя гром?

– Может, попробуешь разразить? – прищурился началь-
ник ифритской стражи.

– Была бы охота связываться. – Колдун сложил руки на
груди и повернулся к ифриту спиной. – Наипаршивейший из
вшивых ифритишка с фингалом во лбу.

– Это кто вшивый, да еще с фингалом? Я?! – взревел
оскорбленный до глубины души начальник ифритской стра-
жи. – Да я тебя... я...

– Э-э, шел бы ты к шайтану... сам знаешь куда!

– Ах ты, языкатая блоха, да я ж тебя одним пальцем раз-
давлю, размажу. – И ифрит, сделав два шага, опустил руку и
выставил указательный палец.

– Не надо, о господин! – крикнул правый ифрит, но было

уже слишком поздно.

– Не трогай меня своими грязными лапищами! – рванулся колдун и вцепился в палец зубами.

– Уау! – взвыл начальник стражи, отдернув раненый палец, но колдун уже сидел на его на ноге, вгрызаясь в нее. – А-а-а, больно! Снимите его с меня, снимите!!! Это ненормальный колдун, неправильный. Совсем бешеный, уау!

– Вот тебе, вот! – радостно вопил Абаназар, нанося укус за укусом. – А вот и еще: Ибазар-мабазар, ерни-ширни, ифрит долбани э-э... казани? – замер колдун, пытаясь припомнить конец заклинания.

Бэмц!

На голову несчастного начальника ифритской стражи из ниоткуда рухнул огромный казан. Ифрит закачался, глаза его сошлись на переносице, а на голове начала вздуваться огромная шишка.

– Бочкани? – между тем продолжал размышлять Абаназар, вися на ноге ифрита.

Бум-м!

Вторая шишка возникла рядом с первой. Ифрит сел на землю, а его глаза разбежались в разные стороны.

– Нет, все не то. – Абаназар в сердцах саданул кулаком по коленке ифрита, покрытой задубевшей кожей. – Камни мешкани?

Хрясь!

Огромный мешок с камнями вмял голову ифрита в плечи.

Глаза начальника стражи сошлись вновь, но потом один почему-то побежал вверх, а другой заспешил влево. Волосатые острые уши обвисли, а рубин вывалился из его лба и упал к ногам своего хозяина.

Четверо ифритов за его спиной в ужасе попятились.

– Ух ты! – обрадовался Абаназар, заметив красивый камень. Он шустро соскочил с ноги начальственного ифрита, схватил камень, потер рукой и залюбовался игрой света. – А, вспомнил! – внезапно воскликнул колдун. – Грозони разрази!

С неба сорвалась ослепительная молния, зигзагом прочертив свой стремительный путь, и ударила сидящего на земле начальника ифритской стражи точно в темечко. Тишину ночи разорвал страшный грохот, полыхнуло неистовое пламя. Ифриты как один зажмурили глаза, закрываясь руками от взрыва, а когда осмелились вновь открыть их, то не нашли своего начальника. На том месте, где он совсем недавно сидел, лежала лишь небольшая горстка пепла, из которой вился легкий, вполне безобидный дымок.

– Я же говорил: не надо, – вздохнул правый ифрит, опуская саблю.

Четверо новоприбывших ифритов долго стояли, пребывая в тихом шоке.

– Да-а, – наконец протянул один из них, осторожно, на цыпочках приблизился к тому, что осталось от их начальника, и поворошил пепел кончиком сабли.

Из пепла выкатился хорошо знакомый всем рубин. Ифрит поднял его, отер о набедренную повязку и зачем-то поглядел на просвет. Потом медленно опустил руку и обвел местность подозрительным, цепким взглядом.

– Послушайте, а где колдун?

– Дочь наша, Буду-ур! – помахал счастливый султан приближавшимся к воротам крытым носилкам. Сам он восседал на богато отделанных открытых носилках в виде трона, которые держали на своих плечах сразу восемь рабов.

– Отец, – из-за полога носилок показалось гневное личико принцессы, – неужели нельзя было обойтись без лишней помпезности?

– Что ты имеешь в виду? – смешался султан.

– Стражу, слуг, рабов, музыкантов! Зачем они? К тому же в городе уже ночь.

– И что?

– Люди спят, вот что!

– Э-э, – только и отмахнулся султан. – Какие такие люди? Поехали! – отдал он приказ страже, и те поспешно распахнули тяжелые дворцовые ворота.

Заиграли карнайчи, грянули бубны и барабаны, слуги двинулись, неся банные принадлежности и пританцовывая. Стража с копьями, мечами и щитами чеканила шаг, поднимая пыль с городских улиц.

– Слушайте, жители славного города Гульканда, – закри-

чал глашатай пронзительным голосом, – и не говорите потом, что вы не слышали: принцесса Будур изволит посетить баню...

– Ох, отец, – недовольно произнесла Будур, не открывая полога, – неужели обязательно нужно сообщать всем, о том, что я собираюсь помыться?

– Разумеется! – воскликнул в ответ султан, гордо восседая на своих носилках, которые, надрываясь, тащили рабы рядом с носилками принцессы. – Это же событие государственной важности!

– Правда? А я и не знала.

– Именно так, – не уловил иронии султан.

– Теперь буду знать. Но надеюсь, они не сбегутся смотреть?

– Не говори глупостей, дочь наша! – нахмурился султан.

– Затворяйте окна, закрывайте двери, – продолжал между тем надрываться глашатай, – ибо никто не смеет видеть лица принцессы. А кто осмелится на это – будет казнен! Слушайте, жители славного города Гульканда, и не говорите, что вы не слышали...

– Какое зверство, отец! – возмутилась принцесса, и легкая занавесь на ее носилках заколыхалась. – Подумать только, рубить головы за один лишь взгляд. И вообще, скажите проклятому крикуну, чтобы он замолчал – у него такой противный голос.

– Но как же тогда, дочь наша, народ узнает, что ему нельзя

выходить на улицу и смотреть на тебя? – искренне удивился султан.

– Ох, отец! Да вы посмотрите вокруг: уже ночь, все давно легли спать, да и какой дурак пойдет смотреть, как я еду мыться?

– Мало ли у нас дураков. – Султан пожал плечами под богатым халатом. – Да хоть вон, – указал он пальцем на приоткрывшуюся со скрипом ставню одного из бедных домов.

Из окна показалось заспанное бородатое лицо.

– Эй вы! – потряс мужчина здоровенным кулачищем. – Чего орете? Что за дикие пляски ночью? Дайте людям поспать!

Стража кинулась к мужику, запихала его щитами обратно в дом, ставни захлопнули, а подбежавший слуга с молотком и досками подмышкой и гвоздями в зубах наспех заколотил окошко крест-накрест.

– Вот, видела, дочь наша?

– Да вы же сами, отец, будите людей. Можно ведь было пройти потихоньку, чтобы никого не беспокоить.

– Султан мы или не султан?! – взревел оскорбленный монарх. – Чтобы мы таились от всякой черной кости?! Да мы...

– Хр-р!

– Что, что это? – настороженно наострил ухо султан. – Ты спишь, дочь наша?

– Что вы, отец! Просто носилки скрипнули.

– Разве?

– Ну конечно!

– Хр-р-р!

– Вот, опять! Ты слышала?

– Камешек шаркнул под ногой раба.

Из носилок принцессы донеслись шум возни и невнятное бормотание.

– Камешек? Какой камешек? И что ты там делаешь, дочь наша? – напрягся султан в кресле, вцепившись руками в украшенные золотой чеканкой подлокотники.

– Ничего, отец, – поспешно отозвалась Будур. – Да заткнешься ты или нет?!

– Кто? Мы? – задохнулся от подобного неслыханного хамства султан. – Нам заткнуться?

– Что вы сказали, отец?

– Нет, что ты сказала! Что значит: «Да заткнешься ты или нет»?

– Вам слышалось, отец. Я сказала... сказала: «Да не заснешь ты на коне» – песня такая, новая. Я ее сейчас разучиваю.

– Уф, – схватился за сердце султан. – А нам слышалось... Эй вы, поторапливайтесь! Да скажите глашатаю, чтобы громче кричал.

– Вам мало половины города, и вы хотите перебудить сразу весь город, отец? Скажите ему лучше, пусть замолчит.

– Так положено, – уперся султан, но вдруг повел носом, принюхиваясь. – Фу-у, чем так воняет?

– Ничем, о отец! – поспешно отозвалась Будур.

– Не-ет, воняет! Мы чувствуем! Это запах вина, – потряс пальцем султан. – О дочь наша, неужели ты опять?..

– Что вы, отец! Как можно? Наверное, какой-нибудь пьяница в арыке развалился и дрыхнет.

– Какой еще пьяница? – закрутил головой султан. – Нет здесь никакого пьяницы. И арыков нет.

– Ну, тогда... тогда...

– Дочь наша, не лги нам! – топнул повелитель правоверных, и спины восьми рабов прогнулись, а с их языков едва не сорвались проклятия.

– Но я не лгу, отец!

– А вот это мы сейчас проверим! Эй вы, – крикнул он рабам, – приблизьте меня к носилкам моей дочери.

– Нет, не приближайтесь, отец, заклинаю вас!

– Почему?

– Я... я не одета!

– Как так – не одета? Да ты что?!

– Но отец, я же в баню еду!

– Ах, ну да, ну да! – понимающе закивал султан, но спохватился. – Постой, ничего не понимаю: кто же раздевается заранее?

– Я, отец. Мне хочется побыстрее помыться.

– Да, да, помыться тебе не мешало бы, – завозился на носилках султан, поскольку теперь до его носа донеслась не только вонь перегара, но и еще некий отвратительный, непе-

реносимый запах. – Эй вы! Ускорьте движение. Мы хотим поскорее попасть в баню.

– О спасибо, отец!

– Не за что, дочь наша, – прикрывая нос свисавшим концом чалмы, ответил султан. – О Аллах, что за гадкий запах, – пробормотал он. – Быстрее же, вы, полудохлые черепахи! Быстрее, мы говорим!

Рабы наподдали жару, и носилки стремительно понеслись к центру города, а вместе с ними бежала толпа слуг, размахивающих вениками, тазиками и прочим банным инвентарем, стражники, гремящие доспехами, клинками и щитами, и музыканты, пытающиеся в столь сложной обстановке продолжать игру на музыкальных инструментах, не ударив при том в грязь лицом, но выходило у них не очень.

Глава 15. Как два пальца!

– Что вы натворили, шеф?! – первым пришел в себя Ахмед. Стоя на коленях, он потрясал руками с зажатой в них тубетейкой и захлебывался словами. – Это же... это... волшебная лампа! Джинн... О Аллах!

Пришедший в себя Саид только хватал ртом воздух, будто рыба, выброшенная на берег, и издавал нечленораздельные звуки.

– Волшебная лампа? – заинтересовался Ала ад-Дин, который уже успел прикончить все три порции мороженого и теперь соображал, хочется ли ему еще или достаточно на сегодня. – Еще одна?

– Да... Нет! Эта настоящая, – путаясь в словах, заплетающимся языком выдавил Ахмед. – В ней Владыка джиннов! О шеф, мы пропали. Пропали!

– Пропали? – вздернул бровь Максим, оглядывая дело рук своих. В его душу наконец закралась тень сомнения. – С чего вдруг?

– Вы не понимаете?

Глаза Ахмеда, казалось, вот-вот вывалятся из орбит.

– Не особенно, если честно. Я...

Верхний бронзовый блин, что не так давно был лампой, шевельнулся. В каменном зале мгновенно воцарилась тишина, и все уставились на блин с затаенным ужасом. Блин под-

прыгнул, дернулся и запрыгал по комнате, вращая расплюснутым носиком, словно вынюхивал первую жертву.

– Ай, не трогай меня! Это не я тебя так, – подхватился Ахмед, когда лампа повернула к нему, и бросился к витрине с шапкой-невидимкой. Рванув на себя стеклянную дверцу, он схватил шапку, нахлобучил на голову и поспешно забрался в витрину. – Меня нет!

– Ахмед, – помотал головой Максим, – кончай дурку валять и вылезай оттуда – тебя все равно видно.

– Вы специально так говорите, шеф!

– Дело твое, конечно, но выглядишь ты, прямо скажем, по-дурацки.

– Почему?

– На татаро-монгола консервированного смахиваешь.

– Ну и пусть! – обиделся Ахмед, сложил руки на груди, поерзал, усаживаясь поудобнее в тесной витрине, и отвернулся.

Между тем лампа допрыгала до стены, ткнулась в нее носиком и повернула к Саиду.

– Уй-юй! – Саид вытянулся в струнку и прикинулся статуей. Жили только одни его глаза, которыми Саид неотрывно следил за перемещениями бронзового блина, вздрагивая всем телом от каждого его скачка.

Лампа добралась наконец до башмаков Саида, потыкалась в них и замерла.

– Издохла, что ли? – предположил Ала ад-Дин. – А я ее

палочкой хотел.

– Я те дам, палочкой. – Максим поспешно вырвал у юноши из руки волшебную палочку. – Тоже мне, потомственный Акопян выискался. И вообще, хватит с тебя мороженого, а то еще горлышко заболит.

– Не заболит. – Ала ад-Дин насупил брови и уставился в пол.

– А вдруг? Эй, Саидка, – позвал Максим, пряча палочку за пазуху.

– Че... – сглотнул тот, неотрывно глядя на лампу – вдруг опять шевельнется. – Чего?

– Ты бы ее потер, что ли? Видишь, на ручки просится.

– М-м-м, – отрицательно помотал головой Саид. – Н-не буду я ее тереть.

– Да ладно тебе. Она, похоже, признала в тебе хозяина.

– Вы так считаете, шеф?

– Конечно, видишь, как к тебе ластится?

Блин нетерпеливо подпрыгнул, будто подтверждая слова Максима.

– Не-е. – Саид бесшумно отступил на шагок назад. – Не хочу.

Носик у бывшей лампы зашевелился, будто живой. Его движения сильно смахивали на неловкие подергивания хобота у маленького слоненка. «Хобот» долго кривился и извивался, сворачивался в спираль, распрямлялся вновь и складывался вдоль и поперек. Максима, наблюдавшего за мета-

морфозами носика, вновь взяло сомнение, правильно ли он поступил, раздолбав лампу? Ведь кому понравится, когда твой любимый дом превращают в лепешку, а уж если вместе с тобой... К тому же следовало учитывать, чей это дом. В смысле, был. А, судя по тому, как хозяин лампы или, вернее, блина, с легкостью гнул и мял бронзу, причем не выходя наружу, он мало походил на славного и очень забавного белого крысенка, каких любят заводить сентиментальные барышни.

Расплющенный носик лампы-блина внезапно разжался с глухим хлопком, и из него повалил сизый дымок, сначала неуверенно, а после все сильнее и сильнее.

Впечатлительный Саид вновь хлопнулся в обморок там, где стоял.

Ахмед застыл в витрине невозмутимой статуей Будды, лишь стекла тихонько позвякивали, выдавая его испуг.

Ала ад-Дин, как человек, который ничего плохого в жизни не сделал, спокойно, но с изрядной долей любопытства взирал на сгущающееся над полом облако дыма, по которому то и дело пробегали разряды молний.

Максим, кряхтя, оторвал от пола кувалду, но потом решил, что от нее мало проку и опять опустил на пол.

Меж тем величественное грозное облако отрастило смерчевидный хвостик, две руки, выдавило вверх голову, на которой затрепетали, задымились два остроконечных уха, и джинн распахнул глаза – два черных бездонных провала.

– Смертный, что ты натворил? – гроыхнуло облако звуча-

ным басом, от которого задрожали стекла витрин, а у Максима волосы зашевелились на голове, но он постарался сохранить внешне невозмутимый вид.

– А можно не так громко? – поморщился он, опираясь на кувалду.

– Что-о?! – искренне удивился джинн. – Да знаешь ли ты, червяк, кто я такой?

– Знаю, и незачем так орать. Посмотри, что ты натворил, – повел рукой Максим. – Один в полной отключке, а второй ни жив ни мертв. Про Ала ад-Дина вообще молчу.

– Но...

– И сделай глаза попроще. Мне нравятся фиалковые, если что. Как у твоего подшефного Каззана.

– Ты... – негодуя начал распухать джинн.

– Да, ты прав, это я раздолбал твой уютный домик. Дом, милый дом! У меня тоже он когда-то был.

– Ты... – замахал мускулистыми лапищами джинн, загребая ими воздух.

– Виноват, прости, дяденька, засранца, больше не буду.

– Ты... – Глаза у джинна и вправду внезапно стали фиалковыми.

– Слышь, мужик, ну я же извинился. Замяли базар, сменили тему, – предложил Максим, преданно глядя джинну в огромные лучистые глаза-блюдца.

– Ты, смертный... – наконец смог продолжить начатую фразу джинн.

– Да, увы, – развел руками Максим, – ты опять прав, но что я могу поделывать – все мы смертны.

– Ты... – Джинн начинал медленно косеть. Один его глаз налился пурпуром, а другой стал пронзительно зеленый с переливами.

– Удивительно богатый словарный запас. Слышь, Ахмед?.. Не слышит. Вот что ты с ним будешь делать? – всплеснул руками Максим и, изображая крайнюю неловкость, пару раз легонько хлопнул в ладоши. – Ладно, если тебе больше нечего сказать, то я пошел? – указал Максим на выход.

– Стой, смертный! – пришел в себя джинн.

– Стою, – замер Максим на полушаге. – О, а ты сердитый дядька, как я погляжу! – шутливо погрозил он пальцем джинну.

– Зачем ты это сделал, отвечай?! – навис над Максимом джинн.

– Как тебе сказать? Честно говоря, я и сам не знаю. – Максим пригладил макушку и виноватым взглядом уставился в глаза джинну. – Прозрение, что ли, нашло. В смысле помутнение.

– Не знаешь? Помутнение? – еще больше распух джинн то ли от неподдельного удивления, то ли от подобной наглости. – Ты издеваешься надо мной?!

– И в мыслях не было. А все Казан, будь он неладен.

– Какой еще казан? – взревел джинн, всплывая к самому потолку пещеры.

– Уф-ф, как я устал. Да не Казан, а Каззан, с двумя «з». Возьмет же себе имя, а я мучайся потом.

– Значит, именно он тебя надоумил? – как-то уж очень ласково осведомился джинн.

– Ни-ни, – протестуяще замахал руками Максим. – Он всего лишь вывел меня из себя: то нельзя, это не так, это не получится, там закрыто. И... вот результат, – указал Максим на блин с носиком.

– А при чем здесь моя лампа, смертный?

– Я решил тебя освободить! – Максим выпятил грудь колесом. – Одним махом, так сказать.

– Э-э... не понял, смертный, – честно признался джинн.

– Ну как же: кувалда – бац; лампа – в лепешку; джинн фьюить, – присвистнул Максим, повертев пальцами, – свободен. Все довольны и счастливы, музыка, занавес, литавры, последний аккорд. Кстати, не стоит благодарности.

– Ты – сумасшедший? – догадался джинн.

– Нет, я Максим.

– Махмус? – опять надвинулся на Максима джинн, и его клубящиеся брови взлетели высоко вверх.

– Можно и так. Некоторые при этом еще добавляют Грозный, но я не настаиваю, – скромно добавил он.

– Так это тебя рекомендовал бестолковый проходимец Каззан?

– Знаешь, я не в курсе, кто кого и куда рекомендовал – меня на вашей сходке не было, – но что меня сюда приво-

докли без моего ведома – есть неопровержимый факт.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать: зеваю в накопителе, жду вылета, никого не трогаю, а потом – бац! – и я, как последний нищий оборванец, сижу под стенами какого-то Гулябада.

– Гульканда, – поправил дотошный Ахмед-«невидимка» из витрины.

– И ты хочешь сказать, что я должен визжать от счастья? – продолжал Максим, проигнорировав замечание.

– Я не знаю, смертный, – растерянно похлопал теперь уже желтыми глазами джинн. – Каззан говорил...

– Да, да, знаю: дух Сим-сим рекомендовал, трали-вали, пять рублей украли. А то, что я вообще не из вашего мира, так оно побоку?

– Впервые слышу о том.

– Интересно девки пляшут, – хмыкнул Максим.

– Какие еще девки? – огляделся джинн в поисках неведомых плясуний.

– Всякие. Ты тему-то не переводи – девок ему приспичило. Отвечай, почему я домой попасть не могу?

– Разве Каззан не сказал тебе? – все еще оглядываясь, спросил джинн.

– Сказал, но разве я сильно смахиваю на того, кто может даровать джиннам свободу?

– Совсем не смахиваешь, – вынужден был признать очевидное джинн, сделав пару кругов вокруг Максима и повни-

мательнее приглядевшись к нему. – Никак.

– В таком случае отправляй меня домой!

– Не могу, о Махсум, – развел руками джинн.

– Эт-то еще почему?

– Договор: освободишь всех джиннов – вернешься домой.

– А разве я подписывал договор?

– В том нет необходимости, смертный. Такие договора заключаются на высшем уровне.

– Ух ты, круто! Значит, без меня меня женили... Хорошо... – Максим подергал пальцами нижнюю губу. – Я правильно тебя понял: нужно освободить джиннов?

– Да.

– Всех?

– До единого.

– Серьезно?

– Серьезнее не бывает, – чуть повысил голос джинн, начиная терять терпение.

– Кстати, как тебя зовут?

– Саджиз, – похлопал глазами сбитый с толку джинн.

– Так вот, Саджиз: это нам пара пустяков!

– Правда? – обрадовался джинн, не веря ушам.

– Как два пальца! – Максим деловито поплевал на ладони и схватился за кувалду. – А ну-ка, уйди в сторонку, ради Аллаха...

Городская баня по случаю желания принцессы посетить

ее, была отмыта и отдраена не только изнутри, но и снаружи. Теперь она светилась и переливалась в лучах десятков факелов пузырями плохо смытой со стен мыльной пены, что придавало ей лоска, ибо само по себе здание являло собой грубую постройку из саманного кирпича и никак не было рассчитано на лицезрение царственнорожденными особами.

У входа в баню выстроилась семья ее владельца, которая непрестанно кланялась, расточая похвалы султану и его несравненной дочери.

– Какая прелесть! – Принцесса, не вытерпев, все же высунула головку из носилок и загляделась на искрящееся в ночи, переливающееся всеми цветами радуги небольшое здание. – А вы, отец, говорили, недостойное место.

– Мы говорили? Ну да, говорили. Мы и сейчас это говорим!

– Да-да, я поняла. А вот им, – пальчик принцессы уперся в семью банщика, – вы непременно должны отрубить головы.

– О принцесса! – Ноги банщика подкосились, и он рухнул на колени. Многочисленные его дети прыснули врассыпную, и лишь полноватая жена банщика, вывалив язык, продолжала пялиться на султана, принцессу и богатую свиту. – За что такая немилость? Чем мы провинились перед вами?

– Разве вы не слышали, как кричал глашатай: всякому, кто посмеет увидеть...

– Дочь наша, – поморщился султан, воротя лицо, – к чему омрачать столь светлый день...

– Ночь, – поправила Будур.

– Пусть! Столь светлую ночь...

– А разве ночь бывает светлой, отец?

– Э-э, дочь наша, не путай нас! Темный, светлый – какая разница? – раздраженно произнес султан. – Главное, он счастливый!

– Для кого?

– Для всех! И иди уже мыться, просим тебя, – застонал султан, закрывая нос тряпицей. – Сил наших больше нет обонять подобный смрад!

– Слушаю и повинуюсь, отец.

Будур смиренно потупила глазки. Четверо рабов подняли носилки принцессы и понесли ко входу в баню.

– Все ли у тебя готово, э-э... банщик! – лично поинтересовался султан у хозяина бани, решив показать дочери, какой он заботливый отец.

– Меня зовут Шухрат, о великий и славный султан! – подполз тот к самым носилкам, протирая штаны на коленях, но двое стражей схватили банщика подмышки и отбросили на должное расстояние.

– Разве мы спрашивали, как тебя зовут? – Султан скосил влево нижнюю челюсть и грозным взглядом уставился на банщика.

– Нет, о солнцеподобный! – ткнулся головой в землю банщик.

– О чем же тебя спрашивали, презренный раб?

– Вы... я... я забыл, о великий, – простонал банщик в пыль.

– Ай-яй, нам кажется, тебе все-таки придется отрубить голову, чтобы твоя память улучшилась.

– Пощадите, о великий султан! – вскричал перепуганный банщик. – Что я такого сделал?

– Ты не ответил на наш вопрос!

– Но я забыл его. Когда ваши стражники изволили толкнуть меня, о блистательный, у меня в голове все перепуталось! Молю вас, спросите еще раз, и я обязательно отвечу.

– Ну, смотри у нас. Я спросил... э-э, – Султан пощелкал пальцами. – Что мы у него спрашивали? Вот ты! – указал он на одного из стражников. – Что мы спросили?

– Вы, о пресветлый султан, – низко склонился стражник, – спросили, все ли у него готово.

– Ты прав, – удовлетворенно кивнул султан. – А этому, – указал он на стражника, – отрубите голову!

– За что, о великий султан? – Стражник вцепился в копьё обеими руками.

– Ты подслушиваешь наши разговоры, гнусный предатель, и готов их выболтать любому. Взять его!

– Ах, оставьте, отец, – вновь высунулась из носилок Будур. – Вы же сами сказали: не стоит омрачать столь счастливый для всех день!

– Ты права, дочь наша! – Султан откашлялся в кулак. – Оставьте несчастного, – дал он отмашку двум стражникам,

вцепившимся железной хваткой в своего товарища.

– О благодарю, великий султан, – испустил вздох облегчения ни в чем не повинный стражник. Копье в его руках дрожало.

– Отрубите ему голову завтра.

– Ай! – Стражник сполз по копыю и растянулся на булыжной мостовой в беспамятстве, продолжая прижимать к себе оружие.

– Слишком впечатлительный, – пожал плечами султан и приказал рабам, несшим носилки: – Опустите нас, дальше мы пойдем сами!

Рабы покорно опустили тяжелые носилки, стараясь не раскачивать их, незаметно выдохнули и взялись массировать затекшие, натруженные плечи, пока султан не смотрит в их сторону. Таскать такую тушу, да еще и с носилками весом в двух, а то и трех султанов – это вам не игрушки!

– Дочь наша, Будур! – крикнул султан, пытаясь обойти валявшегося у его ног банщика, не смеющего пошевелиться или поднять головы. Султан дернулся вправо, затем влево, – Э-э, – нетерпеливо пнул он сапогом преграду.

Банщик попятился, отклянчив зад, и затих у куста колючки. Острые шипы проткнули ему штаны, но мужчина даже пикнуть не посмел.

– Что вам, отец?

– Мы идем.

– Куда, в баню? – охнула Будур.

– Нет-нет, что ты! Мы просто лично проводим тебя в...

– Но отец, я не одета!

– Ах, да! – хлопнул по лбу султан, и подскочивший слуга водрузил чуть съехавшую набок чалму на прежнее, положенное ей место. – Мы постоянно забываем об этом. И что за глупость в самом деле! Так и быть, мы подождем тебя здесь.

– Хорошо, отец! – радостно выкрикнула принцесса – наконец-то он отвязался!

Носилки поднесли ко входу в баню и повернули так, чтобы принцесса могла сразу войти в узкие и низкие двери, распахнутые настежь.

– Вы свободны! – крикнула Будур рабам, несшим носилки. Те низко поклонились и попятились прочь, а к принцессе уже подбежали ее служанки, неся все необходимое. – Скорее, вытаскивайте этого... Ох, думала, задохнусь.

Принцесса пулей выскочила из носилок, хватая ртом свежий ночной воздух. Две девушки уже тащили спящего Нури за шкуру в баню.

– Ум-гнмн, – только и произнес тот, почесав пальцем узкий орлиный нос. Рот Нури до сих пор был заткнут шальварами принцессы, но молодого человека, похоже, они не особо беспокоили.

Девушки, пыхтя, дотащили вялое тело Нури до купальни и бросили у входа, как им и приказала принцесса. Служанки не понимали, что, собственно, задумала их повелительница, и зачем ей понадобился пьяный, источающий зловония Ну-

ри, тем более в купальне, но спросить они не решались.

– Отлично! – похвалила принцесса. – А теперь будем париться.

– О луноликая, – подала голос одна из служанок, набравшись смелости, – вы собираетесь париться при нем? – указала она на растянувшегося на влажном полу Нури.

– Вы же видите: ему ни до чего нет дела. К тому же он мой будущий муж!

– Слушаемся, о госпожа, – поклонились служанки, безропотно подчиняясь принцессе. – А если он изволит проснуться?

– Конечно, изволит, если вы будете спрашивать меня зачем да почему, – сверкнула Будур глазами, и уже никто из служанок не посмел произнести ни слова.

Девушки помогли принцессе раздеться, разоблачились сами и, прикрываясь тазиками и мочалками, вошли в купальню, пугливо косясь на лежащего на полу Нури и сторонясь его.

– Ну, чего вы стоите? – спросила принцесса, прячась за своих служанок.

– Прости, о госпожа, но мы не знаем, что нам делать дальше, – пролепетала одна из служанок, делая безуспешные попытки скрыть пышные формы тазиком достаточно скромных размеров.

– Вот бестолковые, – вспыхнула Будур. – Кричать, что же еще!

Служанки долго переваривали услышанное, потом на их лицах отразилось понимание и расцвели лучезарные улыбки.

– Слушаемся, о госпожа, – поклонились они, и тишину ночи разорвал истошный многоголосый женский вопль.

В городе завывли собаки, приبلудные коты, делившие территорию, шарахнулись прочь, сонные взволнованные птицы покинули свои гнездовища и закружили над городом. Из домов на улицы высыпал рабочий люд, хватая на бегу все, что попадалось под руки, рабы и слуги попрятались, стража укрылась за щитами, поводя остриями копий, а зевающий от скуки султан опрокинулся с носилок, на которые присел вздремнуть, пока суть да дело. Но никто не спешил к нему на помощь, потому как всем было страшно, аж жуть, ибо никто не мог понять, что, собственно, происходит. Ведь не секрет: ничто так не пугает, как полная неизвестность.

Ифриты не могли поверить своему счастью – проклятый колдун исчез!

– Колдуна нет... нет колдуна... испарился... разорвало... господин наш побрал... – пронесся радостный шепот по толпе ифритов.

– Да правда ли это? – усомнился левый ифрит из охранявших вход в пещеру, почесывая зудящую от царапин ногу.

– Не видишь сам? – отвечали ему новоприбывшие. – Нет его нигде, – и разводили руками.

– Нигде нет... разорвало... побрал...

– М-м, – в сомнении покачал головой правый ифрит. Он боялся поверить в столь желанное избавление. Неужели все закончилось? Но колдун хитер, очень хитер!

– Братья! – воскликнул тот из ифритов, что поднял рубин из пепла. – Колдуна нет, начальник его разорвал!

– Ура-а начальнику! – вскричали все дружно, кроме тех двоих, что стояли на часах у входа в пещеру. Они-то хорошо знали колдуна и не доверяли ему: а вдруг где-нибудь да и затаился подлый старикашка и только и ждет своего часа, чтобы уничтожить их всех, разом.

– Слушай мою команду! – выкрикнул тот из бравой четверки, что поднял рубин, и воздел камень высоко над головой.

– А почему твою? – возмутился другой.

– Да кто ты такой, чтобы командовать нами? – взмахнул саблей третий.

– Вот именно! – согласился с ними четвертый.

– Разуйте глаза: у меня камень нашего начальника! – вспыхнул в прямом и переносном смысле первый ифрит.

– И что с того? – подбоченился второй.

– Да-да, и что? – дернул себя за кольцо в носу третий.

– Вот именно! – поддакнул им четвертый из ифритов.

– Братья, да хватит вам уже, – попытался урезонить спорящих правый из тех, что охраняли вход в пещеру.

– А ты вообще не лезь, недостойный! – рявкнул второй

ифрит. – Не мог сам покончить с зудящим прыщом?

– Точно, не лезь. Сами разберемся! – фыркнул третий. – Слабак!

– Вот именно, – поковырял пальцем в ухе четвертый.

– Как знаете! – только и пожал плечами правый, обиженно опустив уголки губ – в чем он, собственно, провинился? Даже начальник – самый могучий из ифритов, – и тот не устоял перед черным колдовством «прыща».

– Вернемся к делу, братья! – вновь вскинул руку с рубином первый из четверки. – Камень и должность по праву принадлежат мне.

– С чего вдруг? – не согласился второй.

– Во-во, ты того, не очень, понял? – погрозил когтем третий.

– Вот именно, – широко зевнул четвертый, помахав лапшей у рта.

– Я его первый поднял! – никак не унимался первый.

– Подумаешь! Да кто угодно мог его поднять, – дернул саблей второй.

– Да-да, кто угодно! – возопил третий, грозя кулаком самозванцу. – И это не дает тебе никакого права претендовать на столь высокий пост.

– Вот именно! – почесал зад четвертый, млея от удовольствия.

– Ах, так? – ощерился первый, пряча камень в набедренную повязку.

– Да, так! – У второго нервно дернулась щека, и он удобнее перехватил саблю.

– И никак иначе! – добавил третий.

– Вот именно, – кивнул четвертый, наблюдая с разинутым ртом за метанием летучей мыши, что было гораздо интереснее, чем борьба за какой-то камень.

– Ну, я вам покажу, кто здесь главный!

Первый отбросил саблю, с голыми руками кинулся на второго и принялся его мутузить.

Второй, не ожидавший столь подлого нападения, ошеломленно закрывался руками, даже не помышляя о сопротивлении, и тогда третий поспешил ему на выручку, превратившись в огненный смерч.

– Вот именно, – привычно заключил четвертый. Отойдя в сторонку, он уселся на крупный валун, закинул ногу на ногу и, покачивая ей, стал наблюдать за битвой титанов.

Первый и второй тоже обратились в жгучее пламя, и теперь уже три огненных протуберанца, пышущих нестерпимым жаром, кидались друг на друга, завивались в спирали, взметывались к звездам, опаляли друг друга, бросаясь сгустками огня. Скалы дрожали от рева пламени, земля дымилась, камни плавилась, но трем ифритам не было ни до чего дела. Они самозабвенно пытались доказать свое преимущество.

И вдруг из неистово бушующего пламени к ногам правого ифрита, того, что охранял вход в пещеру, выкатился рубин.

Ифрит поднял камень, повертел в руке, любуясь игрой света на его гранях, и крикнул:

– Эй, послушайте! – протянул он камень в сторону сражавшихся.

Но троим ифритам было вовсе не до него.

– Уйди! – проревел один из сгустков огня.

– Отстань! – ответил другой.

– Не лезь! – грозно предупредил третий.

– Вот именно, – поддакнул сидящий на камне ифрит по привычке, играя кольцом в носу.

– Как знаете, братья, – буркнул под нос правый ифрит, разглядывая камень. Потом почесал ногу об ногу и решил примерить камень к своему лбу, просто так – ведь интересно же, согласитесь!

Земля дрогнула под его ногами и пошла трещинами.

Три огненных факела мгновенно замерли там, где стояли, вновь обратившись в грозных ифритов, побитых, в кровоподтеках и синяках. И еще с растерянными физиономиями – неясно, за что бились. Они взирали на ярко сверкавший во лбу правого ифрита рубин, который тот безуспешно силился оторвать.

– Что ты натворил, идиот?! – вскричал первый, схватившись за голову.

– Я не специально, честное слово! – захныкал правый, озаря светом рубина площадку у пещеры и близлежащие скалы. – Оно само получилось.

На помощь правому ифриту пришел левый и вцепился в камень обеими лапищами, упираясь ногой в колено собрата.

– Я сейчас, не переживайте. Я его выдерну, – пролепетал он, воспламеняясь от натуги, но рубин не поддавался.

– Дурак безмозглый! – возмутился второй ифрит.

– Блин, нафиг! – только и выдавил третий, у которого уже не осталось слов.

– Вот именно, – почесался четвертый, вновь зевнув. Ему-то уж точно не было до всего этого никакого дела.

– Не выдирается, – приуныл левый ифрит, отступив, и развел руками.

– Как... не выдирается? – сглотнул первый.

– А вот так: не выдирается, и все тут! – клацнул зубами левый.

– Ты что-то не так делаешь, – усомнился второй. – Мне кажется, его нужно сначала немножко повернуть по часовой стрелке... или против часовой? – задумался он, уставясь в звездное небо и поднеся палец ко рту.

– Да дать ему в морду, – выкрикнул третий ифрит, яростно взмахнув кулаком, – он сам и отвалится!

– Вот именно! – четвертый даже привстал с камня.

– Не надо мне в морду, – перепугался правый ифрит. – Не надо!

– Гаси его! – крикнул первый, призывно взмахнув рукой.

– Мочи! – заорал что есть мочи второй и бросился на правого ифрита.

– А может, не надо, а? – засомневался третий, а четвертый на всякий случай промолчал – еще, чего доброго, потом виноват останешься.

– Ай! – вскричал правый и полез на стену. – Не трогайте меня. Я не виноват! Я...

– Эй вы, шайтановы отродья, – донесся неведомо откуда слабый, но очень знакомый голос, и все шестеро ифритов закрутили головами.

– Колдун... это колдун... колдун жив... – зашептались трое ифритов, сбиваясь в плотную кучку и опасно озираясь по сторонам. Но колдуна нигде не было видно.

– Вот именно, – вздохнул четвертый, крутанув саблю. – Живучий, гад!

И трое ифритов уставились на него. Подобная многословность пугала едва ли не больше, чем невероятная живучесть злобного могучего колдуна. И в наступившей тишине ифриты слышали тихий скрип и потрескивание, доносившиеся неведомо откуда.

Правый ифрит сполз со стены, куда успел забраться, схватил оброненную саблю и повел головой. Яркий свет, лившийся из рубина в его лбу, скользил по скальной стене, словно луч прожектора. Ифриты, затаив дыхание, следили за ним. Луч поднимался все выше и выше по откосу, мазнул по сухому дереву с кривыми сучьями, росшему из скалы на высоте самого высокого минарета, последовал дальше, но внезапно замер и вернулся к дереву, застыв на нем дрожащим

ярким пятном.

На толстой нижней ветке, суча руками и дрыгая ногами, обутыми в чувяки, висел колдун, зацепившийся за выступающий сучок набедренной повязкой. Ветка тихонько поскрипывала; набедренная повязка, сдавая, предательски трещала.

– Снимите же меня, болваны! – Колдун осознал, что обнаружен, и забился в полную силу, раскачиваясь на ветке, словно игрушка на праздничной елке. – Я сейчас упаду, и тогда вам всем не поздоровится!

– Лучше подождать, – предложил четвертый.

– Я тебе подожду, орясина! – замахал руками колдун. – Я тебе так подожду! Снимите меня немедленно.

– Грохнется – костей не соберет, как пить дать, – зашептал первый. – Брат прав: лучше подождать.

– А если соберет? – усомнился второй.

– Все возможно, – кивнул третий, не отрывая пристального взгляда от высоко висящего колдуна.

– Чего вы там шепчетесь? – вновь дернулся колдун и затих – ветка скрипнула сильнее, чем обычно. – Снимите же меня отсюда! – В голосе Абаназара слышалось непередаваемое отчаяние.

– Пусть повисит пока, – приободрился первый.

– Ага, пусть повисит, – поддакнул второй.

– Вот именно, – сказал третий, и теперь все уставились на него. – Что? – спросил тот, смутившись под пристальными

взглядами товарищей.

– Я же сейчас упаду, эй! Я же свой, ваш! – продолжал над- рываться колдун.

– Может, все-таки снимем? – предложил сердобольный правый ифрит с камнем во лбу.

– Зачем? – моргнул первый.

– Он и вправду вроде как наш. Если он угробится – наш господин нам не простит.

Трое ифритов задумались. Резон в словах рубиносно- го ифрита, конечно, был: колдун – он ведь ближе к шайта- ну, нежели к всевышнему. Но с другой стороны, помогать колдунам не входит в обязанности ифритов, хотя...

Тр-рах!

– Ай-я-а-а! – вскрикнул Абаназар и, подвывая и хлопая набедренной повязкой, понесся вниз со всевозрастающей скоростью.

Глава 16. Пожа-алуиста!

– Остановись, смертный! – вскричал Саджиз, заметавшись у сваленных в углу ламп.

– А ты меня останови, – злорадно ухмыльнулся Максим, надвигаясь тяжелой поступью.

– Не надо, заклинаю тебя Соломоном, о человек!

– Уже человек, а не смертный? Ну-ну.

Максим поудобнее перехватил кувалду и взмахнул ей. Джинн забился в угол, его огромные глаза еще больше увеличились и приобрели желтый оттенок.

– Твой жуткий, необдуманый поступок ничего не даст, поверь мне! – сделал еще одну попытку Саджиз.

– Охотно тебе верю, но я все-таки попробую.

– Подлый ты человек, о Махсум! – Джинн распластался на стене, его клубящийся хвостик едва заметно подрагивал.

– Это я-то подлый? Да ты на себя посмотри, редиска! – Максим сплюнул на пол, неотвратимо надвигаясь.

– Кто редиска? Я? – Саджиз нашел в себе силы удивиться. – Я не редиска!

– Еще какая! – хрюкнул Максим, вздымая кувалду. – Ты себя в зеркало видел?

– Одумайся, они же не могут защищаться!

– Поздно, – выдохнул Максим, опуская кувалду.

Джинн щелкнул пальцами.

Хлоп!

Кувалда исчезла из рук Максима, и с громким «ух!» его бросило вперед.

На груди ламп падать вовсе не хотелось, и Максим вцепился в первое, что подвернулось под руки. А подвернулся мельтешащий перед глазами хвост Саджиза.

– Уау! – взвыл джинн, дернувшись вверх. Хвост на удивление оказался отнюдь не эфемерной субстанцией, а вполне реальным и осязаемым, причем упругим, бархатистым и приятным на ощупь, так что за него очень удобно было держаться, и Максим покрепче вцепился в вертлявый кончик обеими руками.

– Ну что, Совбез, или как там тебя?

– Саджиз, – плаксиво протянул джинн.

– Один хрен, – донеслось из витрины.

Саид, едва пришедший в себя, еще больше побледнел, вновь закрыл глаза и растянулся на полу. Смотреть, как таскают Владыку джиннов за хвост, словно провинившуюся дворовую псину, оказалось выше его сил.

Ала ад-Дин квадратными глазами неотрывно следил за удивительным поединком духа и человека: расскажи кому – не поверят ведь.

– Отпусти меня немедленно, слышишь? Со мной нельзя так.

– А как с тобой прикажешь обращаться?

– Я могущественный джинн! – крутнул хвостом Саджиз,

но вырваться ему не удалось – Максим крепко держал его.

– Вор ты, а не джинн. Признавайся, где моя любимая кувалда?

– Ее больше нет... Я должен был... Отпусти!

Джинн попытался отплыть в сторону, и Максима поволокло вслед за ним по полу.

– А ты опять щелкни пальцами, – посоветовал Максим, поднимаясь с колен и подтягивая джинна к себе. Тот упирался изо всех сил, дергаясь из стороны в сторону, и ни в какую не желал приближаться.

– Не могу-у, – протянул Саджиз. – Моя магия на тебя не действует, о человек. Отпусти, прошу тебя, – взмолился он, сложив ладони.

– Не действует? Почему? – удивился Максим, застыв на месте.

– А вот так! Ты не из нашего мира.

– А перетащить меня сюда, значит, действовала?

– То совсем другое, – глухо отозвался джинн.

– Другое, другое, – проворчал Максим и резко разжал пальцы.

Саджиз от неожиданности отлетел к стене, впечатался в нее грудью и стек на пол к ногам Ала ад-Дина. Юноша из любопытства потыкал в джинна пальцем и прицокнул языком.

– О-ох! – Саджиз собрал себя в единое целое и с трудом воспарил над полом, держась за голову.

– Головка бо-бо? – посочувствовал Максим.

– Немножко, – честно признался джинн.

– Ничего, сейчас я тебя развеселю, и все пройдет.

– Что ты опять задумал? – напрягся Саджиз, мгновенно позабыв про головную боль.

– Да вот, думаю, с палочкой немного позабавиться, скуку развеять. – Максим вытащил из-за пазухи волшебную палочку и продемонстрировал ее джинну.

– Только не новую кувалду, заклинаю тебя! – замахал руками джинн.

– Ну что ты! – отмахнулся Максим. – Кувалда – пройденный этап. Скучно, примитивно и грубо.

– Но... что же ты тогда собираешься сделать?

– Да вот, знаешь ли, всю жизнь мечтал о море, да так и не пришлось.

– Море? – глаза Саджиза налились вопросительно-непонимающе-зеленым.

– Именно!

– Но у нас нет морей! У нас пустыня.

– Сейчас поправим.

– У тебя ничего выйдет, – решительно заявил Саджиз. – Никакая палочка не в силах обратить целую пустыню в море. Даже мне такое не под силу. – Джинн сложил руки на груди и вздернул острый раздвоенный подбородок.

– В отличие от тебя я не страдаю манией величия. Ограничимся малым.

– Что ты имеешь в виду, смертный?

– Да вот, думаю сделать из этой пещеры небольшой аквапарк.

– Аква... что?

– Водный парк – увеселительное место для отдыха на воде.

– Все равно не понял.

– Я сейчас все тебе объясню: вот тут у нас будет грот с водопадом, – указал Максим на стену рядом со входом в залу, – а вот здесь... – Он задумчиво сжал пальцами подбородок. – Здесь сделаем водяные горки. Там, – простер Максим руку в направлении дальней стены, – все зальем водой и поставим яхту.

– Ты, верно, шутишь? – брови Саджиза поползли на лоб.

– Ни в коем разе! Обожаю воду. Сотворю себе кусочек моря и...

– Но это моя пещера! – возмущенно вскричал джинн. – И она мне нравится такой, какая есть.

– Да не беспокойся ты, ничего с ней страшного не случится. К тому же немного разнообразия ей не повредит. И начнем мы с водоема.

Максим взмахнул палочкой и едва успел отскочить, как пол в дальнем углу залы заполнился водой, и она хлынула к ногам остальных.

Джинн взвился к потолку, возможно, из боязни замочить хвост.

Ала ад-Дин поспешно забрался на столик у входа и оттуда

взирал в немом восхищении как прибывает вода.

– Поплыли, – почмокал губами Саид, не открывая глаз, сложил руки на груди и всплыл на поверхность.

Ахмед поспешно затворил стеклянную дверцу и припал к ней лицом, будто плохо видел. Стекло запотело от его напряженного дыхания, и Ахмед протер его рукавом.

– Моя пещера, мой музей! – хрипло выдавил Саджиз, собираясь щелкнуть пальцами, но не успел.

– А теперь – яхта! – взмахнул палочкой Максим.

Вода всколыхнулась, и в глубине комнаты, возникла одномачтовая яхта. Правда, в комнату она не поместилась, и потому с оглушительный треском переломилась пополам, мачта сложилась втрое, разнеся по пути пять витрин с экспонатами, а ту, в которой сидел Ахмед, накрыло порванным парусом.

Саджиз протянул руки и раскрыл рот, но из его горла вырвался лишь сдавленный писк.

– Мда, – недовольно протянул Максим и покачал головой. – Деревянные яхты ненадежны, значит, сделаем железную. А еще лучше – прогулочный катер.

Очередной взмах палочки, и яхта исчезла, а на ее месте возник железный катер вдвое больших размеров. Стены пещеры дрогнули, с оглушающим грохотом проломившись в обе стороны. С потолка посыпались камни.

Ала ад-Дин схватил стоявшую рядом табуретку и прикрывшись ей.

Саид своим ходом отплыл под столик, так и не придя в сознание.

Ахмед взмахнул руками и вцепился в шапку, отчего лопнувшие стекла витрины разлетелись осколками. Теперь бывший разбойник сидел лишь на узком квадратном постаменте, с трудом удерживая равновесие.

Джинн уже только сипел, и от волнения никак не мог попать пальцем на палец для приличного щелчка, без которого, как вы понимаете, колдовства просто не получится.

Однако Максим не удовлетворился результатами эксперимента: корабль все равно изрядно помяло, будто он был сделан из бумаги.

– Остановись, о человек, прошу тебя! – наконец обрел себя джинн вместе со способностью ясно изъясняться.

– Ты думаешь, так оставить? – с серьезным видом спросил Максим. – Тебе нравится авангард?

– Мне вообще не нравится.

– Вот и я о том же. Надо признать, идея с аквапарком была ужасно глупой, нужно сделать по-другому, – продолжал размышлять вслух Максим.

– Что ты еще задумал, о несчастный?! – вцепился в голову Саджиз, закружив возле корабля. – Тебе мало того, что ты уже натворил? Да тут ремонту недели на две!

– Я думаю, лучше всего будет затопить пещеру, в смысле полностью, напустить рыбок там, медуз всяких и пригнать сюда субмарину, типа, подводные экскурсии.

– Что-о!!! – в ужасе вскричал Саджиз. – Ты не посмеешь этого сделать! У тебя ничего не получится.

– О, ты плохо знаешь русских.

– Чего ты хочешь? – застонал Саджиз, опускаясь к Максиму. – Проси, я все исполню.

– Отправь меня домой.

– Не могу, вот провалиться мне в преисподнюю! Проси что угодно, только не это!

Максим подождал немного, но джинн действительно никуда не провалился. Саджиз молчание Максима истолковал по-своему. Не на шутку забеспокоившись, он быстро затараторил:

– Хочешь, дворец тебе отстрою, каких мир не видывал? Денег дам, много денег: серебро, золото. Гарем у тебя будет, править будешь, только не губи! А хочешь... хочешь, я тебе море сделаю, твое собственное, а? Корабль у тебя свой будет, станешь моряком.

– О-хо-хо, – только и качнул головой Максим и вновь взмахнул палочкой.

Саджиз и все остальные (кроме Саида, пребывающего в беспомощности) сжались, зажмурив глаза, но... пещера вдруг приобрела прежний вид. Не было ни воды, ни разрушенных стен и свода, не было побитых витрин – все как прежде. Даже золотая подставка под лампу, и та стояла в своем первоначальном виде посреди комнаты, а на ней лежала расплюснутая бронзовая лампа с носиком-хоботом.

Максим тяжело опустился на пол, положил руки на полусогнутые колени и повесил голову. Саджиз осторожно подплыл к нему и пристроился рядышком.

Ала ад-Дин слез со столика и огляделся. Поднял оброненный Саидом сверток со спицами и крючками – подарок Максима – и переложил его на столик.

Ахмед приоткрыл стеклянную дверцу, выбрался из витрины, держась за поясницу и охая, снял шапку и аккуратно положил ее на место. Любовно выровняв. Затворил дверцу.

Саид пришел в себя, начал подниматься, но врезался лбом в низко нависавшую над головой столешницу и опять отключился.

– Не везет так не везет, – произнес Ала ад-Дин и присел на шаткий табурет.

Повисло неловкое молчание.

– Все-таки глупая была затея, – тихо произнес Саджиз. Максим не ответил. – А все этот... Казан! Вот я ему, – погрозил джинн кулаком в никуда. – Послушай, Махсум, оставься у нас, тебе понравится.

Максим опять промолчал, рассеянно вертя в пальцах волшебную палочку.

– Ну что мне для тебя сделать?

– Да не надо мне от тебя ничего, – буркнул Максим. – Лучше вон Ала ад-Дину помощи. Да и у Ахмеда мечта есть.

– Что вы, шеф, – расчувствованно высморкался Ахмед и утерся рукавом. – Ничего мне не надо.

– Я говорю о тебе, а не о них! – возмутился джинн.

– Не пойдет. Ахмед из-за меня сорвался с места – теперь у него ни дома, ни денег, а Ала ад-Дину ваш пустозвон Каззан напел в уши про красивую жизнь.

– Так ли это? – Саджиз повернул голову к Ала ад-Дину. Тот лишь печально дернул подбородком.

– О мне этот Одын Бздын!

– Чего? – недопонял Максим.

– Фамилия такая, – с горечью в голосе пояснил джинн. – Каззан Одын Бздын, в смысле, один щелчок пальцами.

– Понимаю, – вздохнул Максим.

– Хорошо, – сдался Саджиз. – Вы можете загадать три желания – по одному на каждого. Потри, э-э... – Джинн придиричиво оглядел бронзовую лепешку со вздернутым носиком. – Ладно, думаю, обойдемся и без трения, тем более лампа безвозвратно испорчена... Чего же ты желаешь, смертный? – принял джинн серьезный вид, обратив дымный лик к Ала ад-Дину.

– Я хочу жениться на принцессе Будур! – выпалил юноша, порывисто вскочив с табурета.

– Ничего не выйдет, – пожевал губу Саджиз. – Во-первых, я не сваха, и любовными делами не занимаюсь, а во-вторых... – замолчал он.

– Что? Говори же! – выкрикнул Ала ад-Дин, сердце которого сжалось в предчувствии недоброго.

– Во-вторых, у нее сегодня свадьба.

– Как... свадьба? – Ала ад-Дин бухнулся на стул. – Что ты такое говоришь, о всемогущий Саджиз?

– Что есть, то и говорю, – отвернулся Саджиз. – Проси что-нибудь другое.

– Нет у меня другого желания, – развел руками Ала ад-Дин. – Она прекрасна, как лик полной луны, ее стан подобен стройному кипарису, глаза – бездонные горные озера, а дыхание... Нет, без нее мне не жить, без моей дорогой Будур.

– Ты дурку-то не валяй, паникер несчастный, – грубо бросил Максим. – Тоже мне, Ромео нашелся! А ты говори толком, – обернулся он к джинну, – где, что и как! Да думай, прежде чем сказать.

– А что тут думать? – пожал плечами Саджиз. – В бане она сейчас, со своим женихом.

Глухой стук донесся со стороны входа в пещеру. Опрокинутая табуретка валялась в проходе, а Ала ад-Дин раскинулся в беспамятстве рядом с Саидом. Правая нога молодого человека лежала на табурете, а левая рука почему-то вцепилась в крюк отдыхающего рядышком Саида.

– Ты больше ничего не придумал, как ляпнуть подобное? – выговорил Максим джинну.

– А чего я такого сказал? – удивился Саджиз.

– Думать же надо! – Максим постучал костяшками пальцев по лбу. – Видишь, парень того, впечатлительный.

– А мне-то что?

– Мне-то, мне-то... Ладно, рассказывай по порядку, что

там к чему...

– Что вы застыли, остолопы?! – первым очухался султан. Опираясь на носилки, он с превеликим трудом воздел грузное тело на ноги и потер зашибленный бок. – Там же наша дочь! О, Будур, несчастная малышка...

Стража, гремя щитами, побежала ко входу в баню. Султан заторопился следом, переваливаясь с боку на бок.

– Глаза, глаза закройте! – крикнул он стражникам вдогонку.

Стража послушно закрыла глаза, и сразу произошло первое столкновение в дверях: два стражника, стараясь сохранить выбранное ими направление, врезались друг в друга щитами и закупорили дверной проем. Они толкались и работали локтями, неприлично ругаясь, а сзади уже подоспели следующие стражники. Те тоже боялись послушаться султана и не открывали глаз. Двоих застрявших в дверях смело внутрь на раз-два. Они повалились на пол, щиты их откатились, оглашая раскатистым звоном небольшое помещение, и тогда из дверей повалили остальные. Никто ничего не видел и, главное, не понимал, куда и зачем нужно бежать. Вбегая в двери, стражники кружили на месте, шупая свободными руками пространство вокруг себя и без разбору тыча копьями.

– Ай! Ой! Уй! – доносилось то и дело. В рядах стражников царила невообразимая неразбериха.

– Меня кто-то уколол! Это ты, Ибрагим? Узнаю твои ду-

рацкие шуточки.

– Сам дурак! Вот тебе, паршивый осел!

– Ай! Это не я говорил. Меня-то за что?

– Передашь... кому надо.

– Вот я тебе передам, гнусный верблюд с языком шакала!

Бум-м!

– Ох! Да вы что, с ума посходили? Я вообще только встал.

– Вот и лежал бы себе...

– Гиена горбатая! На тебе, вот!

Тр-рах!

– Это не я! Я не горбатый!

– А кто горбатый?

– Не знаю. Не бейте меня-а!..

– Молчать!!! – гневно затопал возникший в дверях пове-

литель правоверных. – Всех казним, до единого!

И неразбериха в один миг прекратилась. Стражники выстроились в стройную шеренгу, несмотря на закрытые глаза – сказывался многолетний опыт, – вытянулись «во фронт», выпятили грудь (или животы – у кого что получалось) и преданно «установились» на султана.

– Где наша дочь, мы вас спрашиваем? – продолжал бушевать султан. – Где она?

– Я здесь, о отец! – донеслось справа из-за чуть приоткрытых дверей.

– За нами-и-и! – взмахнул рукой султан и поковылял к дверям, но у самого входа в купальню замялся, отступил в

сторонку. – Впереди нас! Живо!!! Глаз не открывать.

Прикрыв лицо рукой, султан рванул на себя дверь и впустил внутрь первого из приблизившихся стражников.

– Ох! – вскрикнул вбежавший в двери стражник, зацепившись ногой за расprostертое на полу тело дрыхнувшего Нури, и покотился кубарем, растеряв оружие.

– Мгмн? – удивился во сне Нури, жуя шальвары.

– Ой! – Теперь и второй стражник кувыркнулся через неожиданное препятствие и, усевшись на полу, шарил руками в поисках оброненных сабли и шлема.

– Ай! – высоко подпрыгнул третий стражник, которого спящий Нури зачем-то схватил за ногу. Стражник вывернулся и выпрыгнул обратно из дверей, устроив новое сполпотворение.

– Да что там происходит? – Султан распахнул стражу и вошел в купальню. – О Аллах всемогущий, почему вы кричите, как стадо ополоумевших обезьян? Сейчас сюда сбежится весь город.

– Отец, да вы только взгляните! – воскликнула Будур, прячась за девушками, прикрывающимися тазиками, словно щитами.

– Не будем мы смотреть. Мы не можем, – замахал свободной рукой султан, отворачиваясь и кривя лицо.

– Но вы должны это видеть!

– Ты с ума сошла, дочь наша! – густо покраснел султан. – Предлагать такое нам, твоему отцу!

– Да нет же, вы вниз посмотрите. Прямо у ваших ног.

– Мгм? – Кто-то дернул султана за штанину.

Султан отдернул ногу, невольно распахнув глаза и заслонив их ладонью, словно козырьком, чтобы только не видеть женщин.

– Что, что это такое? – узрел он наконец лежавшего у своих ног Нури, деловито пережевывающего штаны. Пальцы юноши во сне шарили вокруг, будто Нури пытался что-то отыскать. – Нури? Откуда он взялся?!

Султан в сердцах пихнул ногой источающего вокруг себя невыносимую смесь вони Нури.

– Эй ты, вставай!

– Мнг! – Нури возмущенно шлепнул розовой ладошкой по влажному полу и вдохновенно почесал нос.

– Что он сказал? – нахмурился султан.

– Мои уста боятся повторить, о великий султан, – подлез ему под руку начальник стражи.

– Ка-ка-я наг-лость! – задохнулся султан. – Разбудите наглеца, мы хотим дознаться, что он тут делает!

– О отец! – воскликнула Будур, ломая руки. – Этот гадкий пьяница и развратник как-то проник сюда, понукаемый гнусной похотью, спер мою одежду и теперь пытается съесть ее. Видите, он совсем ополоумел.

– Вот мы ему сейчас!.. – негодуя потряс кулаками султан, но опять прикрыл глаза ладонью. – Эй, стража! Вытащите проклятого олуха в коридор.

– Слушаюсь, о великий султан!

Начальник стражи на ощупь отвесил двум подчиненным пинки, те с пятого раза нащупали ноги Нури, ухватили его за них и потащили в коридор.

– Какая невиданная наглость! – продолжал возмущаться султан, пятясь вон из дверей. – Так вот от кого шла непереносимая вонь! А ты, дочь наша, немедленно оденься и возвращайся к нам. Мы желаем выяснить все и сейчас.

– Пусть отдаст мои шальвары!

– Тебе принесут другие, а это, – султан наклонился и рывком выдрал из зубов Нури шальвары дочери, – доказательство его вины.

– М-м? – наконец продрал глаза Нури.

– А, проснулся, подлый развратник, – возликовал султан, потрясая шальварами. – Признавайся, гнусный шакал, зачем ты проник в баню? Зачем ел одежду нашей несравненной дочери?

– О вел... ик! ...ий этот... султан. – Нури с трудом перевернулся на живот и попробовал встать, но опять завалился вбок. – Я того... – повел он пальцем. – Э-э... здесь, вот...

– Что он лопочет? – растерянно спросил султан. – Кто-нибудь, переведите нам его слова.

– Запирается, негодяй, подлый человек! – пояснил главный стражник. – Хочет вас запутать, о солнцеподобный!

– Хр-р-р!

– Какой знакомый храп! – обрадовался султан. – Мы его

уже слышали сегодня дважды, нет, трижды!

– Скорее всего, о великий султан, этот презренный, похотливый ишак скрытно последовал за носилками вашей дочери, всю дорогу храпел и...

– Зачем?

– Кто ж его знает, о светлейший. Может из хитрости? А потом тайно пробрался внутрь.

– Постой, постой! Он крался за нами спящим? – усомнился султан в суждениях главного стражника.

– О, он очень хитер!

– Сами знаем! – рявкнул султан, обмахиваясь шальварами. – Приведите его в чувство и позовите главного визиря!

– А-а-а!

Абаназар прекратил надрываться и долго лежал с закрытыми глазами, силясь понять, что с ним произошло. Вроде ничего не болит, разве что радикулит крутит спину, артрит сводит пальцы, ломит в левом боку, но это от удара об скалу, когда его зашвырнуло на дерево взрывом, будь оно трижды неладно! Еще память отказывает, как всегда – в общем, ничего нового и страшного. Где же переломы, где страшные ушибы и раны, где адские боли? Ведь шутка ли, сверзился с такой высоты! И кто так надсадно и знакомо дышит прямо над его головой?

Колдун разлепил веки, и ему стало по-настоящему дурно. О, лучше бы он не открывал глаз, лучше бы так и лежал в

полном неведении, наслаждаясь тишиной и покоем... в лапах гнусного отродья шайтана!

– Отпусти меня, черная образина! – взбеленился Абаназар, задрывав руками и ногами.

– Вот она, благодарность за спасение, – прогудел ифрит с рубином во лбу и сбросил колдуна с ладоней.

– А кто тебя просил меня спасти, ты, уродливый ифрит? – поспешно вскочил Абаназар и погрозил ифриту кулаком. – Я просил снять меня, а не лапачь своими проклятыми ручищами.

– Но если бы я тебя не поймал...

– Ничего бы и не было, тупой ты бурдюк с прокисшими мозгами. Я, как кошка, всегда приземляюсь на лапки, и у меня девять жизней.

– Прости, колдун, тогда я все исправлю.

– Не понял. – Абаназар покрутил лысой, перепачканной сажей головой. Да и весь, с ног до головы, он был порядком закопчен – последствия взрыва.

– Я опять повешу тебя на ту же ветку, и падай на свои лапки, сколько тебе будет угодно.

– Нет! Не трогай меня, образина, – отбежал подальше Абаназар. – Поймал и поймал. Ты же не виноват... Постой, я же тебя взорвал! – повнимательнее пригляделся колдун к камню.

– Нет, я жив! – гордо сказал ифрит, а компания из четырех ифритов за его спиной закивала в подтверждение его слов.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, – быстро пересчитал ифритов колдун. – Шесть... А сколько вас было?

– Когда? – спросил ифрит с рубином во лбу.

– Что – когда? – похлопал глазами Абаназар.

– Когда, спрашиваю, было? Вчера, к примеру, нас было двадцать шесть, мы праздновали юбилей пещеры – три тысячи лет, как-никак!

– Поздравляю, – машинально отозвался колдун.

– Благодарю тебя, колдун. А сегодня нас было по-разному в разное время. Впрочем, как и позавчера, и поза-позавчера.

– Что ты мне мозги крутишь, болван черный! Отвечай прямо: сколько вас было?

– Мно-ого, – протянул ифрит, почесав пальцем кончик уха.

– Впрочем, какая разница, – сдался Абаназар, которому по большому счету было наплевать на ифритов вообще и их количество в частности. – Скажи, зачем ты меня поймал?

– Опять двадцать пять! – всплеснул ифрит лапищами. – Да чтобы тебя не размазало о камни.

– А выгода? Какая тебе с того выгода? – Абаназар чуть склонил набок голову и потер палец о палец.

– Да какая с тебя, колдунишки, выгода-то? Разве тряпку твою забрать, сморкаться в нее.

– Но-но! – Абаназар вцепился в набедренную повязку. – И дай мне воды!

– Ты опять, колдун? – поразился подобной беззастенчи-

вой дерзости ифрит.

– Да, опять! Ты же – или другой, не знаю – не дал мне напиться по-человечески.

– И не дам. Не положено! – отрезал ифрит, хотя страх вновь начал одолевать его.

– Да дай ты ему, брат, от греха подальше, – посоветовал левый ифрит, что охранял вход.

– Да-а? А потом он запросит луну с неба?

– Да на кой мне твоя луна, глупая ты образина? – клацнул зубами Абаназар. – Я пить хочу!

– На, только отстань от меня, о неблагодарный! – Ифрит щелкнул пальцами, и перед колдуном возник кувшин.

Абаназар долго смотрел на него, потом осторожно ткнул в него пальцем. Кувшин покачнулся, упал на землю и разлетелся на мелкие глиняные кусочки, а воду мгновенно впитала жадная сухая и горячая земля, еще не успевшая толком остыть после битвы ифритов.

– Ы-ы-ы! – возмущенно потряс кулаками Абаназар, а ифрит отступил к пещере и оттуда напряженно следил за колдуном. – Гнусное порождение мрака! Опять твои шутки?

– Какие шутки, колдун? Я тебе дал воду – ты опрокинул и разбил кувшин.

– Но в прошлый раз... – пропыхтел Абаназар, зверея. – В прошлый раз кувшин невозможно было сдвинуть с места.

– Все меняется, колдун, – безразлично пожал плечами ифрит, пробуя пальцем заточку лезвия сабли. – Кому как не те-

бе знать об этом.

– Дай мне еще воды!

– И не подумаю! – фыркнул ифрит. – Я тебе не водокачка.

– Чего?

– Не водонос, говорю, я тебе.

– Так его... правильно... молодец наш новый начальник... не начальник – орел! – зашептались четверо ифритов. – Вот именно...

– Значит, не дашь? – стиснул кулаки Абаназар.

– Не дам.

– Ни капли?

– Ни единой!

– Тогда... тогда я... – огляделся Абаназар, ища выхода своей свирепой ярости, но голова после пережитого кошмара совсем плохо соображала и все заклинания в ней перепутались. – Тогда я сейчас скажу волшебное слово, всего одно, но очень действенное!

– Как-кое еще слово? – вздрогнул ифрит с рубином во лбу.

И с ним вздрогнули остальные пятеро ифритов.

– А вот какое: пожа-алуйста!

Глава 17. Зачем ты залез в горшок?

– Вот так, – закончил Саджиз повествование. – Султан никогда не допустит, чтобы какой-то оборванец, – джинн покосился на Ала ад-Дина, все еще лежащего без движения, – стал мужем его обожаемой дочери. Пустое все это.

– Глупо. Глупо, дико и несправедливо, – мотнул головой Максим.

– Что поделаешь, Махсум. В таком мире мы живем, а он, как известно, всегда был полон несправедливости, и если люди не изменят себя, таким и останется.

– А ты, как я погляжу, оптимист! – хмыкнул Максим.

– Чудного слово, не знаю его, но только мы, джинны, никогда не вмешиваемся в дела людей.

– Типа, наше дело – сторона? А парень пусть изведется на нет, руки на себя наложит?

– То ваши дела, смертный, – ледяным тоном ответил Саджиз. – Вы же не помогаете джиннам, так с чего джиннам помогать людям?

– Давай без наездов, ладно? Да будь у меня ваше могущество...

Не закончив фразы, Максим застыл с широко распахнутыми глазами, рот его округлился, а правая рука вцепилась в лапищу Саджиза.

– Ты чего? – насторожился джинн, но освободить руку не

посмел, хотя и очень хотелось – мало ли что на уме у неведомого пришельца из другого мира. – Тебе плохо? Паралич, припадок, сердце екнуло?

– Есть идея! – внезапно вскочил Максим.

– Значит, еще хуже, – резюмировал Саджиз. – Если опять кувалда или океан в пещере, то...

– Да нет, не то! – зло отмахнулся Максим. – Я насчет освобождения джиннов.

– Ты что-то придумал? – приподнялся над полом Саджиз.

– Шеф – он такой! – подхватил Ахмед. – Без штопора в з...

Простите, шеф! – перехватил он напряженный взгляд Максима. – Это, кажется, не из той оперы.

– Совсем не из той, Ахмед.

– Смертный, поведай же, что ты придумал? – нетерпеливо поторопил Саджиз.

– Ты слишком скор, мой друг. И не называй меня смертным – мне неприятно.

– Хорошо, о Махсум. Но я уже весь извелся! Стоящая ли у тебя идея?

– Не знаю, выгорит ли дело, но другого все равно ничего на ум не приходит. Да и рискованно это.

– Не пугай меня, см... О, прости! Я хотел сказать, Махсум.

– Тебе-то уж точно бояться нечего. Лучше скажи для начала, ты сможешь моим друзьям, если я помогу тебе?

– Да!

– А не врешь?

– Джинны никогда не врут! – гордо распух Саджиз. – Нам ложь без надобности.

– Тогда для начала ответь мне, о честнейший из джиннов: откуда ты столько знаешь о султানে, Ала ад-Дине, Будур и прочих? Значит, ты все-таки следишь за людьми, хотя и утверждаешь, будто они тебе до лампочки.

– Я ни за кем не слежу – зачем оно мне? – пожал плечами Саджиз и повел рукой над головой. – Я черпаю знания из эфира.

– Ты его нюхаешь?

– Кого? – опустил руку джинн.

– Эфир.

– Как его можно нюхать, глупый ты человек? Эфир составляют знания, мысли и чувства всего сущего, их деяния и поступки. Их читают, а не нюхают.

– Ясно. В общем, ты обещал помочь.

– Да помогу я, помогу. Только не тяни, о человек!

– Да-да, шеф, хватит вам тянуть кота за... Молчу, молчу! – Ахмед прикусил язык.

Ала ад-Дин зашевелился, раскрыл глаза и сел.

– Где я? – вялым голосом спросил он.

– Там же, где и был, – сухо ответил Максим.

– О, моя несравненная Будур! – вновь завел старую песню Ала ад-Дин.

– Слушай, завязывай уже со своими страданиями, – не выдержал Максим. – Мы тут решаем глобальные проблемы, как

помочь джиннам, Ахмеду, ну и тебе заодно, а ты нытье производишь – тьфу, противно слушать!

– Помочь мне? – не поверил Ала ад-Дин. – Хватит! Один мне уже помог.

– Значит, жениться ты уже расхотел? – подвел черту Максим. – Ну что ж, одной проблемой меньше. Вернемся к нашим баранам, Саджиз.

– Вернемся, – кивнул джинн, потирая ладони. – Но о каких баранах ты ведешь речь?

– Неважно!

– Погодите! – воскликнул Ала ад-Дин, словно до него только что дошел смысл сказанного Максимом.

– Ну что еще? – обернулся Максим.

– Вы хотели мне помочь с моей ненаглядной Будур?

– Хотели, но ты сам отказался.

– О простите, почтеннейшие, – Ала ад-Дин встал на колени. – Меня одолевала горечь, и я не понял вас. Нижайше прошу простить меня.

– Слушай, мы тебе кто, султаны или эмиры? – ласково поинтересовался Максим, упирая кулаки в бока. – Живо встань и завязывая сопли на кулак наматывать.

– Красиво сказано! – захохотал Саджиз. – Сопли на кулак.

– Он еще и не так может, – похвастался Ахмед. – Да молчу я, молчу!

– Я ничего и никуда не наматываю, и вы все сейчас в этом убедитесь! – вскочил с колен Ала ад-Дин, выпучив глаза.

– Ахмед, успокой нашего общего друга – он не дает мне сосредоточиться.

– Будет сделано, шеф! – обрадовался Ахмед, которому наконец нашлось дело по душе. Он пригнулся, выставил перед собой руки и начал надвигаться на юношу, заходя бочком.

– Нет-нет, – сразу остыл Ала ад-Дин. – Я держу себя в руках.

– Сделано, шеф! – доложил Ахмед.

– В таком случае продолжим.

– Продолжим! – повторил Саджиз, чей хвост неистово вращался от нетерпения. – Что же ты предлагаешь?

– План следующий: загружаем Ахмеда лампами, что лежат в углу, и он их выносит из пещеры.

– Все? – уточнил джинн, и глаза его вновь расширились до размера приличных тарелок.

– Да, о мой лупоглазый друг, – подтвердил Максим. – Все до единой.

– Но ведь!..

– Ты будешь слушать или нет?

– Я слушаю тебя. Говори же! – Саджиз навис над Максимом.

– Ахмед выходит из пещеры, там его встречает Абаназар и...

– Дай, я попробую закончить твою мысль, – попросил джинн, и, не дожидаясь разрешения, продолжил: – Проклятый колдун окажется единоличным господином три-на-де-

сять джиннов, всех, кроме меня. Хороша свобода!

– Ты меня недослушал, – спокойно ответил Максим.

– Ну-ну, продолжай, – уже без особого вдохновения произнес джинн.

– Разумеется, колдун получит все лампы разом, но нужно хорошо знать Абаназара.

– А ты его знаешь достаточно хорошо?

– Более или менее, а вот Ахмед его отлично знает.

– О да! – сказал Ахмед. – Вдоль и поперек. И еще наискосок.

– И что же, по-твоему, о знаток человеческих душ, произойдет далее? – нахмурился Саджиз.

– А далее... Нет, лучше я скажу тебе на ухо.

– Почему, шеф? – обиженно надул щеки Ахмед. – Неужели вы мне не доверяете, мне, вашему преданнейшему другу?

– Доверяю, Ахмед, причем абсолютно и полностью. Но ты ведь знаешь пословицу: меньше знаешь – крепче спишь.

– Но я не хочу спать, шеф! Я хочу отомстить вшивому колдуну за все те притеснения и издевательства, которых я натерпелся от него.

– Тебе представится такая возможность. Но если ты будешь знать лишнее, хитрый колдун – а он ведь хитрый, не так ли?

– Оч-чень, – подтвердил Ахмед.

– Вот видишь! Так вот, хитрый колдун враз раскусит тебя, и наш чудесный план можно будет выбросить на помойку

вместе со всеми твоими любимыми сентенциями, пусто-
порожними замечаниями и набором базарно-тюремных словечек.

– Да понял я, шеф, понял, – мгновенно посерьезнел Ахмед. Выкидывать дивные словечки и замечания на помойку ему вовсе не хотелось.

– В таком случае, Саджиз, слушай внимательно.

Максим приблизил губы к уху джинна и быстро зашептал.

На подвижном, изменчивом лице Саджиза отражались то полная сосредоточенность, то легкое недоверие с примесью снисходительности, то неприкрытое презрение и еще множество самых разных эмоций.

– Ага!.. Угу!.. Ты думаешь?.. Не получится, хвост даю... А вот это... – иногда восклицал джинн, а Максим все шептал и шептал, не обращая внимания на замечания Саджиза.

Ахмед, которому все нужно было знать, напряженно вслушивался в тихое бормотание, но, к своему глубочайшему разочарованию, не смог разобрать ни слова.

Ала ад-Дин и вовсе приуныл, решив, будто о нем все позабыли – ведь его горе самое горькое, и ни в какое сравнение оно не могло идти с какой-то там свободой джиннов. Разумеется, с точки зрения юноши. Ала ад-Дин долго терпел, потом вдруг подскочил к Максиму, который до сих пор вертел в руках волшебную палочку. Максим и дернуться не успел, как юноша выхватил у него из пальцев палочку и отскочил обратно ко входу.

– Стой, что ты еще задумал? – закричал Максим.

– Я понял, вам всем наплевать на мое горе.

– Да какое у тебя горе, балда ты стоеросовая? – прорычал Ахмед, которому Ала ад-Дин со своей несчастной любовью надоел хуже горькой редьки. – Горе у него! Вот у меня горе. ни семьи, ни родных, ни дома, ни работы, ни денег. А у тебя что? Баба, видишь ли, замуж выходит! А-ха-ха, горе-то какое! Нытик вонючий.

– Я не нытик, и она не баба – не смей так говорить о моей прекрасной Будур, да отсохнет твой поганый язык! – выкрикнул Ала ад-Дин и взмахнул волшебной палочкой.

– Ы? Ы, ы! – перепуганный Ахмед заметался по зале. – Оуэ, ы! А-а-а!

– Вот тебе, получил? – злорадно захихикал Ала ад-Дин. – Будешь знать, как обзывать мою несравненную Будур!

– Ты чего сделал, индюк ты придурковатый? – начал звереть Максим, закатывая рукава рубахи и наступая на притихшего Ала ад-Дина. – Да я же тебя сейчас на кабоб разделаю, морда твоя влюбленная! Я ж тебе руки-ноги местами переменяю, оборву все, что выступает, и прикручу там, где выступать не должно!

– Н-не трогайте меня. – Ала ад-Дин отступил на шаг к стене. – Слышите? А то я...

– Я же тебя, гада, в бараний рог скручу! – продолжал приближаться к побледневшему юноше Максим.

– Исчезни! – взмахнул палочкой Ала ад-Дин, зажмурив

глаза.

– Я же тебя, хорек вонючий, по стенке размажу! – как ни в чем не бывало сделал еще один шаг Максим.

– Замри! – неистово замахал палочкой Ала ад-Дин, вжимаясь спиной в стену. – Изыди! Пропади! Не трогай меня-а-а! Кх, кха!

Пальцы Максима сомкнулись на горле Ала ад-Дин и медленно начали поднимать юношу вверх по стене.

– Я же тебе сейчас башку отвинчу, шпана ты подзаборная, и уши пообрываю! Усек?

– Ы-кхе! – задрыгал ногами Ала ад-Дин и выкатил глаза, вцепившись в пальцы Максима обеими руками.

– А ну, верни Ахмедке язык!

– Х-х-хы!

– Чего? Не понял!

– Да отпусти ты его, – подплыл к Максиму джинн, коснувшись его плеча. – Он же сейчас задохнется.

– Пусть сначала вернет язык! – гневно сверкая глазами, продолжал настаивать Максим.

– Да как же он его вернет, если он ни слова сказать не может.

– Кхех! – забился Ала ад-Дин, вывалив язык.

– Так чего же ты раньше-то молчал? – Максим поспешно разжал пальцы, и Ала ад-Дин упал на пол, держась за горло и стараясь отдышаться. В его горле что-то клокотало и надсадно сипело.

– Суров ты, Грозный Махсум, – прищелкнул языком Саджиз.

– Я за своих друзей пасть порву, моргала выколю. – Максим все еще тяжело дышал, но уже отходил. – Возвращай, ну?

Ала ад-Дин поморщился.

– Язык... пусть присохнет... обратно, – с трудом выговорил он и взмахнул палочкой.

– Аэ, ы? – Ахмед остановился и пошлепал губами. Лицо его медленно преобразилось, осветившись счастьем. – Урра!!! Мой язык, язычок! Трали-вали, нам не наливали! – заскакал он на месте. – Ну что, Данила-мастер, не вышел у тебя каменный цветок? – подмигнул он Ала ад-Дину. – Гусь ты репчатый, самоходный!

– Знаешь, – заметил Саджиз, наблюдавший за Ахмедом, – мне иногда кажется, что без языка ему было бы гораздо лучше.

– Мне тоже, – согласился Максим. – Но таков уж наш Ахмед.

Максим склонился над Ала ад-Дином и вырвал из его руки волшебную палочку.

– Детям спички не игрушки! – назидательно произнес он. – Слушай, Саджиз, – повернулся он джинну, – а ведь по большому счету нам крупно повезло, что на меня все эти волшебные штучки не действуют.

– Повезло, говоришь? – задумался джинн. – А может, Каз-

зан был не так уж и неправ на твой счет, а?

– Все может быть, – уклончиво отозвался Максим.

– Простите меня, о добрые люди! – взмолился Ала ад-Дин. – На меня нашло помутнение. Я не хотел.

– А что ты хотел? – обернулся Максим.

– Я... я не знаю, – развел руками Ала ад-Дин. – Я хотел, чтобы... чтобы... – Юноша спрятал лицо в ладонях.

– Старая песня о главном, – усмехнулся Максим. – Тебе же, балбесу, сказали: поможем! Чего тебе еще надо?

– Но ведь она выйдет замуж и тогда!.. – выкрикнул Ала ад-Дин.

– Никто никуда раньше времени не выйдет! И по ночам никто не женится.

– Да-а? – недоверчиво переспросил Ала ад-Дин.

– Да! – сказал Максим тоном, не терпящим возражения.

– А ее жених? Она его?..

– Как же ты мне надоел, о влюбленный осел! – Максим хлопнул себя руками по бедрам. – Если бы ты не хлопался в обмороки, то обязательно слышал, что рассказывал Саджиз, но я повторю специально для тебя: она терпеть его не может.

– А чего же она с ним в баню пошла? – слова Максима вовсе не убедили юношу.

– Чтобы не допустить брака, балда ты эдакий! Разве не понятно?

– Н-не очень, – сжался в углу Ала ад-Дин.

– Она его напоила, а потом отвезла в баню и подстроила

так, будто он пьяный пробрался к ней в парную. Ясно тебе?

- Но ведь это... – глаза Ала ад-Дина округлились.
- Страшное оскорбление, ты прав!
- Очень страшное! И потому жениху уже ничего не светит, – разом повеселел Ала ад-Дин.
- Все именно так, – подтвердил Саджиз.
- Поэтому завязывай с детскими истериками и не мешай взрослым дядям делать их серьезные дела, понял? – подытожил Максим.
- Угу! – понятливо закивал Ала ад-Дин, шмыгнув носом.
- Вот и умничка.
- А можно?..
- Ну что тебе еще? – застонал Максим, потрясая руками. – Оставишь ты нас в покое, смертный, или нет?
- Вообще-то мое словечко, – напомнил Максиму джинн.
- Ты еще: «твое», «мое»! Господи, ну за что мне все это?
- А все-таки? – напомнил о себе Ала ад-Дин.
- Что, что тебе еще от меня надо?!
- Палочку, – осторожно показал пальцем юноша.
- Чего-о? – не поверил ушам Максим.
- Палочку.
- Опять?!
- Мне ненадолго, совсем на чуть-чуть.
- Опять языки отрывать будешь?

Ала ад-Дин отрицательно помотал головой и втянул ее в плечи.

– Или решил сюда Будур притащить?

Опять отрицательные подергивания головы.

– Фу-у... – устало выдохнул Максим, утирев выступивший на лбу пот рукавом. – На, только отвяжись! – бросил он Ала ад-Дину палочку. – Саджиз, пригляди за ним, чтобы он не смылся отсюда.

– Слушаю и повинуюсь, – поклонился джинн, – но он и не собирался бежать.

– Тогда зачем же ему палочка?

– А вот сейчас увидите! – вскочил с пола Ала ад-Дин и вскинул волшебную палочку над головой...

Султан бегал из угла в угол по тесной прихожей бани с зажатыми в кулак штанами. Дело шло медленно, а султан не любил ждать. Смердящий, развратный ишак Нури никак не хотел приходить в себя, несмотря на вылитые на ту же голову двадцать тазов ледяной воды. Стража порядком умаялась бегать за водой, а Нури все еще сидел на полу, кося глазами и шлепая пухлыми губами, не в силах ничего толком сказать. Похоже, он вообще не понимал, что произошло и где находится. К тому же куда-то запропастилась Будур, да и главного визиря, за которым послали довольно давно, до сих пор не было. Султан, пребывая вне себя от ярости, сейчас был готов любого разорвать самолично, подвернись ему кто, но рабы боялись заходить в баню, а стражники всячески избегали попадаться владыке под горячую руку.

Наконец двери предбанника распахнулись, и из них высыпали девушки, застыв у дверей в почтительном поклоне. За ними выбежала принцесса. Султан сразу немного повеселел, приветливо распахнув объятия, и шагнул навстречу дочери.

– Наконец-то, дочь наша Бе-е-е! Бе-е?

Девушки взвизгнули и прыснули врассыпную.

Стражники, поливавшие Нури из тазиков, уронили их ему на голову, и тот, изобразив на лице улыбку, распластался на полу.

Будур замерла с распахнутым ротиком.

– Бе-е-е! – топнул копытом упитанный баран, обряженный в дорогой халат и огромную чалму.

– О отец, что с вами? – вскричала Будур, но не решилась броситься к отцу.

– Бе! – мотнул рогатой головой баран. Что это могло означать, осталось тайной для всех присутствующих, но спорить с султаном никто не решился. Все застыли, боясь пошевелиться – вдруг да и не угодишь султану. Пусть даже не султан, а баран, так что с того? Власти-то у него о-го-го сколько!

– Отец!

– Бе-е! – Баран покрутился на месте в попытке оглядеть себя, и вдруг произошло чудо: баран внезапно исчез, а султан появился вновь.

Все разом взялись протирать глаза и щипать друг друга – не почудилось ли им? Но нет! Как может привидеться одно и то же сразу стольким людям.

Султан меж тем покрутил головой, оглядел себя, ощупал и разулыбался.

– Ох, привидится же такое! – с глубоким облегчением произнес он. – Почему не поливают этого сына ишака? Быстро разбудить!

– Слушаемся, о повелитель! – Двое стражников подхватили оброненные тазики и бросились сломя голову за новой порцией воды.

– Уф-ф! – Султан еще раз ощупал свой живот и опять распахнул объятия. – Приди же к нам, наша дочь Ме-е-е!

Стражники, появившиеся в дверях купальни с полными воды тазиками, уронили их и спрятались за двери. Девушки опять запричитали, заохали. Кто-то из особо слабонервных стражников упал в обморок, другие попятились, отгораживаясь щитами и копьями от длиннорогого козла в халате и чалме.

– Отец! – Будур прикусила пальцы, закачалась и привалилась спиной к стене.

– Ме-е? – Султан недовольно поцокал копытами и... хрюкнул!

Двое стражников сползли по копьям на пол, закатив глаза, остальные отступили еще на шаг, занимая круговую оборону.

Девушки-служанки вынеслись вон из бани, оглашая ночь визгами, от которых в жилах у правоверных мусульман стыла кровь.

– Ох, отец! – Будур закрыла лицо ладонями.

– Хрю! – сказал боров, поведя розовым пяточком.

– Хр-р! – ответил ему лежащий рядом Нури.

– Хрю-хрю? Хрю! – негодуяще затоптал боров и прянул розовыми ушами с красными прожилками.

– Слушаемся, о повелитель! – склонились стражники, но ни один из них не двинулся с места, поскольку никто не знал, да и не мог знать, пороссячьего языка.

– Хрю, хрю, хрю! – неистово завертелся боров.

– Хр-р-р!

– Хрю! – Боров бросился на Нури и принялся его тыкать пяточком и топтать копытами.

– Хр-р-р!

– Хрю! Казню, всех казню!

Султан опомнился, сполз на карачках с зашевелившегося Нури и оглядел побелевшие, искривленные ужасом лица стражников, боязливо жавшихся друг к дружке.

– О Аллах всемогущий, что с нами такое? – пробормотал султан, воздевая себя на ноги. – Дочь наша, Б... – Султан недоговорил, замолкнув, и прислушался к себе, но на этот раз ничего не произошло.

– Уф-ф! – выдохнул он, оправив халат. – Бу... – опять ничего. Султан улыбнулся и даже сам поправил сползшую набок чалму. – Бу-дур. Будур! Дочь наша! – распахнул он объятия.

– Отец!!! – Принцесса бросилась в объятия отца. – Слава

всевышнему, с вами все в порядке.

– Да-да. Нам привиделось, будто мы сначала стали бараном, потом козлом, а после – тьфу, тьфу! – отвратительной свиньей! Представляешь?

– Но отец, все так и было!

– Ты, верно, шутить, дочь наша! Разве султан может быть... Впрочем, забудем об этом. Где наш главный визирь, почему его до сих пор нет?

– Я здесь, о мой повелитель! – влетел в двери главный визирь и, удачно споткнувшись о выступающий порожек, растянулся на полу, тем самым угодив султану.

– Ты почтителен, Юсуф, – довольно покивал султан. – Но твой сын!.. Мои уста отказываются поведать тебе о его отвратительном проступке!

– О великий султан! – Главный визирь на карачках подполз к султану.

– Встань, Юсуф, – дозволил повелитель правоверных, дернув пальцами, унизанными тяжелыми перстнями.

– Благодарю тебя, о солнцеподобный! – Визирь поднялся с колен и принял заученно-смиранный вид, сложив бровки домиком. – Скажите мне, что же натворил мой непутевый сын? Мое сердце обливается кровью от неведения и раскаяния за его поступок.

– Хорошо, что обливается. Да будет тебе известно следующее: твой сын напился вина...

– О нет! – вскричал Юсуф, воздев ладони к небу.

– Подожди, мы еще не закончили, – остановил султан. – Так вот! Твой сын напился вина, пробрался в баню, украл одежду нашей обожаемой дочери... Штаны... – Султан растерянно похлопал руками по бокам. – Где штаны?

– Вот они, о великий султан! – подал ему пропажу один из стражников, отобрав их у Нури, вновь вцепившегося во сне в шальвары.

– Ага! – Султан схватил шальвары и сунул их под нос главному визирю. – Вот, смотри, здесь он их жевал! Видишь?

Юсуф внимательно пригляделся к штанам и закатил глаза.

– Какой ужас! Да простит Аллах моего непутевого сына!

– Да подожди ты! – сорвался султан. – И это еще не все!

– Не все? – удивился Юсуф.

– Нет! – рявкнул султан, и Юсуф втянул голову в плечи. –

После он пробрался в купальню, где изволила мыться наша дочь со своими служанками, нанеся тем самым страшное оскорбление ей и нам лично!

Юсуф продолжал преданно и безмолвно взирать на своего повелителя, перебирая в руках четки.

– Это все! – поставил жирную точку султан, взмахнув шальварами.

– О, я несчастный! – наконец запричитал Юсуф, колотя кулаками по голове. – Мой непутевый сын опозорил мою седину-у-у... Но повелитель! – Главный визирь внезапно прервал поток завываний. – Ведь они почти муж и жена?

– И что же? – похлопал глазами султан.

– Они поженятся, ведь так, о пресветлый султан? – четки в пальцах Юсуфа завертелись быстрее, гипнотизируя султана.

– Э-э, – задумался повелитель, но перед глазами мелькали черные и белые костяшки, и султан никак не мог сосредоточиться. – Да не верти ты их!

– Слушаюсь, о повелитель, – четки исчезли, и Юсуф начал перебирать пальцами. Султан нахмурил брови и отвернулся.

– Нет, я, разумеется, не обеляю его – он напился как свинья, прости Аллах! – начал Юсуф, заметив нерешительность султана.

– Не говори нам об этом отвратительном, грязном животном, – судорожно сглотнул султан, воздавая всевышнему молитву.

– О каком?

– О свинье! Она нам не нравится, у нас нехорошие воспоминания.

– Слушаюсь, о великий султан. Так вот, я его не обеляю, ведь пьянство – великий грех!

– Вот именно!

– Но его можно понять: такое событие, мальчик немного перестарался...

– Немного? – вскричал султан. – Ну, знаешь!..

– Да-да, отец, – подлила масла в огонь принцесса. – Мало того, он пьяница, так еще и развратник.

– Мальчик нетерпелив, – смиренно склонил голову главный визирь. – Молодость – что поделаешь. Но ведь они по-

что муж и жена. Стоит ли раздувать проблему из подобных мелочей, о добрейший из справедливейших?

– Ты прав, Юсуф. Как ты считаешь, дочь наша, стоит ли действительно ругаться: подумаешь, перебрал мальчик немного, пошел навестить свою жену...

– В баню! И не жену, а невесту, – взмахнула косами Будур. – Неужели вы ему спустите такое, отец?

– Нет... да... мы... Ну вот, ты нас совсем запутала! Мы теперь не знаем, что с ним делать, – окончательно расстроился султан.

– Выпорите его, отец, и откажите в женитьбе! Он даже сейчас непочтительно лежит перед вами, а что будет, когда он станет моим мужем? Спихнет вас с трона и вышвырнет из дворца?

– То есть как – вышвырнет? – воззрился на дочь султан. – Нас?! Из нашего же дворца?

– Пинком, – подтвердила Будур.

– Нас, великого султана? Пинком?! – опять начал звереть султан и негодуя затапал ногами. – Да мы его!.. Р-разбудить наглеца! Почему он еще спит?

– Слушаемся, о повелитель! – Сразу четверо стражников подхватили тазики и на полусогнутых ногах унеслись прочь.

– О-ох, моя голова! – завозился на полу Нури и приподнялся на локте. – Как мне плохо.

Вернувшиеся с полными тазами стражники окатили его с головы до ног ледяной водой и выстроились в ряд у головы

ошалевшего, хватаящего ртом воздух Нури.

– Исполнено, о великий султан! – доложила стража.

– Ага-а! – радостно оскалился султан. – А теперь отвечай, дитя порока, зачем ты напился вина, украл вещи нашей дочери и забрался в купальню?

– И еще жевал... – начала было Будур, но султан не дал ей закончиться.

– Э-э! – поморщился он. – Какая разница, дочь наша, жевал он их или не жевал?

– Большая, отец!

– Ну, хорошо, – вздохнул султан. На пустые споры с дочерью сил у него вовсе не осталось. – И еще жевал шальвары. Зачем, о презренный? Отвечай же!

– Не понимаю, – честно признался Нури, снизу вверх глядя на султана.

– Нечестивый проходимец, ты еще вздумал запираться? Встань, когда с тобой говорит султан!

– О-ох. – Нури раскорячился и с третьей попытки все-таки поднялся на ноги. Молодого человека мотало из стороны в сторону, голова болела, но жаловаться он не посмел.

– Чего молчишь? – накинулся на сына Юсуф. – Отвечай всемилостивейшему султану, зачем ты все это проделал? Уй-уй, да отвالتها твои чресла – источник гнусной похоти, проклятый осел! Впрочем, мне кажется, они ему еще понадобятся... – Юсуф прогнулся перед султаном, преданно заглядывая ему в глаза. – Он признает свою ошибку и смирен-

но просит простить его, о добрейший из султанов!

– Что-то мы не заметили в его взгляде смирения, – усомнился султан в словах главного визиря.

– Есть, есть, – замахал ручками Юсуф. – Только здесь плохое освещение и потому не очень заметно.

Султан еще раз посмотрел в мутные, немного косящие глаза Нури – те сильно походили на глаза полоумного мартовского кота, – и вздохнул.

– Он кается, о султан! – воскликнул Юсуф, заметив, как сына качнуло вперед.

– Да? Странно.

– Но отец... – Будур схватилась за рукав отца. Все вот-вот могло пойти прахом.

– Э-э, дочь наша. Так ли сильна его вина, в самом деле?

– Свинья он, отец! – воскликнула Будур, не в силах больше сдерживаться. – Вонючая похотливая свинья! И я никогда не выйду... Ой!

– Хрю?

– О Аллах! – Султан зачем-то запахнул халат, а Будур прижалась к плечу отца и обхватила его за руку. – Ты видишь то же, что и мы, дочь наша?

– Д-да, – еще крепче прижалась Будур к отцу. – Я же говорила вам: он свинья, причем вонючая.

– Хрю? – отозвался поросенок, шевеля пяточком и вращая красными глазками.

– Насчет вонючей ты права, – поморщился султан, при-

крыв платком нос и рот. – Но... как?!

– Хрю! – завил ял хвостиком поросенок, облизываясь на Будур.

– Сын мой! – опомнился Юсуф, простирая руки к своему дорогому чаду. – Что с тобой случилось?

– Хрю? – дернул ушами Нури-поросенок.

– Да как же так, да что же это? – опустил на колени главный визирь.

– Хрю, хрю! – Поросенок проигнорировал причитающего родителя и рванулся к Будур, радостно вывалив язык.

– Ай! – Принцесса спряталась за спину отца. – Отец, убедите его от меня, умоляю вас!

– Стража! Убрать свинью! – отдал приказ султан, и сразу несколько воинов бросились ловить поросенка.

Тот, визжа, заметался по комнате, насилу увертываясь от копий и щитов. Стражники больше мешали друг другу, чем помогали, но служебное рвение никогда еще не заменяло разума, и потому у поросенка оставался весомый шанс выйти победителем. К тому же меж стражников носился Юсуф, еще больше затрудняя поимку свиньи.

– Что вы делаете, звери, изверги? Это же мой сын! Одумайтесь, люди! Заклинаю вас...

Но чего стоили его «заклинания» в сравнении с приказом самого султана, и стража продолжала погоню.

Внезапно поросенок кубарем покатился по полу, на глазах превращаясь обратно в Нури. Все произошло столь неожиданно,

данно, что никто не успел толком среагировать. Двое стражников успели-таки ткнуть в оттопыренный зад копьями, а остальные кубарем покатались через Нури.

– Уау! – взвыл молодой человек, схватившись за раненое место и... взмыл в воздух, устремившись к отхожему месту, расположенному по другую сторону от купальни.

Стража, Юсуф, Будур и, разумеется, султан только рты разинули, когда над их головами пронесся визжащий от охватившего его ужаса Нури. Молодой человек скрылся в отхожем месте, дверь захлопнулась сама собой, и все стихло.

– Что это было? – облизнул пересохшие губы султан и дернул подбородком, будто ему давил короткий воротник халата.

– Мне кажется, о великий султан, его одолела нужда, – влез с пояснениями начальник стражи. – Так торопиться! К тому же он держался за...

– Мы видели, за что он держался, – прервал стражника султан. – Да-да, возможно, ты и прав, – поспешно согласился он, только бы не искать иной причины. – Но нам его поведение совсем не нравится, совсем. Твой сын, Юсуф, проявил крайнее неуважение к нам: сначала он обратился в грязное животное, а после, не испросив разрешения, поспешил по нашим головам справить нужду.

– О всемилостивейший султан! – воскликнул Юсуф. – Это он от боли и ужаса, объяввшего моего несчастного сына. Ваша стража изволила уколоть его в... в мягкое место и...

– Разве? Тогда нам все понятно. Но мы все еще сердимся на него за недостойное поведение. Пойди и приведи его, – повелел султан. – Пусть он принесет нам официальные извинения, и тогда мы подумаем над его судьбой.

– О добрейший и всемилостивейший! – завопил главный визирь и побежал к отхожему месту, но дверь с грохотом отворилась, и на пороге возник Нури собственной персоной. Юсуф остановился, уставившись во все глаза на сына. И все, кто был в бане, обратили на него взоры, ибо ничего подобного они еще в жизни никогда не видели, да и вряд ли увидят.

– Что ты сделал с собой, о несчастный олух?! – застонал Юсуф, потрясая ладонями. – Ты провалился в отхожее место, да?

– Н-нет, – помотал головой Нури. Он явно пребывал в глубоком шоке, что и немудрено. – Меня... меня туда забросило.

Нури оглядел себя с ног до головы и брезгливо одернул халат. С молодого человека, бугрясь, отваливалась и стекала на пол отвратительная жижа. По комнате разлился дурной запах.

Султан едва сдержал позыв желудка вывернуться наизнанку и посильнее заткнул нос тряпицей.

Будур уткнулась носом в отцовский халат.

Страже пришлось хуже всех – затыкать рты и носы им было нечем.

– О паршивый осел! – продолжал кружить Юсуф вокруг

сына. – Зачем ты это сделал?

– Но я ничего не делал, отец, – уперся Нури. – Меня подбросило вверх, а потом я оказался там... внизу.

– Иди же, дуралей, принеси извинения великому султану, он ждет тебя! Э-э, – толкнул он в плечо нерадивого отпрыска, обнюхал руку, наморщил нос и брезгливо отер пальцы о стену.

– Нет! – в ужасе воскликнул султан. – Не приближайся к нам! Мы тебя и оттуда хорошо слышим.

Нури остановился посреди комнаты.

– Говори же! – зашипел на него отец, зажимая пальцами нос. – Ну?

– Я... А что говорить?

– О Аллах, за что ты ниспослал мне подобного дурня? Говори: «Я виноват, о великий султан!»

– Виноват, – послушно пробормотал Нури.

– Полностью!

– Полностью, – согласился Нури.

– Да нет же, говори полностью!

– Что говорить?

Юсуф вlepил себе пятерней в лоб и застыл столбом.

– Нам все понятно. – Султан устал ждать, да и вонь порядком измучила его. – Мы не видим в нем раскаяния.

– Он раскаивается, о султан! Но он очень стеснительный.

– Хорошо, – сдался султан, желавший как можно быстрее покинуть баню, выйти на улицу и вдохнуть чистого воздуха.

ха. – Пусть приведет себя в порядок, а после, когда он перестанет стесняться и источать миазмы, мы его выслушаем. Но если он опять...

– Нет, нет, о наидобрейший из султанов. Я лично проследжу.

– Да будет так! – кивнул султан и, стараясь сохранять величественный вид, направился к дверям на улицу.

– Но отец!

– Нет, дочь наша! Потом, все потом... – Султан, прибавив шагу, выскочил на двор, набрал полную грудь ночной прохлады, и у него на душе сразу посветлело. – Как хорошо!

– Плохо, отец!

– Дочь наша, ну почему ты портишь такой вечер?

– Ночь!

– Пусть ночь, – не стал спорить султан. – Посмотри, какое звездное небо, птички, деревья, травка, чистый воздух...

– Противный и вонючий Нури, подглядывающий за девушками и лазающий по отхожим местам.

– Ну вот, опять, – расстроился султан. – Ты все равно выйдешь за него замуж, и не перечь нам!

– Не выйду!

– Я дал слово...

– А он опять что-нибудь напортит, вот увидите, – фыркнула Будур и отвернулась. – Обязательно напортит.

И не успела она договорить, как из дверей бани выскочил бледный, растерянный Юсуф.

– Нури не выходил? – заметался главный визирь по двору.

– Славу Аллаху, нет! – недружелюбно бросила Будур.

– Надо же, горе какое, – всплеснул руками Юсуф. – Я пошел за одеждой – я всегда с собой вожу запасную одежду, мало ли что, – прихожу, а он исчез.

– Что я вам говорила, отец? – прищурилась Будур. – Он сбежал. Сбежал и не хочет на мне жениться.

– Как не хочет? – разозлился султан. – Да мы его...

– Правильно, отец.

– Немедленно найти и привести ко мне!

Стража, едва отдышавшаяся от нестерпимой вони, опять ринулась в баню, изнутри послышался грохот, звон металла и разбиваемой посуды.

– Моя баня, моя прекрасная баня! – наконец осмелился подать голос владелец бани, до сих пор боявшийся разогнуть спину. – Молю вас, о пресветлый султан! Они же разнесут мою баню. Какие убытки!

– Э-э! – Султан опять ткнул банщика сапогом. – Какие еще убытки? Тут такое, а ты: убытки!

– Его нигде нет, о великий султан! – выскочил из бани начальник стражи, и за ним потянулись остальные воины. – Как сквозь землю провалился.

– Так разыщите его! Разве мы позволяли ему проваливаться? – прорычал султан, теряя остатки терпения. Вдруг совсем рядом шевельнулся один из кувшинов, стоявших в ряд у стены бани. – Что такое? Шайтан? – отпрянул от него

повелитель правоверных.

– Нет, о великий султан! – вскочил на ноги банщик и проворно подбежал к кувшинам. – Это мои кувшины.

– Сам вижу! Что в них?

– В этих, – указал банщик на три слева, – чистойшая горная вода для питья. А в двух других золотарь вывозит... – Банщик замялся, не зная, как помягче выразиться.

– Дерьмо, – сказал султан, придав лицу жесткое выражение. – Золотарь вывозит дерьмо. Мы знаем.

– Ваша мудрость безгранична, о светлейший султан, – почтительно склонился банщик.

– Эй вы! – крикнул султан стражникам. – Разбейте этот кувшин, – указал он на один из двух кувшинов, который, как ему показалось, покачнулся.

– Заклинаю вас, о повелитель! – перепугался банщик, падая на колени. – В нем... это самое. Что я потом с ним буду делать? Оно же...

– Э-э, как ты нам надоел! Оттащите дурня и разбейте кувшин.

Стража вцепилась в упирающегося банщика и потащила его прочь. Еще один стражник, набрав в грудь побольше воздуха и затаив дыхание, грохнул со всего размаха копьем по кувшину.

Кувшин треснул и раскололся, из него на землю полилась отвратительная жижа, и все вокруг позатыкали носы. У нескольких человек случились припадки, еще у троих закру-

жила голова, но султан решил стойко держаться до конца и все прояснить. И его страдания были вознаграждены с лихвой: из разбитого кувшина, хватая ртом воздух, вывалился Нури. Вид его был ужасен, запах, исходивший от него, – и того хуже.

– О мой Нури! – Юсуф бросился было к сыну, но вовремя одумался и лишь прокричал издалека: – Зачем ты, о глупейший из ослов, сбежал и забрался в горшок с дерьмом? Отвечай мне!

– Я не сбежал, – захныкал Нури, силясь подняться с земли, но ноги и руки его предательски разъезжались, и он никак не мог подняться.

– Нет, ты сбежал, гнусный лгун, стоило мне лишь отвернуться! И тебя нашли в горшке. Зачем ты в него залез? – Юсуф схватился за голову и закачался из стороны в сторону. – Уй-юй!

– Это уже неважно, – остановил причитания Юсуфа султан, возвращаясь к своим носилкам. – Мы видим, ему больше нравится нырять в дерьмо, чем жениться на нашей драгоценной дочери. Мы не будем препятствовать в его желании. А чтобы не пропал его талант, мы даже готовы предложить твоему Нури должность дворцового... э-э... дерьмочерпия?

– Золотаря, о справедливейший и проницательнейший султан, – повесив голову, тихо подсказал султану Юсуф.

– Да, да, благодарю тебя, Юсуф. Да будет так!

– Слушай, а он забавный! – произнес тот из ифритов, что ранее стоял слева у входа в пещеру, тому, у которого во лбу полыхал рубин – символ власти.

– Ага, – согласился новый начальник ифритской стражи. – Смотри, смотри, что выделяет! – захохотал он, хлопнув себя по ляжкам.

– Алле-е оп! – Абаназа взмахнул руками над своей дырявой, истерзанной шляпой, и над ней показались заячьи уши. Колдун ухватил зайца за уши и потащил наружу. – Заяц! – продемонстрировал он и поклонился.

Ифриты довольно загомонили и захлопали в ладоши.

– Ты видел? – спросил левый ифрит. – В шляпе ничего не было!

– Точно, не было, – согласился первый.

– И ведь никакого волшебства! Я бы заметил, – восхищенно выдохнул второй.

– Талант! – поддержал третий.

– Вот именно, – заключил четвертый, а ифрит с рубином щелкнул пальцами, и перед Абаназаром появилась тарелка с шашлыком, посыпанным лучком колечками, и свежая лепешка. Вино колдуну предупредительно не дали. Но Абаназар, судя по его сверкающему взору, и без того был счастлив.

– Ты честно заработал еду, колдун.

Отбросив шляпу и зайца, который задал стрекача, едва его лапы коснулись земли, Абаназар схватил с тарелки палку шашлыка и впился в нее всеми оставшимися у него зубами,

рыча и похрюкивая от удовольствия, а ифриты только цокали языками и восхищались его непревзойденным мастерством иллюзиониста...

Глава 18. А кому лампы?

– Ой, ха-ха-ха! Ох, хи-хи-хи! – надрывался от смеха Саджиз, утирая дымящиеся слезы, от которых плавился и шипел гранит. – Три тысячи лет так не смеялся. А может, его еще куда засунем?

– Нет, с него вполне достаточно, – отрезал Максим, отобав у Ала ад-Дина палочку и засунув ее за пазуху. – Во всем нужна мера, да и эффект уже будет не тот.

– Ну еще разик. Пожалуйста!

– Ты не забыл, у нас дело стоит?

– Ты прав, – посерьезнел джинн, но не выдержал и опять расхохотался.

– Чего это он? – спросил Ахмед, который так и не понял, что во всем происходящем с Нури было смешного.

– А разве тебе не смешно?

– Но ведь ему же... ему же неприятно и больно, – всхлипнул Ахмед. – Разве он в чем виноват?

– Ох, Ахмед, прошу тебя, не начинай, ладно? Конечно, виноват! Видал, какую губень на чужой пирог раскатал.

– Точно, губы у него знатные, – позволил себе скупую улыбку Ахмед.

– Вернемся к делу, – произнес, отсмеявшись, Саджиз. – Значит, нагружаем Ахмеда лампами и выпускаем из пещеры первым, так?

– Именно, – кивнул Максим.

– Джиннов я уже предупредил, как им следует себя вести.

Все будет... Как ты там говоришь? – обернулся Саджиз к Ахмеду.

– Зашибись, – подсказал тот.

– Да-да, именно так. Но, боюсь, твой план не сработает.

– Должен сработать. К чему Абаназару «шестерки» с тремя желаниями? Ему непременно нужен ты.

– Будем надеяться, – задумчиво протянул Саджиз, но в его голосе чувствовалась неуверенность. – А вот дальше... дальше я вовсе не уверен, стоит ли тебе так рисковать? Если что-то пойдет не так, то – сам понимаешь...

– Понимаю и отдаю себе в том отчет. – Максим поджал губы, едва заметно побледнев. – Но Абаназар меня терпеть не может, а лампа испорчена, окончательно и бесповоротно, и долго не протянет.

– Все так, – с тоской во взгляде покосился на бронзовый блин Саджиз. – Но риск очень велик, о человек!

– Вот те на! Джин переживает за человека?

– Не за каждого, – нехотя отозвался Саджиз. – А именно за Человека.

– Польщен, конечно, но это единственный шанс освободить тебя, ведь здесь все уже владеют волшебными вещами. А Саиду, насколько я понял, ничем владеть и вовсе не положено.

– Вы правы, шеф, – тяжело вздохнул Саид, который нако-

нец пришел в себя и теперь разглядывал и ощупывал новенькие спицы. – Но мне ничего и не надо.

– Счастливый человек! Да... – Максим хлопнул по коленям и повернулся к Саджизу. – Тебя же здесь держит лишь обещание помочь моим друзьям, а Ала ад-Дин в нужный момент... Ала ад-Дин, ты слышишь? Не вздумай опять дурить, а сделаешь все как договорились.

– Да понял я, понял, – опустил голову юноша. Ему до сих пор было неудобно перед всеми за свою выходку с волшебной палочкой.

– Вот и отлично! Потом возьмешь лампу, вернее, то, что от нее осталось и отдашь Абаназару, мол, просил, дядя, – получай. Но только...

– Только когда все случится с другими лампами, как вы задумали. Я помню.

– Молодец, хорошая память, – похвалил Максим. – Ну-с, господа, приступим! Ни пуха нам, как говорится, ни пера...

Ахмед поправил на плече лямку бамбуковой подставки, доверху нагруженной лампами, и выглянул из пещеры. Шестеро ифритов сгрудились в сторонке, сидя кружком, и что-то восторженно обсуждали. В сторону пещеры никто из них не смотрел. Колдуна и вовсе видно не было.

Собравшись с духом, Ахмед сделал шаг наружу и торопливо зашагал прочь, стараясь держаться в тени. Потом немного переждал и зашел со стороны выхода из ущелья.

– А кому лампы! – заголосил он. – Джинновы лампы! На-

туральные, не порченные, не использованные. Отдам за грошик, дешевле собак и кошек. Не зевай, налетай, счастье попытай!

Ифриты медленно обернулись и начали подниматься, но Ахмед продолжал переть на них.

– А кому лампы, волшебные лампы?

– Откуда он здесь взялся? – удивился левый ифрит. – Ты ведь в пещере был?

– Был да сплыл. Лампа нужна?

– Н-нет, вроде бы, – почесал макушку ифрит.

– Тогда подвинься, не засти. А кому лампы?

– Мне, мне лампы! – Меж ног ифритов запетлял Абаназар и замер как вкопанный перед Ахмедом. – Ахмед? Ах ты, подлый вор!

– Я не вор! Зачем, обижаешь, хозяин, зачем напраслину возводишь? Что я у тебя украл?

– Э-э, неважно! Отдай мне лампы, быстро!

– Э, не-ет, хозяин! – покрутил Ахмед пальцем у носа колдуна. – Гони за каждую грошик.

– Я тебе сейчас так вгоню! Отдавай лампы сейчас же, – запыхтел Абаназар. – Постой-ка, а они вообще настоящие?

– Самые что ни на есть.

– Отдай, они мои! – рванулся к Ахмеду Абаназар, но тот ловко увернулся, и колдун растянулся на пузе.

– Монетку пожалуйста, уважаемый.

– Вот же гад! – саданул кулаком Абаназар. – Да я тебя...

– Только троньте, хозяин, и я их мигом обратно отправлю, в пещеру, – пригрозил Ахмед.

– И как же ты это сделаешь, интересно? – вскочил с земли Абаназар. – Или ты стал колдуном? Ха!

– Ха, ха! – не очень уверенно повторили ифриты.

– Можете проверить, хозяин, – сплюнул Ахмед в сторону. – Не будет вам ни ламп, ни джинов. А кому лампы?..

– Да где ж я тебе деньги возьму? У меня ничего нет. Ну, Ахмедик, дорогой, – взялся канючить колдун, решив не связываться с хитрым слугой.

– Нет денег – нет ламп! – отрезал Ахмед и пошел прочь. – А кому лампы?..

– Стой! Будут деньги, будут!

– Давайте, – протянул Ахмед ладонь.

– Не сейчас.

– Значит, и лампы потом. А к...

– Нет у меня денег, нет! – взорвался колдун. – Дашь лампу – будут.

– Не пойдет, – покрутил головой Ахмед. – А вы у своих друзей займите.

– Каких еще друзей? – опешил Абаназар.

– А вон у тех, – кивнул Ахмед в сторону ифритов.

– Да ты что! – отдельно произнес колдун. – У них?

– А что такого? Спросите, я подожду.

– Э-эх, – махнул Абаназар рукой и бросился к ифритам. – Эй, займите кто-нибудь.

– Ты чего, колдун, умом тронулся? – покрутил пальцем у виска ифрит-начальник.

– Я верну, вот не сойти мне с этого места!

– Нет!

– Укушу, – честно предупредил Абаназар.

– Да займи ты ему, брат! – влез левый ифрит. – Вытрясем потом, если что.

– Да верну я, все до медной монетки! – клятвенно пообещал Абаназар едва не плача.

– Хорошо. Сколько тебе надо, колдун?

– Сколько у тебя ламп? – крикнул Ахмеду Абаназар, обернувшись через плечо.

– Тридцать. С тебя, хозяин, тридцать грошей.

– Всего? А не продешевишь?

– А мне чужого не надо, хозяин. За что купил, за то и продаю. С небольшим наваром, – поскреб подбородок Ахмед и зевнул.

– Держи тридцать монет, – щелкнул пальцами ифрит, и к ногам Абаназара упал кошель.

– Ага! – колдун схватил его и бросился к Ахмеду. – На, держи!

– Пересчитывать надо? – Ахмед подбросил на ладони кошель.

– Не доверяешь, значит? – обиженно выпятил нижнюю губу Абаназар.

– Ладно, верю. – Ахмед засунул кошель за пазуху, снял

лямки подставки с плеч и бережно опустил ее на землю. Лампы тихонько звякнули. – Забирай, хозяин! Вот, блин, – помассировал Ахмед плечи, – вся спина затекла.

– Лампы, лампы, лампы. – Глаза у Абаназара загорелись, словно у голодного кота на крынку сметаны. – Эй, послушай? – окликнул он Ахмеда, уже отошедшего на порядочное расстояние. – А какая из них?.. Впрочем, откуда тебе знать. Иди себе.

Ахмед пожал плечами и зашагал прочь.

– Лампы, лампы... Тэк-с!

Абаназар уселся на землю и схватил первую, повертел в руках, зачем-то понюхал, взвесил на ладони, потом схватил другую, третью, пятую, десятую... Все лампы были совершенно одинаковы, хоть взвешивай их, хоть облизывай. И Абаназар приуныл, но ненадолго. Вновь схватив первую попавшуюся, он нетерпеливо потерял ее.

– Выходи!

Из лампы повалил дым, и над Абаназаром навис джинн.

– Слушаю и повинуюсь, господин.

– Ты кто? – крикнул Абаназар.

– Джинн, разве не видишь? – сделал удивленные глаза джинн.

– Вижу. Скажи, как тебя зовут?

– Актарабин, господин. Назови второе свое желание.

– Дурак, это было не желание!

– Извини, но ты приказал, и я исполнил, господин.

– А-а, шайтан с тобой! Скажи мне, только не вздумай врать: ты не Владыка джиннов?

– Нет, господин. Назови свое третье желание.

Абаназар скрипнул зубами.

– Где Владыка джиннов?

– Это твое третье желание?

– Да!

– Где-то здесь, господин, – ответил джинн и испарился, словно его и не было.

– Здесь, здесь, здесь, – потер вспотевшие от волнения ладошки Абаназар. – Вот ты и попался!..

Тактика была отработана, и дело пошло быстрее. Джинны один за другим появлялись и исчезали, исполнив три желания. Пустых ламп становилось все больше, Абаназар становился все злее, мрачнее и нервнее, но задор его только возрастал. Вот осталось пять ламп, потом четыре... три... две... и наконец в руках колдуна покоилась последняя, заветная лампа.

– Вот ты где! – воскликнул Абаназар и, затаив дыхание и моля Аллаха, он потер лампу.

– Слушаю и повинуюсь, господин, – объявился тридцатый из джиннов.

– Как тебя зовут? – крикнул Абаназар.

– Бархашин, господин. Назови свое...

– Знаю! Признайся, ты ведь Владыка джиннов? – прищурился Абаназар.

– Увы, ты не угадал, господин. Назови свое третье желание.

– Как... не угадал? – пошатнулся Абаназар. Сердце у него екнуло. – Ты врешь, подлый дух!

– Джинны не умею лгать, господин.

Абаназар почувствовал, как ему становится дурно, по-настоящему дурно. Он прикрыл глаза и помассировал ноющее сердце... Вроде немного отпустило.

– Отвечай мне без уверток: где же в таком случае находится лампа вашего властелина? – тихо произнес Абаназар. – У кого и где, слышишь?

– Слышу, господин, – склонился джинн к самому уху колдуна. – Она у Ала ад-Дина, и он скоро должен выйти из пещеры. Прощай, смертный!

Дух взмыл ввысь, и начал быстро рассеиваться.

– Постой, но почему?.. – однако духа уже не было и в помине. – Ала ад-Дин, Ала ад-Дин! – Абаназар в бешенстве принялся распинывать ставшие совершенно бесполезными лампы. – Где этот проклятый Ала ад-Дин? Значит, мальчишка все-таки нашел лампу! Теперь он от меня не уйдет, лампа будет моей. Моей! – вскинул он руки к небу, торжествуя, и тут кто-то постучал по его плечу. Абаназар подпрыгнул от неожиданности и резко обернулся.

– Дядя, вы не о ней, случайно, спрашивали? – Ала ад-Дин собственной персоной стоял перед колдуном, протягивая ему... бронзовую лепешку с призывно задранном носи-

ком. – Только, я надеюсь, вы не забыли своего обещания? – уточнил юноша. – А не то мне придется оборвать вашу прекрасную бороду.

– А! – пискнул Абаназар, указав на лампу обеими руками.

– Разве это не то, что вы просили? – Ала ад-дин придиричиво оглядел лепешку со всех сторон.

– А! – опять пискнул Абаназар. Других слов у него просто не осталось в запасе.

– Ну да, немножко помялась, – вынужден был признать Ала ад-Дин. – Но это она, не сомневайтесь, дядя – волшебная лампа!

– А! – Абаназара заклинило.

– Дядя, я вас не понимаю. Вы просили ее принести, и я принес!

– А!

– О Аллах! Вы что, от счастья потеряли дар речи?

– Что... что с ней такое? – насилу выдавил Абаназар, несколько очухавшись от глубокого потрясения.

– Опять двадцать пять! Ничего особенного, лампа как лампа, а в ней – Владыка джиннов.

– Но что с ней... – сглотнул Абаназар комок, застрявший в горле. – Что с ней случилось?

– Вы не поверите, дядя! На нее упала кувалда.

– Как... кувалда? Почему?

– Ну откуда же я знаю, – пожал плечами Ахмед. – Упала, и все тут. Дядя Махсум случайно уронил ее и...

– Постой, постой! – Колдун схватил Ала ад-Дина за руку. – Какой еще дядя Махсум? Я твой дядя!

– Да он мне и не дядя вовсе, – отмахнулся Ала ад-Дин. – Просто я его так называю.

– Так это... не тот ли дядя, который?.. – задохнулся Абаназар, пораженный внезапной догадкой.

– Да-да, такой... – пощелкал пальцами юноша. – Такой...

– Бледный.

– Да!

– И лохматый!

– Да, да! Он самый. А вы его знаете?

– Знаю, чтоб он провалился, – Абаназар, едва не плача, бережно принял бронзовую лепешку из рук «племянника» и всхлипнул. – Ну, попадись он мне! Послушай, а она... еще действует?

– Да откуда же я знаю, дядя? – искренне удивился Ала ад-Дин. – Я ее не проверял. Так вы выполните мое желание или нет?

– Выполню, выполню, но чуть позже.

Абаназар, молясь в душе, чтобы все получилось, бережно, будто боясь протереть лампу до дыр, потер ее и расцвел, заулыбавшись – из лампы повалил необычно белый дым. Он быстро собрался в компактное облако и уставился на Абаназара очень знакомыми глазами. У колдуна аж челюсть отвисла и улыбка сползла с лица.

– Слушаю и повинуюсь, господин. – Джинн упер руки в

бока.

– Ты!!! – задохнулся Абаназар, выронив лампу.

– Я.

– Не может быть!

– Может, – кивнул дух, опустившись ниже. – У тебя что, со зрением проблемы?

– Вшивый белый дух, гнусный разрушитель домов.

– Вижу, что узнал, – обрадовался джинн.

– Проклятый Махсум! – замахал руками Абаназар. – Ненавижу, ненавижу тебя!

– Что поделать, – развел руками джинн. – У нас это взаимно, паршивый колдунишка.

– Ы-ы-ы! Отвечай мне, шакал языкатый, как ты забрался в лампу?

– В наказание. Грохнул ее кувалдой и... вот, теперь обречен взирать во веки веков на твою отвратительную, прямо скажем, физиономию.

– Заткнись! – завизжал Абаназар. – Ты... ты разрушил все мои планы, все пошло прахом из-за тебя. И откуда ты только свалился на мою голову, проклятый выскочка!

– Знаешь, а мы с тобой неплохо, по-моему, уживемся. Нравится мне твой характер, колдун, – усмехнулся Максим, заclubившись и подрастая.

– Ненавижу, ненавижу тебя! – затопал и замахал руками Абаназар. – Не хочу ни видеть тебя, ни слышать твой противный голос!

– Извини, но ничем помочь не могу – теперь мы обречены быть вместе. Вот послушай, песню вспомнил: «Ниточка на-а-ас связа-ала...»

– Заткни-и-ись! – выкрикнул Абаназар, зажав уши руками, и закружил на месте.

– Как пожелаешь, смертный.

– Убирайся! – рявкнул Абаназар, задыхаясь от ненависти. – Убирайся, чтоб мои глаза тебя не видели!

– Куда, мой господин?

– Куда хочешь! Немедленно, слышишь?

– Не понимаю, – развел руками Максим. – Скажи точнее. Кстати, вот еще вспомнил! Тебе обязательно понравится: «Дорога, дорога, ведет от порога-а-а...»

– У-у-у! – взвыл Абаназар и пнул бронзовый блин ногой. – Убирайся туда, откуда тебя принесло на мою несчастную голову, поганая бледнолицая собака!

– Слушаю и повинуюсь, мой господин, – низко поклонился Максим-джинн и с тихим хлопком растаял в воздухе, будто его и не было. – А-ха-ха!.. – донеслось запоздалое из темноты.

Абаназар без сил опустился на землю, обхватил голову руками и закачался.

– Ах, я старый дурак, драный чувяк, дырявая миска.

Ала ад-Дин потихоньку отступил в сторонку и шажок за шажком направился туда, где в темноте скрылся Ахмед, но Абаназар не обратил на его поспешное бегство ни малейшего

внимания.

– Эй, колдун, – позвал ифрит с рубином во лбу.

– Чего тебе, черномазая обезьяна? – взорвался Абаназар.

– Как что? С тебя должок.

– Нет у меня денег. – Абаназар уронил руки на колени и низко повесил голову. – И не будет.

– Плохо, колдун, – покачал головой ифрит. – Очень плохо...

– Знаю, – потерянно отозвался Абаназар и тяжело вздохнул.

– Ну что ж, тогда пошли, – ровным голосом, но жестко произнес ифрит.

– Пошли, – согласился Абаназар, с трудом поднялся с холодной земли, окинул взором валявшиеся у своих ног лампы и послушно поплелся за ифритом. Больше ему ничего не оставалось.

Послесловие

– ...Вот так все и было. И если я приврал хоть слово, то пусть разразит меня гром на этом самом месте!

Слушавшие эту удивительную историю пригнули головы, ожидая, что вот-вот среди ясного неба полыхнет молния, и от странного чайханщика останутся одни чувяки. Но нет, ничего не случилось, а чайханщик только улыбнулся, собрал пустую посуду со столика, протер его тряпкой и собрался удалиться.

– Сейчас принесу чаю, – просто сказал он.

– Дядя Ахмед! – окликнул его совсем молодой парень.

– Что тебе, о Фома неверующий? – остановился Ахмед, насмешливо посмотрев на юнца.

– Вообще-то меня зовут Абдулла.

– Рад за тебя. Так что же ты хотел?

– Вы получили в подарок от Саджиза чайхану, но что стало с Ала ад-Дином, с колдуном Абаназаром и вашим другом Махсумом?

– С Ала ад-Дином все в полном порядке, уверяю тебя. Он женился на принцессе Будур, теперь живет во дворце и иногда навещает меня.

– Прямо так и женился? – не поверил Абдулла. – Ведь вы говорили, джинны не занимаются любовными делами.

– Говорил. И сейчас скажу то же самое, – кивнул Ахмед.

– Так как же в таком случае он смог жениться на Будур?

– Принцессе Будур, а лучше говори: Бадр Аль-Будур – так уж точно впросак не попадешь, – назидательно заметил юноше Ахмед.

– Вы правы, почтеннейший, – смутился Абдулла. – Но все же?

– Эх ты, валенок сибирский! Так ведь джинн одарил Алад-Дина богатыми дарами и отстроил ему роскошный дом в центре города.

– И что?

– А наша принцесса, если вы этого не знаете, – скала, камень! – показал Ахмед парню крепко сжатый кулак. – Так что же оставалось нашему светлейшему султану, как не выдать свою прекрасную дочь за обеспеченного, доброго и порядочного юношу? Всяко лучше, чем за Нури или какого-нибудь старого, кривого скрягу.

– А Абаназар? С ним-то что случилось?

– Чего не знаю, того не знаю, – развел руками Ахмед. – После того как он удалился вместе с ифритами, я его больше ни разу не встречал. Может, он уже отработал те тридцать монет и теперь странствует по свету в поисках своей мечты, а может... В общем, не мое это дело, – отмахнулся он.

– А Махсум?

– Махсум? – На лицо Ахмеда набежала тень воспоминаний, разумеется, приятных, хотя и с горчинкой. – О нем я знаю и того меньше. Он воспарил ввысь и растаял, подобно

легкому утреннему туману под лучами жаркого солнца.

– Но как же он попал в лампу?

– Разве ты не понял? Таково было его желание: поменяться местами с Саджизом.

– О Аллах! – воскликнул юноша. – Сам себя...

– Таков мой дорогой друг Махсум – иногда такое отечбучит...

– Да сочиняете вы все, дядя Ахмед, – хмыкнул Абдулла, ожидавший, что чайханщик Ахмед горячо возразит ему. Но тот лишь печально взглянул на юношу, пожал плечами и удалился прочь.

И тут в чайхану вошел важный молодой человек в богатых одеждах в сопровождении очень милой женщины, насколько можно было судить о ее лице сквозь полупрозрачную вуаль. За ними по ступенькам чайханы поднялись двое стражников и замерли на входе.

Посетители притихли. Присутствие стражи могло означать лишь одно – пожаловали очень важные люди!

– Дядя Ахмед, – крикнул молодой господин, сложив ладони рупором, – Эй, где вы?

– Кто там? – Из кухни показался Ахмед, отирая влажные руки о тряпку. – О Аллах! Ала ад-Дин! – Ахмед подбежал к гостям чайханы. – Я думал, ты совсем забыл про меня, так давно ты здесь не появлялся.

– Он сказал, Ала ад-Дин? – раскрыл рот Абдулла, но никто ему не ответил.

Между тем важный гость и простой чайханщик Ахмед обнялись, как два закадычных друга, и Ахмед провел гостей к свободному топчану, который слуга наскоро застелил дорогими подушками и покрыл столик белоснежной скатертью.

– Присаживайся, Ала ад-Дин, – предложил Ахмед.

– Без базару, дядя Ахмед, – отозвался юноша и взобрался на топчан. – В натуре.

– И вы, дорогая принцесса, – поклонился девушке Ахмед.

– Будур, – улыбнулась та столь яркой улыбкой, что ее свет озарял и согревал сердце чайханщика даже сквозь вуаль. – Зовите меня просто Будур, дядя Ахмед.

– И да отсохнет ваш язык, если вы еще раз назовете ее принцессой! – пошутил Ала ад-Дин, и все трое засмеялись.

– Принцесса... отсохнет язык... – тихо, словно эхо, повторил Абдулла и так и застыл с отвисшей челюстью.

– Муха залетит, – помог ему сомкнуть челюсти сосед по топчану.

– Это же...

– Да, принцесса Будур и ее муж Ала ад-Дин.

– Выходит, это чистейшая правда? И все было на самом деле, и чайханщик не соврал?

– Запомни парень: чайханщик Ахмед – один из честнейших и добрейших, а потому самых уважаемых людей в нашем городе. – Сосед Абдуллы отхлебнул из пиалы, поболтал в ней остатки чая и выплеснул их. – Ахмед, ну где же наш чай?

– Сейчас, сейчас! – Ахмед махнул в ответ рукой. – Прошу извинить меня, – опять повернулся он к Ала ад-Дину, – у меня важные клиенты.

– А мы, значит, неважные, да? – наморщила носик Будур.

– Успокойся, дорогая. У дяди Ахмеда все клиенты равны, и все обязательно важные.

– Это другое дело, – вновь улыбнулась Будур. – Тогда мы, разумеется, подождем. Нам спешить некуда.

– Конечно, подождем, о моя несравненная, дорогая Будур!

– Прошу тебя, только не начинай здесь и снова! – выдернула ручку принцесса, которую Ала ад-Дин аккуратно и нежно сжал под столиком. – От твоей лести у меня уже кружится голова.

– Хорошо, моя стройная...

– Ала ад-Дин!

– Ну, хорошо, хорошо, моя госпожа! Слушаю и повинуюсь...

– А это, малышка, колдун.

– Ой, папочка, а он настоящий?

– Самый что ни на есть! Смотри, какой он злой. У-ух, аж мороз по коже!

– Мороз? А что такое мороз, папочка?

– Как тебе объяснить... Знаешь, подрастешь – поймешь.

– А можно я с ним поиграю?

– Что ты, детка! И не вздумай сунуть ему пальчик.

– А что будет?

– Оттяпает и глазом не моргнет.

– Я боюсь, папочка! – Малышка прижалась к отцу, и тот нежно погладил дочь по головке.

– Не бойся, я не дам ему тебя обидеть.

– Правда? – Малышка с надеждой посмотрела в папины глаза, и на ее губах заиграла неуверенная улыбка.

– Правда, правда. Ну, иди поиграй.

– Хорошо, папочка!

– Эй, гнусный ифрит! – донеслось из вольера.

– Чего тебе, колдунишка?

– Сколько мне еще томиться в этой проклятой клетке, будь она неладна! Я занял у тебя каких-то тридцать медяков, а отрабатываю уже третий месяц!

– Прости, колдун, но медь у нас дороже золота, кому как не тебе это знать.

– О я несчастный! – застонал Абаназар, сжимая пальцами толстые, пропитанные магией прутья решетки.

– К тому же ты такой отменный факир, что тебя просто жаль отпускать.

– И сколько же мне еще осталось?

– Считай сам: по году за каждую монету.

– Ско-олько?! Да ты с ума спятил!

– Ну что ты. – Ифрит зевнул и почесал бок. – Я тебе еще скидку сделал, так сказать, по дружбе. Ладно, некогда мне

с тобой разговоры разговаривать, дел у меня по горло. Прощай, повелитель джиннов! Да, и не забудь что-нибудь новенькое придумать к моему возвращению.

– Пстой, куда же ты? Не уходи, заклинаю тебя! – Абаназар еще сильнее сжал пальцы и в исступлении затряс решетку. – Выпусти меня отсюда!!! Кто-нибудь, выпустите!..

Но никто не откликнулся на зов старого колдуна и никто не появился в огромной каменной зале, куда не проникали ни лучик солнечного света, ни шорох ветра, ни пение самой малой из пичужек. Абаназар застонал, сполз по решетке на пол клетки, устеленный чистеньким цветастым покрывалом, и, всхлипнув, утер нос.

– Выпустите же. Ну, кто-нибудь, а?

– Что, колдун, хорошо ли ты себя чувствуешь? – прошелестел над головой старика голос.

– Кто здесь? – встрепенулся Абаназар, завертев головой.

– Я, Каззан. – Джинн неторопливо протаял из воздуха и подплыл поближе к решетке.

– А-а, подлый предатель, – отвернулся Абаназар. – Чего тебе от меня понадобилось? Или пришел поиздеваться надо мной, посмеяться над моим горем?

– А не я ли предупреждал тебя в свое время, что все закончится хуже некуда?

– Ну, предупреждал, – буркнул Абаназар, поерзав на коврик.

– И чего ты достиг?

– Ничего, – уныло отозвался колдун и вздохнул.

– Вот видишь, к чему привела твоя жажда власти!

– Вижу, – еще тише ответил Абаназар. – Глупо все вышло.

– А что бы ты сделал, обрети сейчас свободу? – никак не отставал Каззан.

– Э-э, пустое. К чему тебе это знать?

– А все-таки?

– Может, я стал бы факиром, – мечтательно уставился в высокий, сводчатый потолок Абаназар. – Говорят, у меня неплохо получается. Детей бы веселил... Каззан, как ты считаешь – это прибыльное занятие?

– Думаю, да, если, конечно, факир старается.

– Я бы старался, – повесил голову колдун.

– В таком случае держи, колдун! – и к ногам Абаназара упал, звякнув, мешочек.

– Что, что такое? – Абаназар протянул дрожащую руку к мошне, но побоялся ее коснуться: вдруг растворится в воздухе, будто ее и не было вовсе.

– Тридцать грошей, – просто сказал Каззан.

– Те самые? – сглотнул Абаназар.

– Те самые. Бери.

– Но откуда они у тебя? – Абаназар бережно поднял мошну с пола и прижал к груди.

– Меня просили передать их тебе, когда ты поумнеешь.

– Я... мне... Скажи, кто тебе их передал?

– Ахмед. Прощай, колдун! – помахал рукой Каззан и

вновь растворился в воздухе.

– Постой! – крикнул ему вслед Абаназар, вскочив на ноги, но джинна уже не было в комнате. – Ахмед... – эхом повторил Абаназар, еще крепче прижал мошну к груди и заплакал слезами радости.

– Дамы и господа, наш самолет начал снижение и через двадцать минут совершит посадку в аэропорту города Дубая. Просим вас пристегнуть привязные ремни и привести спинки ваших кресел в вертикальное положение...

Максим встрепенулся, распахнул глаза и крепко вцепился в подлокотники, так, что побелели костяшки пальцев. Что это было? Сон? Или он сейчас спит, и ему все это мерещится: и самолет, и пассажиры, и голос бортпроводницы? Максим на всякий случай незаметно ущипнул себя – нет, не сон. Самолет, вздрагивая и покачиваясь, входил в плотные облака, вот-вот должна была показаться земля.

Максим оглядел себя: брюки, рубашка, ветровка – все его. Хлопнул по карманам ладонями – документы, деньги на месте. Похоже, ему все это приснилось. Вот шайтан, что же так колется под рубашкой?! Максим засунул руку за пазуху и вынул оттуда палочку, не очень длинную, тонкую и черную, с блестящими вкраплениями. Волшебная палочка! Глаза у Максима скачком увеличились вдвое, и он с трудом подавил в себе желание испытать ее: нет, это подождет, не стоит так поспешно расставаться со сказкой. Ведь вдруг палочка в его

мире окажется обычной пластиковой палочкой? Надо будет ее обязательно проверить, но потом, не сейчас.

Максим бережно сунул палочку обратно за пазуху, закрыл глаза, поудобнее устроился в кресле и задремал. Через пятнадцать минут он ступит на прекрасную арабскую землю, на которой он был так недавно и не был никогда, землю, где безжизненные, прокаленные пески бескрайних пустынь соседствуют с чарующими глаз садами, где люди понимают смысл фразы «вода – это жизнь» и любят жизнь, как бы тяжела она ни была, землю дивных легенд и сказок о джиннах, злых колдунах, луноликих принцессах и простых людях, на чьих могучих плечах держится этот мир, да пребудет со всеми ними милость Аллаха, Всемилостивейшего и Милосердного!